

**Мозыщина:
люди,
события,
время**

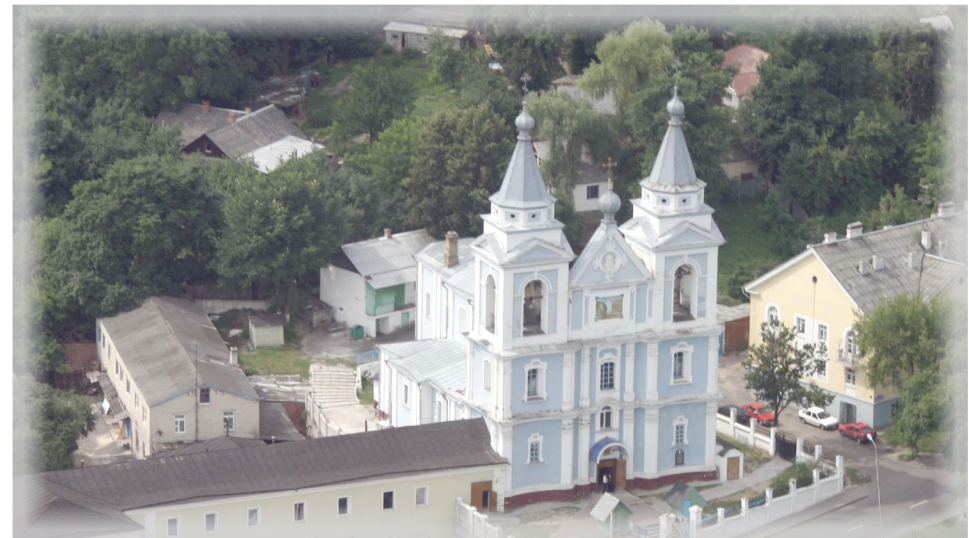
**Материалы Международной
научно-практической конференции
Мозырь, 26-27 мая 2016 г.**

МГПУ им. И.П.Шаманова

ISBN 978-985-477-578-4

9 789854 775784

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ИСТОРИИ И МПИ

ТУРОВСКАЯ ЕПАРХИЯ

МОЗЫРЩИНА: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ВРЕМЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции

Мозырь, 26–27 мая 2016 г.

Мозырь
МГПУ им. И. П. Шамякина
2016

УДК 378:001 (476.2) + 93(06) + 371
ББК 72.4 (4 Бей) я 43+63 я 43 + 74 я 43
М12

Редакционная коллегия:

Т. Н. Сыманович (ответственный редактор), кандидат педагогических наук, доцент; **В. С. Болбас**, кандидат педагогических наук, доцент; **И. Н. Кралевиц**, кандидат педагогических наук, доцент; **Л. В. Исмаилова**, кандидат педагогических наук, доцент; **Л. В. Гавриловец**, кандидат исторических наук, доцент; **О. Г. Брель**, старший преподаватель кафедры истории и методики преподавания истории

Печатается согласно плану научных и научно-практических мероприятий учреждения образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» на 2016 год и приказу по университету № 468 от 11.05.2016

Мозырщина: люди, события, время : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 26–27 мая 2016 г. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: Т. Н. Сыманович (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2016. – 143 с.
ISBN 978-985-477-578-4.

В сборнике представлены материалы научно-практической конференции, в которых рассмотрены проблемы исторического развития Полесского региона, актуализируется внимание на его богатом историко-культурном наследии, обсуждаются перспективы развития системы образования.

Издание адресуется научным работникам, преподавателям, студентам, учащимся общеобразовательных школ.

Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

УДК 378:001 (476.2) + 93(06) + 371
ББК 72.4 (4 Бей) я 43+63 я 43 + 74 я 43

ISBN 978-985-578-4

© УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2016

Секция 1

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЛЕССКОГО РЕГИОНА

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ СПРАВА (АГОНИЯ БОЕВЫХ ДРУЖИН СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА)

А.В. Гавриков

УО ГГУ. им. Ф. Скорины

Для историков является чрезвычайно важным установить историческую достоверность во многих спорных вопросах, касающихся правого лагеря в Российской империи в начале XX в. В современной историографии выделяется множество концепций, которые по-разному рассматривают формирование и деятельность правомонархического лагеря.

Противоречивость деятельности правомонархистов была тем событием, относительно которого велись жаркие споры. И это легко понять, так как во время появления правомонархических организаций у них сразу появились политические оппоненты, которые видели будущее России в противоположном ракурсе.

Цель исследования – рассмотреть общественно-политическую деятельность правых дружин и их уличную борьбу с революционерами и либералами.

Объект исследования – правые боевые отряды (дружины).

К началу XX в. Российская империя являлась страной, в которой уличная борьба шла параллельно с борьбой в Государственной Думе. Порою улица решала гораздо больше, чем коридоры Таврического дворца.

Революционер всегда видит свою борьбу праведной как против социальной несправедливости и угнетения. Однако нелегальные методы борьбы революционеров порождают иногда не менее жестокое противостояние контрреволюционеров. Первая Русская революция была противостоянием многих политических лагерей, которые по-разному видели будущее страны. Политическое противостояние в конечном итоге вылилось на улицы.

Уличная борьба революционных партий и организаций часто выражалась в индивидуальном или же групповом терроре против чиновников, полицейских, городона начальников, администрации и др. Первая Русская революция стала пиком уличной борьбы боевых революционных организаций. Революция лишь расширила возможности политической борьбы революционеров, когда наряду с уличным террором революционеры использовали революционно настроенных рабочих, крестьян и солдат.

Одной из политических сил, которая пыталась противостоять как революционным партиям и организациям, так и либеральным являлись

крайне правые монархисты. Сложным является вопрос, когда именно появились правые боевые дружины. Прототипом таких правых боевых отрядов некоторые исследователи склонны считать Священную Дружину – конспиративную монархическую организацию, которая была тайной организацией и просуществовала с 1881 по 1882 г. Ее деятельность практически не затрагивала уличную борьбу с революционерами.

Прототипами боевых правых дружин послужили локальные монархические партии и организации, которые участвовали в уличном противостоянии, погромах и стычках с революционно настроенной частью населения. Однако эти партии и организации не имели единого центра, которому они бы подчинялись, их действия были разрознены и спонтанны, что часто приводило к судебным тяжбам, в которых подсудимыми были сами монархисты.

Революция консолидировала крайне правых. Манифест 17 октября дал возможность легализоваться крайне правым и создать свои партии и организации. Одной из самых массовых влиятельных партий являлся Союз русского народа (далее СРН). Создание боевых дружин вызвало большое недовольство и опасение среди революционеров и либералов. Так, в публицистических и периодических изданиях революционеров и либералов часто можно было встретить строки, где правомонархистов называли черносотенцами и революционерами справа.

Послереволюционная деятельность (о деятельности боевых отрядов СРН в 1905–1907 гг. см. статью автора «Тактика противостояния правомонархических боевых отрядов (дружин) Союза Русского Народа») [1] боевых отрядов СРН была практически парализована. Это было обусловлено несколькими причинами, среди которых можно выделить:

- раскол СРН и выход из него РНСМА им. Михаила Архангела;
- политическое противостояние между А.И. Дубровиным и В.М. Пуришкевичем;
- прекращение финансовой и политической поддержки СРН правительством;
- политическое преследование боевых отрядов СРН в связи с убийствами депутатов I Государственной Думы кадетов М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иолосса.

Эти факторы в совокупности сильно ограничивали деятельность боевых дружин. Начинается процесс по их ликвидации. СРН к 1908 г. хоть и являлся самой массовой и влиятельной партией правомонархистов, однако постоянно был подвержен внутренней борьбе. Среди партийных функционеров были глубокие разногласия по поводу Государственной Думы. Сторонники А.И. Дубровина считали, что она является либеральным заимствованием из Европы и не может быть выразителем воли народа. Другая же часть партийцев во главе с В.М. Пуришкевичем считало, что время уличных шествий и борьбы с революционерами

прошло и влиять на политическую борьбу необходимо через Государственную Думу. Это партийное противостояние вылилось в то, что из СРН был выделен РНСМА им. Михаила Архангела во главе с В.М. Пуришкевичем [2, с. 108]. Раскол затронул и боевые дружины СРН. Большинство дружин перешло на сторону В.М. Пуришкевича, что видно из протоколов охраны. Так как В.М. Пуришкевич был сторонником легальной политической борьбы, боевые отряды официально выполняли функции охраны: правых депутатов, шестивей монархистов и др.

Прекращение финансовой и политической поддержки правительства было фатальным как для СРН, так и для его боевых дружин. Оказывая всяческую поддержку, в годы революции правительство видело в СРН и его структурах противовес революционерам и либералам. Однако со спадом революции спадал и интерес правительства к боевым отрядам СРН, который в любой момент мог выйти из-под контроля. К 1908 г. финансирование СРН правительством практически прекратилось (выгоднее было профинансировать РНСМА им. Михаила Архангела, который был более умеренной партией и поддерживал Государственную Думу).

В годы революции боевые отряды СРН были замешаны в убийствах депутатов I Государственной Думы кадетов М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иолосса. Революция и покровительство некоторых высокопоставленных чиновников (в частности, Петербургского градоначальника Ф. фон дер Лауница) отсрочили вопрос о причастности к убийству депутатов, однако про это событие не забыли.

Боевые дружины были в годы революции в тесном сотрудничестве с полицией. 12 мая 1909 г. депутатами Государственной Думы был разработан проект запроса министрам внутренних дел и юстиции по поводу организации Союзом русского народа при содействии чинов полиции, боевых дружин и участия названного в подготовке и совершении ряда преступлений. На судебном процессе была доказана причастность к убийству М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иолосса членов Путиловской боевой дружины: Егора Семенова Ларичкина, Юскевич-Красковский, Семен Александрович Ушаков [3].

Депутатами рассматривался вопрос взаимодействия крайне правых с охранкой и полицией. Полиция в свою очередь отрицала такие связи. И.И. Комисаров в своих мемуарах свидетельствовал: «Среди них немало было людей с уголовным прошлым. Я, конечно, обо всем этом докладывал Лауницу, советуя ему не особенно доверять этим сведениям из этого источника, но Лауниц стоял за них горой. Многие из них были люди темные, пьяницы». Однако депутатами был установлен ряд противоправных действий дружин. В виду этого нижеподписавшиеся (73 депутата) предлагают Государственной Думе обратиться к Министрам Юстиции и Внутренних Дел с следующим запросом: «Известно ли

Министрам юстиции и внутренних дел: 1) что Главный Совет Союза русского народа организовал, с ведома полиции и охранного отделения, боевые дружины, которые вооружались револьверами и бомбами при содействии чинов полиции; 2) что целый ряд членов Союза русского народа и его боевых дружин состояли одновременно агентами охраны; 3) что те же лица принимали участие в совершении убийства М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса и в подготовке покушений на гр. С.Ю. Витте и П.Н. Милюкова, при содействии Главного Совета Союза русского народа и его председателя А.И. Дубровина. И если известно, какие меры приняли или предполагают принять Министры Юстиции и Внутренних Дел для прекращения подобной преступной деятельности Союза и своих собственных агентов?» [3].

В ответ на депутатские запросы начальник Санкт-Петербургского охранного отделения С.Г. Карпов отписал письмо заведующему особым отделом департамента полиции Е.К. Климовичу. «Милостивый Государь, Евгений Константинович. Вследствие письма от 13 сего мая за № 129451 имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что никто из членов Союза русского народа, в том числе и Половнев, Казанцев, Сергей Александров, Рудзик и Степан Яковлев, агентами охранного отделения никогда не состояли и поэтому агентскими карточками снабжены быть не могли» [4].

Не исключено, что С.Г. Карпов отрицал связи с СРН, который терял популярность и был замешан в политических убийствах, чем могла способствовать смерть Ф. дер Лауница в 1907 г., который был убит эсером-максималистом.

Расследование убийства депутатов в конечном счете не привело к массовым арестам участников правых боевых дружин, так как к моменту суда часть подсудимых погибла, а остальные осуждённые были приговорены к 3 месяцам тюрьмы [5].

Все факторы свидетельствовали о росте непопулярности боевых дружин.

В послереволюционный период правые боевые отряды продолжали свою деятельность, однако правительство и чиновники перестают оказывать им поддержку. Это было обусловлено отсутствием заинтересованности в существовании боевых организаций, которые могли быть потенциальной проблемой в политическом аспекте.

Таким образом, к 1912–1914 гг. правые дружины уже не играли практически никакой роли в СРН и были практически полностью распущены или просто незаметны в политической жизни страны.

Список основных источников

1. Гавриков, А.В. Тактика противостояния правомонархических боевых отрядов (дружин) Союза русского народа / А.В. Гавриков // Романовские чтения-11: сб. статей междунар. науч. кон.: под общ. ред И.В. Швардыко. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2015. (В печати)

2. Богоявленский, Д.Д. Проблема лидерства в Союзе русского народа: монография / Д.Д. Богоявленский. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 242 с.

3. Проект запроса Государственной Думы министрам внутренних дел и юстиции по поводу организации Союзом русского народа при содействии чинов полиции, боевых дружин и участия названного союза в подготовке и совершении ряда преступлений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19090512.html. Отсканированная копия: ГАРФ. Ф. 102. Д-7. Д. 8. Ч. 66. Т. 2. Лл. 142–142(об.).

4. Письмо начальника С.-Петербургского охранного отделения С.Г. Карпова заведующему особым отделом департамента полиции Е.К. Климовичу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19090512.html. Отсканированная копия: ГАРФ. Ф. 102. Д-7. Д. 8. Ч. 66. Т. 2. Л. 174.

5. Из справки департамента полиции о противозаконной деятельности членов Союза русского народа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19090512.html. Отсканированная копия: ГАРФ. Ф. 102. Д-7. Д. 8. Ч. 66. Т. 2. Лл. 120-129 (об.).

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.*

Л.В. Гавриловец

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

Белорусско-польские культурные взаимоотношения являются стабилизирующим фактором двусторонних отношений и в определенном смысле нивелируют отрицательные импульсы, обозначившиеся в политических контактах двух государств. Беларусь и Польша подписали ряд важных соглашений, в том числе в 1992 г. Декларацию Правительства Республики Беларусь и Правительства Республики Польша о сотрудничестве в области культуры, науки и образования. Уполномоченный Правительства Республики Польша в культурной сфере за рубежом Т. Поляк утверждал, что в 1992–1995 гг. на достаточно высоком уровне развивалось культурное сотрудничество с Беларусью. Польская сторона оказывала помощь в сохранении замков в Крево и Новогрудке, литературного наследия А. Мицкевича. В Несвиже в 1995 г. открыли Международную летнюю школу «Несвижская академия», в которой обучали реставрации памятников культуры. Однако, как отмечал Т. Поляк, Новогрудское воеводство имело около 400 усадеб, а осталось всего лишь несколько десятков, представляющих историческую и культурную ценность [4, s. 53].

В 1993 г. между государствами было подписано Соглашение о сотрудничестве в области туризма, а в марте 1995 г. Соглашение о сотрудничестве в области охраны историко-культурного наследия и Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и образования. В это же время был подписан протокол о сотрудничестве между

---

*Работа выполнена в рамках гранта БРФФИ № Г15М-138

Министерством культуры Республики Беларусь и Министерством культуры и искусства Республика Польша на 1997 год. С целью более эффективной организации культурного сотрудничества, подготовки рекомендаций правительствам двух государств, решения других важных вопросов взаимодействия в 1993 г. была создана белорусско-польская консультационная комиссия по делам историко-культурного наследия, задачей которой является материальное обеспечение выполнения инвентаризационных и реставрационных работ, а также реставрация культурных ценностей [9, с. 55].

Однако польско-белорусское Соглашение о сотрудничестве в области охраны историко-культурного наследия вступило в силу только в 1997 г. В нем предусматривалось проведение совместных регистрационных и исследовательских работ с целью определения ценности и состояния находящихся на территории обоих государств культурных ценностей. Результаты этих работ каждое из государств представляло не реже одного раза в год. Обязательным признавалось объединение в единое целое разбросанных коллекций, а также предписывалось совершение разных юридических и исполнительных действий с целью возвращения идентифицированных культурных ценностей [3, с. 63]. Тем не менее, Варшавский университет, прежде всего студенческая научная секция по истории искусства под руководством М. Каламайской-Саед, без участия белорусской стороны начала инвентаризацию памятников архитектуры, истории и культуры на территории Беларуси, а Бюро уполномоченного представителя правительства Польши в культурной сфере за рубежом профинансировало реставрационно-строительные работы. Как отмечал Т. Поляк, возникла новая концепция реставрации памятников архитектуры: охрана через инвентаризацию [6, с. 324].

17 февраля 1994 г. министр иностранных дел Польши А. Олеховский на заседании Комиссии иностранных дел Сената заявил, что, несмотря на охлаждение в политических контактах Польши и Беларуси польско-белорусское сближение происходит в культурной сфере [5, с. 47]. Продолжает активно развиваться сотрудничество архивистов, библиотекарей и музейных сотрудников двух стран, а также белорусские ученые участвуют в конференциях, организованных на территории Польши и делятся с польскими учеными своими успехами в исследовательской работе [6, с. 136].

В 1997 г. была создана Консультативная польско-белорусская комиссия в культурной сфере, председателем которой стал А. Цехановецкий. Во главе польской делегации стал уполномоченный представитель правительства Польши в культурной сфере за рубежом С. Журовский, а белорусской – уполномоченный представитель правительства Беларуси, Председатель Государственной инспекции Республики Беларусь по охране историко-культурного наследия

Д.С. Бубновский. На территории Польши действовало образовательное Общество «Польша–Беларусь», которое инициировало и организовало ряд культурных мероприятий, а также участвовало во многих акциях, проводимых Посольством Республики Беларусь в Варшаве. Так, в июле-августе 1996 г. в Поморском воеводстве была организована выставка на тему «Живопись и народное ремесло Беларуси»; в 1998 г. в Варшаве и других городах Польши при содействии общества состоялась выставка художников Белорусской академии искусств В. Славыка, В. Висьневского. Значительным мероприятием в мае 1997 г. стали Дни белорусской культуры в Польше [7, с. 70].

Польско-белорусское культурное сотрудничество проявляется и в рамках деятельности Белорусского общественно-культурного товарищества (БОКТ) на уровне обмена фольклорными коллективами (финансирование происходит частично за счет белорусской стороны), организации культурных мероприятий и научных конференций, издании литературы, а также проведение артистических встреч в Белостоке и Гродно [1, с. 154]. Так, в 2000–2001 гг. в Варшаве, Конине, Пилаве, Гарволине выступали известные белорусские вокально-инструментальные коллективы «Купалинка», «Пуховчанка», «Немига»; во время проведения Дней белорусского фильма (2001, 2004, 2006 гг.) в ряде польских городов демонстрировались белорусские кинофильмы «Анастасия Слуцкая», «В августе 44-го». Среди важных культурных мероприятий, прошедших на территории Польши, следует отметить концерт Государственного оркестра Республики Беларусь под руководством М. Финберга, который состоялся 27 апреля 2005 г. в Королевском дворце Варшавы, а также прошедший 21 октября 2006 г. во дворце-музее короля Яна III Собеского в Вилянове концерт средневековой музыки [7, с. 70].

Необходимо отметить, что в наибольшей степени культурные контакты поддерживаются на белорусско-польских приграничных территориях. Так, 26 марта 1996 г. соглашение о культурном сотрудничестве на 1996–1998 гг. подписали управление культуры Гродненского облисполкома и отдел культуры, спорта и туризма воеводской управы в Белостоке; в 1997 г. заключен договор о культурной деятельности между Брестской областью и Бяло-Подляским воеводством. В рамках партнерских отношений между городами двух государств на основе заключенного Договора о сотрудничестве и партнерстве между Кобрином и Мендзыжец-Подляский от 12 декабря 2000 г., Соглашения о сотрудничестве между Барановичи и Бяла-Подляска от 16 мая 2001 г. также осуществлялся постоянный обмен творческими коллективами [2, с. 67]. Региональные соглашения создали прочный фундамент для сотрудничества в культурной сфере, тем самым расширяя возможности, заложенные в межправительственных соглашениях.

Примером активного взаимодействия в культурной сфере национальных меньшинств стало проведение под патронатом Союза поляков на Беларуси (СПБ) и БОКТ с 1993 г. в Гродно и Белостоке научной конференции «Шлях да ўзаемнасці» и фестиваля «Гродна – Беласток», ставших регулярными. В мае 1996 г. по инициативе Гомельского отделения СПБ проведены Дни польской культуры в Гомеле, в рамках которых отдел культуры Гомельского горисполкома и Посольство Республики Польша в Беларуси организовали показ польских фильмов, выставки плакатов и представление спектакля с участием популярного польского актера Я. Пешека. Кроме того, телекомпания «Нирея» в г. Гомеле на основе договора с АО «Польское телевидение», заключенного 21 февраля 1995 г. ежедневно по 4 часа ретранслировала познавательную программу о культуре, искусстве и национальных традициях польского народа «Полония ТВ» [2, с. 68–69]. Под эгидой Республиканского центра национальных культур, начиная с 1996 г. один раз в два года стал проводиться Республиканский фестиваль национальных культур. Так, в рамках III фестиваля в 2000 г., получившего статус «Всебелорусский», прошли 9 фестивалей польской песни. Проведение подобных мероприятий свидетельствовало о стремлении региональных органов власти обеспечить благоприятные условия для развития культурного сотрудничества двух стран в рамках диалога между национальными меньшинствами.

В 2003 г. Беларусь посетил маршал сената Л. Пастусяк в связи с открытием памятника А. Мицкевичу в Минске, а также прошли торжественные мероприятия, посвященные 60-летию со дня битвы под Ленино с участием польского премьер-министра Л. Миллера, возглавившего официальную делегацию Польши. В состав делегации вошли министр национальной обороны Польши Е. Шмайдиньский, 131 ветеран войны, рота почетного караула, военный оркестр и хор министерства обороны, а также делегация польского города-побратима Гарволина [6, с. 325].

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на противоречивые межгосударственные отношения, все мероприятия, проведенные общественными организациями, местными органами власти внесли свой значительный вклад в обогащение представлений польской и белорусской общественности о культурных традициях двух стран. Была сформирована широкая договорно-правовая база культурного сотрудничества двух государств, представленная договорами и соглашениями межгосударственного, межведомственного и межрегионального уровней. Интенсивность белорусско-польских культурных контактов свидетельствовала об общем стремлении двух государств укреплять как культурные, так и иные связи, расширять взаимодействие в решении общих проблем.

Список основных источников

1. Barwiński, M. Stosunki międzypaństwowe Polski z Ukrainą, Białorusią i Litwą po 1990 roku w kontekście sytuacji mniejszości narodowych / M. Barwiński // Studia z Geografii Politycznej i Historycznej. – 2012. – Nr. 1. – S. 139–166.
2. Бурик, Е.А. Феномен добрососедства: культурные контакты в белорусско-украинском и белорусско-польском приграничье (конец XX – начало XXI в.) / Е.А. Бурик // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гіст. Эканом. Права. – 2012. – № 2. – С. 65–74.
3. Воляньски, М. Обзор польско-белорусских двусторонних договоров / М. Воляньски // Журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2007. – № 1. – С. 62–63.
4. Wilczak, J. Wciąż szukamy. Rozmowa z prof. Tadeuszem Polakiem, wiceministrem kultury i sztuki, pełnomocnikiem ds. polskiego dziedzictwa kulturalnego za granicą / J. Wilczak // Polityka. – 1995. – Nr. 50(2015). – S. 52–53.
5. Wystąpienie ministra spraw zagranicznych Rzeczypospolitej Polskiej Andrzeja Olechowskiego na posiedzeniu Komisji Spraw Zagranicznych Senatu Rzeczypospolitej Polskiej na temat głównych elementów polskiej polityki wschodniej, Warszawa, 17 lutego 1994 r. // Zbiór dokumentów. – 1994. – Nr. 1(535). – R. 50. – S. 42–55.
6. Matelski, D. Miejsce Białorusi i Białorusinów w programie Partnerstwa Wschodniego Unii Europejskiej / D. Matelski // Studia Gdańskie. Wizje i rzeczywistość. – 2012. – T. 9. – S. 320–348.
7. Хмелиньски, Б. Деятельность Общества «Польша – Беларусь» в области науки, просвещения и культуры / Б. Хмелиньски // Журнал междунар. права и междунар. отношений. – 2007. – № 1. – С. 70–71.
8. Часноўскі, М.Э. Беларуска-польскія адносіны ў 1996–1999 гг. / М.Э. Часноўскі // Беларус. гістарычны часопіс. – 2000. – № 3. – С. 16–21.
9. Шадурский, В.Г. Внешняя культурная политика Республики Беларусь: состояние и проблемы / В.Г. Шадурский // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2000. – № 4. – С. 59–72.

ПУБЛІЧНЫЯ ФІНАНСЫ МАЗЫРСКАГА ПАВЕТА Ў 70–80 ГГ. ХVІІІ СТ. (ПАВОДЛЕ МАТЭРЫЯЛАЎ ІНСТРУКЦЫЙ ПАСЛАМ ШЛЯХЕЦКІХ СЕЙМІКАЎ)

А.У. Ерашэвіч
БДЭУ

Адносіны лакальнага грамадска-палітычнага згуртавання да справы публічных фінансаў раскрываюць матэрыялы пасольскіх інструкцый павятовай шляхты сваім паслам на вальныя соймы Рэчы Паспалітай. Поўныя тэксты пісьмовых наказаў шляхецкай супольнасці Мазырскага павета сваім дэпутатам у часы праўлення караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага (22.03.1773, 15.07.1776, 17.08.1778, 21.08.1780, 20.08.1782, 16.08.1784, 16.11.1790 гг.), упершыню апублікаваныя ў перакладзе з польскай на беларускую мову Я. К. Анішчанка [1], дазваляюць вызначыць пазіцыю мясцовай шляхты наконт найбольш важных фінансавых і падатковых пытанняў, высветліць самыя актуальныя, хвалючыя праблемы, звязаныя з дзяржаўнымі фінансамі. Устойлівы паўтор патрабаванняў павятовай палітычнай эліты паказвае ступень

злабадзённасці, сведчыць аб неабходнасці паступовай мадэрнізацыі ўсёй фінансавай сістэмы заняпадаючай Рэчы Паспалітай Абодвух народаў.

Абагульняючы і сістэматызуючы вытрымкі з наказаў шляхты Мазырскага павета за 70–80 гг. XVIII ст., вылучым найбольш значныя дамаганні прадстаўнікоў прывілеяванага саслоўя, якія ў той ці іншай меры датычаць сферы публічных фінансаў, а таксама праілюструем іх абгрунтаванасць пэўнымі прыкладамі з бюджэтнай практыкі.

Мясцовая шляхта ад імя мазырскага маршалка даводзіла, што з занадта заняпалых дымоў сваіх уладанняў не ў стане плаціць павялічаных падаткаў, таму намагалася, з прычыны паслуг свайго павета правінцыі Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ), вызвалення (скасавання) і перакладання падатковага цяжару на іншыя, менш абцяжараныя ўладанні (1773, 1778 гг.) [1, с. 424, 432]. Выступаючы супраць павелічэння падаткаў, павятовая інструкцыя тлумачыла немагчымасць аплаты вялікіх падаткаў тым, што народ асабліва збяднеў і «так вынішчаны ад нядаўніх краёвых разбурэнняў і так прыціснуты ад пераходаў войск» (1776 г.) [1, с. 425]. Мазырскі сход шляхты дамагаўся не ўводзіць больш ніякіх новых падаткаў, выступаў супраць прызначэння шляхецкіх зямель пад вымярэнне з мэтай іх ападаткавання (1778 г.) [1, с. 434]. У 1780 г. мазырская шляхта прасіла не ўскладаць на яе новыя падаткі, паколькі сейм 1778 г. пакінуў справу павелічэння арміі дзяржавы да наступнага сейма (1780 г.) [1, с. 436]. У 1782 і 1784 гг. прадстаўнікі вышэйшага саслоўя зноў выказалі свае меркаванні не ўводзіць больш ніякіх новых падаткаў, у тым ліку не дазваляць салянога збору, паколькі земскія ўладанні і так дастаткова абцяжараны [1, с. 442, 445, 446]. Сапраўды, у адпаведнасці з ранейшымі тарыфамі, з Мазырскага павета штогод спаганялася ў скарб ВКЛ так званых старых падаткаў 53826 злотых (зл.) 3 грошы (гр.) (21476 зл. 10 гр. падымнага, 21226 зл. 8 гр. кварталы, 5627 зл. 15 гр. пагалоўных з яўрэяў, 4588 зл. чопавага, 908 зл. млынавага збораў). Паводле актаў (праколаў) ахвяр уладанняў і люстрацый дымоў старстваў так званыя новыя падаткі склалі суму ў 52937 зл. 15 гр. (24199 зл. 9 гр. ахвяры 10-га і 20-га гроша, 13226 зл. 20 гр. дадатковага падымнага паводле ацэнкі дымоў 1789 г., 9893 зл. 6 гр. прыбылай кварталы з старстваў паводле новай люстрацыі, 4533 зл. 10 гр. паўпрацэнтнага збору з паезуіцкіх уладанняў, 1085 зл. паўпадымнага з каралеўскіх гарадоў) [5].

Мясцовая грамадская супольнасць вельмі турбавалася ўцяжлівым працэнтным падаткам, уведзеным у 1776 г. толькі ў Літоўскай правінцыі і таму настойліва выказвалася за яго ліквідацыю (1778 г.) [1, с. 434]. Заўважым, што прыход працэнтнага збору з капіталаў крэдытараў складаў у 1777 г. па Мазырскім павеце суму ў 1299 зл. 2 гр. пры 195 зл. (13 %) недабору [4, р. 799]. Акрамя яго, шляхта зазначала яшчэ адзін абцяжарваючы падатак – скуравы (1780 г.) [1, с. 437], які прапаноўвала скасаваць ці вылучыць з-пад таго падатку абывацеляў (1790 г.) [1, с. 449].

Аб несправядлівасці накладання скуравага падатку сведчаць шматлікія скаргі з розных рэгіёнаў ВКЛ. Так, у жніўні 1790 г. кімбараўскія цыстэрцыянцы выказалі сваё незадавальненне адносна дзейнасці інтэнданта скуравага дэпартаменту Навакоўскага, які забраў скуры ў скарб з Кімбараўкі каля Мазыра, якая лічылася не мястэчкам, а вёскай, і таму настойвалі на іх звароце [3, арк. 73].

Павятовая шляхта імкнулася скасаваць пажыццёвыя трыманні і часовыя наданні, паколькі пажыццёвыя правы спусташалі публічны скарб, а заслугі ганаровых асоб перад Айчынай не маглі атрымаць узнагароды (1776 г.) [1, с. 426]. Мясцовая шляхта дабівалася, каб раздадзеныя прыватным асобам розныя часовыя ўладанні, каралеўшчыны і дзяржавы (выключаючы гродавыя староствы, лены, земскія ўрады – А. Е.) былі вернуты ў дзяржаўны скарб, каб даходы з іх паступалі для публічнага карыстання, з мэтай памяншэння падатковага ярма з шляхецкіх маёнткаў (1778 г.) [1, с. 432].

У 1784 г. шляхецкая супольнасць даручыла сваім паслам пастарацца дабіцца адмены падымнага збору з Юравіцкага паезуіцкага кляштара (абавязаны быў на адзін тэрмін даць 25 злотых разам з касцёлам ксяндзоў капуцынаў), паколькі Канстытуцыя 1775 г. вызваляла кляштары ад яго выплаты [1, с. 446].

Мясцовае панства намячалася звярнуць даходы з паезуіцкіх уладанняў для адукацыі шляхецкай моладзі (1782 г.) [1, с. 441].

Мазырскі шляхецкі сход дбаў аб забароне пераходу яўрэяў з месца на месца пасля люстрацыі, паколькі падобныя перамяшчэнні прыносілі значныя страты ўладальнікам, вымушаных з-за пераходу яўрэяў у іншыя месцы ўласным коштам плаціць за іх пагалоўны падатак (1780 г.) [1, с. 437]. З мэтай вызначэння колькасці падаткаплацельшчыкаў шляхецкі форум прапанаваў кожныя 5 год праводзіць люстрацыю яўрэяў для вызначэння з іх пагалоўнага збору (1782 г.) [1, с. 441]. Апроч таго, значныя страты памежнаму павету прычынялі з-за блізкасці межаў Кіеўскага ваяводства збеглыя падданыя (1780 г.) [1, с. 437].

У цэлым, шляхта намагалася аблягчэння новых падаткаў, прапанавала адкласці нясціпныя выдаткі да лепшага часу (1780 г.) [1, с. 438]. Цікава, што Мазырская цывільна-вайсковая парадкавая камісія 5.10.1791 г. адзначыла, што дагэтуль у скарб ВКЛ з 1.01.1790 г. паступіла ў даход, акрамя апошняй раты, 212599 зл. 14,5 гр., а агульныя выдаткі за гэты час склалі 212487 зл. 28 гр. [3, арк. 92 адв.].

Праяўляючы пачуццё салідарнасці з іншымі паветамі, мазырская шляхта выступала за ўзнагароду шэрагу асоб, якія адзначыліся сваімі плённымі справамі на карысць Рэчы Паспалітай. Сярод іх – віленскі ваявода Караль Радзівіл, якому належала аказаць «брацкую дапамогу» ў «панесеных ім стратах ад няшчасных выпадкаў і шматлікіх авантажаў», віленскі біскуп Ігнаці Масальскі (1776, 1778 гг.) [1, с. 426–427, 429, 433].

Таксама шляхта раіла ацаніць працу і намаганні надворнага літоўскага падскарбія Антонія Тызенгаўза (1776 г.), шамбеляна караля Францішка Букатага (1782 г.) [1, с. 427, 442].

Шукаючы прыдатныя спосабы ўтрымання вялікакняскага войска, павятовая шляхта прапанавала перавесці ўтрыманне мазырскага гарнізона на кошт кварталы з Мазырскага староства (1776 г.) [1, с. 429]. Сеймік даручыў сваім паслам дбаць аб тым, каб размешчаны ў Мазыры полк палкоўніка Раманоўскага альбо ўтрымліваўся за кошт самога горада, ці каб вайскоўцам было павялічана жалаванне (1778 г.) [1, с. 434]. Дзве конныя кампаніі з палка польнай булавы ВКЛ Раманоўскага атрымлівалі ўсяго толькі па 300 злотых (1780 г.) [1, с. 437]. Мазырскі сход выказаўся за пераразмеркаванне дзяржаўных расходаў, каб цывільныя выдаткі, якія прыносілі значныя страты публічнаму скарбу і нічым не ўзбагачалі край, былі накіраваны з мэтай павелічэння войска (1780 г.) [1, с. 436]. У 1784 г., дабіваючыся аплаты суддзям Галоўнага Трыбунала ВКЛ, шляхта клапацілася пошукам сродкаў для павелічэння мізэрнага жалавання літоўскаму войску [1, с. 443]. У наказе ад 18.08.1788 г. мазырскаму падкаморыю Яленьскаму і экс-стражніку польнаму літоўскаму Аскерку мясцовая шляхта патрабавала, каб павелічэнне войска адбывалася без «спушташэння шляхецкіх маенткаў» падаткамі, якія павінны былі спаганяцца з усіх станаў «без уціску шляхты», а таксама за кошт сродкаў з паезуіцкіх уладанняў і ўтрымання чыноўнікаў [2, арк. 992–993]. Фінансаванне войска больш-менш нармалізавалася ў час дзейнасці цывільна-вайсковых парадкавых камісій. У 1790 г. па двух асігнацыях (аплата даручэннях – А. Е.) Скарбовай камісіі ВКЛ на полк Раманоўскага пярэдняй варты было выдзелена 45 тыс. зл. [3, арк. 70 адв.].

На ўзор іншых павятовых наказаў, мазырская інструкцыя патрабавала дазволу прыняцця ў Рыцарскую школу (кадэцкі корпус) у Варшаве выхаванцаў з правінцыі ВКЛ прапарцыянальна ступені яе ўдзелу ў кошце ўтрымання (1/3 выдаткаў, таму 1/3 кадэтаў) (1778 г.) [1, с. 433].

Мазырскае згуртаванне шляхты рупілася прадастаўленнем кампенсатарскіх выплат за фураж, пастаўлены на карысць расійскага войска (1778 г.) [1, с. 435].

Мазырскі шляхецкі сход раіў, каб грэблі і масты ў павеце ўтрымліваліся і рамантаваліся ўсімі абывацелямі (1782 г.) [1, с. 441], каб на паромах не бралі з каня больш 3-х грошаў, а на малых – па 1-м медным грошы (1784 г.) [1, с. 446].

Для рэгулявання грашовага абарачэння прадстаўнікі павятовай эліты настойвалі не скарачаць курс краёвай манеты (1776 г.) [1, с. 429], а таксама вярнуць курс чырвонца да 18 зл., замацаванага яшчэ соймавай канстытуцыяй 1717 г. (1776 г.) [1, с. 430]. Недахоп у абароце наяўных грошай прымушаў шляхту рабіць неаднаразовыя захады аб перакрыцці шляхоў яе вывазу з краю за мяжу (1780 г.) [1, с. 438]. Прапануючы ў 1782 г.

ліквідаваць Скарбовую камісію, шляхта рупілася аб тым, каб яна выдавала грошы такога гатунку і той якасці, якія здаваліся ў гродскія канцылярыі (1782 г.) [1, с. 440]. Адзначаючы, што ў Літоўскай правінцыі цяжка знайсці сярэбраную і залатую манету, шляхта дабівалася, каб чырвонцы, маючыя курс у 18 зл. 9 гр., прымаліся канцылярыямі па такім жа курсе ў лік публічных падаткаў (1782 г.) [1, с. 441]. У 1784 г. у наказе паслам ад шляхты Мазырскага павета звярталася ўвага на тое, што са скарбу не толькі знікла добрая манета, але і скарацілася цыркуляцыя грошай. Агульны недахоп грошай у абароце абумоўліваў неабходнасць абмежавання іх вывазу за мяжу, давядзення курса чырвонца да 18 зл. па прычыне недахопу манеты для аплаты краёвых падаткаў [1, с. 444]. У жніўні 1788 г., адпраўляючы дэпутатаў у Варшаву на Вялікі сейм, мазырская шляхта даручыла ім падтрымаць думку аб уніфікацыі грашовага абарачэння ў Кароне і Літве (увесці адзіны курс замежнай і мясцовай манеты) [2, арк. 992–993], а ў лістападзе 1790 г. у час выбару дадатковых паслоў прапаноўвала для павелічэння колькасці ў абарачэнні сярэбранай манеты не мяняць яе курс, г.зн. стары рубель пакінуць без усялякага выключэння па курсе 7 зл., а новы – па 6 зл. 20 гр., з адначасовай забаронай яе выпуску за мяжу [1, с. 450].

З прычыны значных страт і гандляроў, і абывацеляў у краі і ў Кароне павятовая шляхта даручыла сваім паслам узняць на вальным сойме пытанне аб скасаванні мыта на каморах (1780 г.) [1, с. 437]. На паслоў ад Мазырскага павета быў ускладзены абавязак дамагацца перад прускім каралём аб скарачэнні мытных пошлін (1782 г.) [1, с. 441]. Павятовым дэпутатам прадпісвалася дабівацца, каб Камісія Літоўскага скарбу выдавала друкаваныя інструкцыі або табелі аб памерах мыта на каморах і прыкаморках і рассыпала іх адтуль ва ўсе канцылярыі ваяводстваў і павеатаў (1784 г.) [1, с. 444]. У жніўні 1788 г. шляхецкім дэпутатам было даручана заявіць на сейме ў Варшаве аб неабходнасці ўраўнавання мытных збораў у Кароне і ВКЛ [2, арк. 992–993], каб Скарбовая Літоўская камісія не мяняла ў сваіх інструкцыях і па свайму разуменню мытных пошлін, а падавала іх для апрацы на кожны сейм і не змяняла іх без яго ведама (1790 г.) [1, с. 449–450].

Такім чынам, сярод праблем, звязаных з публічнымі фінансамі, у 70–80 гг. XVIII ст. мазырскую палітычную эліту турбавалі пытанні наконт павелічэння падаткаабкладання шляхты, якая намагалася перакласці гэтую справу на дзяржаўныя і духоўныя ўладанні, цяжару ўведзеных працэнтнага і скуравага падаткаў, недакладнасцей і памылак у налічэнні асобных збораў. З памежнага становішча Мазырскага павета вынікалі цяжкасці, якія заключаліся ў міграцыі яўрэяў і збеглых падданных. Павятовая шляхта намагалася кампенсаваць страты за забеспячэнне фуражом расійскага войска, уладкаваць зборы за пераправы праз масты і паромы і інш. Мясцовае панства падтрымлівала імкненне іншых шляхецкіх павятовых

карпарацый аб узнагароджванні заслужаных асоб, скасаванні залішніх мытных збораў паміж Каронай і ВКЛ, урэгуляванні курса мясцовай манеты і абмежаванні яе вывазу за мяжу, клапацілася пошукам сродкаў на ўтрыманне войска, але не за яе кошт, патрабавала прапарцыянальна выдаткам прадстаўніцтва ад ВКЛ кадэтаў у Варшаўскай Рыцарскай школе.

Спіс асноўных крыніц

1. Анішчанка, Я.К. Збор твораў : у 6 т. / Я.К. Анішчанка. – Мінск : Выдавец В. Хурсік, 2009. – Т. 5 : Абывацелі правінцыі: інструкцыі шляхецкіх сеймікаў беларускіх земляў ВКЛ (Літоўскай правінцыі) канца XVIII ст. Зборнік дакументаў. – 2009. – 532 с.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1728. Воп. 1. Спр. 25.
3. НГАБ. – Ф. 1890. Воп. 1. Спр. 4.
4. Poniatowski, S.A. Mémoires édités par Anna Grześkowiak-Krwawicz et Dominique Triaire / S.A. Poniatowski. – Paris : Instytut d'études Slaves etc., 2012. – 861 p., ill.
5. Zbiór konstytucji i uchwał seymu pod związkiem konfederacji w Warszawie agitującego się od dnia 7 października w roku 1788 do dnia 16 grudnia roku 1790 podług dat oblaty wydrukowany. – Warszawa : Drukarnia J. K. Mci i Rzplitey u XX. Scholarum Piarum, 1791.

БАРЫСКАВІЧЫ-1 – СЛАВЯНСКАЕ ПАСЕЛІШЧА НА МАЗЫРШЧЫНЕ

А.Ф. Касюк

Інстытут гісторыі НАН Рэспублікі Беларусі

Помнік Барыскавічы-1 размешчаны на заходняй ускраіне вёскі Барыскавічы (Прудкоўскі с/с, Мазырскі р-н, Гомельская вобл.), на тэрасе правага берага р. Тур (правы прыток Прыпяці). Сляды паселішча фіксуюцца да 500 м уздоўж ракі і да 100 м ад краю тэрасы. Вышыня над сучасным рэчышчам – да 5 м. Паверхня паселішча разворваецца. Помнік выявіў у 2009 г. і даследаваў на плошчы 30 м² М.М. Крывальцэвіч [10]. У культурным пласце магутнасцю да 0,5 м былі знойдзены крамянёвыя артэфакты, ляпная кераміка ад эпохі неаліту – бронзавага веку (днепраданецкая культура, кола культуры шнуравой керамікі) – да X–XII стст., а таксама фрагмент бронзавай пранізкі, праселка, вытачанае з сценкі ляпной пасудзіны. Адным з шурфоў былі ўскрыты ўсходнія часткі трох аб'ектаў другой паловы I тыс. н. э.: жылой пабудовы і двух ям.

У 2011–2015 гг. археалагічнае вывучэнне паселішча Барыскавічы-1 было працягнута аўтарам. За азначаны перыяд даследаваная плошча склала 332 м². У 2011 г. мэтай правядзення раскопак было даследаванне заходняй часткі жытла, выяўленага ў 2009 г., і ўсе наступныя раскопы разбіваліся ўстык адзін да аднаго ў накірунку на поўнач. Даследаваўся ўчастак паселішча на самым краі тэрасы. Паверхня тут адносна роўная, мае невялікае (да 0,2 м) паніжэнне ў бок ракі. З усходу ўчастак раскопак абмежаваны трасай газавода. Па краі тэрасы (з захаду) праходзіць траншэя часоў Другой сусветнай вайны, якая, аднак, не закранула жылыя пабудовы, выяўленыя падчас раскопак.

Стратыграфія культурных напластаванняў на паселішчы вельмі простая: пласт ворнай глебы магутнасцю да 0,25 м прадстаўлены супескам шэра-карычневага колеру. Пасля яго зняцця і зачысткі, на паверхні паселішча выразна прасочваліся абрысы аб'ектаў. Пад ворывам залягае пласт супеску цёмна-жоўтага колеру магутнасцю 0,25–0,35 м, які паступова святлее дадолу. І, нарэшце, мацярык, які прадстаўлены пяском светла-жоўтага колеру, залягае на глыбіні 0,4–0,5 м ад сучаснай дзённай паверхні.

У 2011–2012 гг. была цалкам даследавана жылая пабудова, выяўленая ў 2009 г. М.М. Крывальцэвічам [6], [7]. Яе абрысы прасочваліся адразу пад ворным пластом у выглядзе прамакутнай плямы цёмна-шэрага колеру з вуголлем. Жытло рэканструюецца як пабудова падквадратнай у плане формы, якая арыентавана кутамі па баках свету. Яна згарэла, таму захаваліся рэшткі драўляных канструкцый. У паўночным куце ніжняга вянца была прасочана зрубная тэхніка збудавання. Таксама былі расчышчаны рэшткі цэнтральнай лагі, на якой верагодна мацавалася драўляная падлога. Сцены пабудовы былі складзены з сасновых бярвенняў. Памеры жытла па рэштках ніжняга вянца складалі 4,1 x 3,8 м. Ніжняя частка была заглыблена ў мацярык (у старажытную глебу) на 0,35–0,40 м. Глыбіня ад сучаснай дзённай паверхні склала 0,5–0,55 м. Уваход у жытло знаходзіўся ў паўднёва-заходняй ці паўднёва-ўсходняй сцяне.

Запаўненне пабудовы складалася з гумусаванай глебы цёмна-шэрага, часам – чорнага колеру з уключэннямі вуголля, абпаленых камянёў і фрагментаў ляпных пасудзін. На некаторых фрагментах былі зафіксаваны сляды зярновак проса [12]. Таксама з жытла паходзіць жалезны нож (малюнак: 1), фрагменты гліняных праселак шарападобнай і біканічнай формаў (малюнак: 4–5), камень з зашліфаванай паверхняй (глянцавальнік?) (малюнак: 3).

У паўночным куце жытла была расчышчана печ П-падобнай у плане формы памерамі 1 x 0,7 м, складзеная з вялікіх (30 см) і сярэдніх (10–15 см) камянёў. Некаторыя камяні былі наўмысна заостраныя для найлепшага мацавання канструкцыі. Печ збудавана на адлегласці 0,3–0,4 м ад сцен жытла, вусцем звернута на ўсход. Падчас яе расчысткі былі знойдзены фрагменты ляпных пасудзін, косткі хатняй жывёлы (пазванкі казы). Непадалёк ад печы, у паўднёва-ўсходнім накірунку, размяшчаліся верхнія часткі пасудзін. Адна з іх мела арнамент з палцавых уцісканняў па краі венца, на знешняй паверхні – рознанакіраваныя палосы ад загладжвання (малюнак: 11), другая – добра загладжаную, амаль падглянцаваную паверхню (малюнак: 11).

З поўначы і поўдня каля жытла верагодна знаходзіліся нейкія прыбудовы, абрысы якіх прасочваюцца на старажытнай паверхні. З захаду да яго прымыкала печ, рэшткі якой дайшлі да нас у выглядзе ямы дыяметрам 1,2–1,6 м, глыбінёй 0,6–0,8 м, запоўненай камянямі. Камяні памерамі 10–15 см мелі вострыя краі, былі моцна абпаленыя, ляжалі

ў межах ямы бессістэмна на рознай вышыні, найбольш шчыльна – у цэнтры і бліжэй да нізу. Прастора паміж камянямі была запоўнена чорнай вуглістай зямлёй, у якой знаходзіліся палова глінянага праселка шарападобнай формы (малюнак: 6), каменны тачыльны брусок (малюнак: 2), фрагменты костак буйной рагатай жывёлы і хатняй свінні, а таксама абломкі трох ляпных гаршкоў (малюнак: 7–8, 10). Адзін з гаршкоў (малюнак: 7) ляжаў на баку з захаду ад печы. Магутны пласт вуголля і моцная абпаленасць камянёў сведчаць аб высокай інтэнсіўнасці выкарыстання выяўленага ацяпляльнага збудавання. Магчыма, над печчу быў навес, які мацаваўся да заходняй часткі жылта. У канструкцыю гэтага навеса мог уваходзіць слуп, яма ад якога прасочана звонку каля паўночна-заходняй сценкі жылта.

У 2015 г. праз 20 м на паўночны ўсход ад жылта-1 была даследавана яшчэ адна жылая пабудова. Яна таксама прасочвалася адразу пад ворным пластом у выглядзе прамакутнай плямы цёмна-шэрага колеру з вуголлем, яе памеры складалі 4,4 x 4,8 м. Жытло рэканструюецца як пабудова падквадратнай у плане формы, якая арыентавана кутамі па баках свету. Мяркуючы па рэштках ніжняга вянца, памеры жылта складалі 4,2 x 4,4 м. Ніжняя частка пабудовы была заглыблена ў мацярык (адносна старажытнай паверхні) на 0,5 м. Глыбіня ад сучаснай дзённай паверхні склала 0,8 м. Падлога роўная. Мяркуючы па адсутнасці слупавых ям, жытло мела зрубную канструкцыю сцен, уваход, верагодна, знаходзіўся ў паўднёва-ўсходняй сцяне.

У паўночным куце жылта-2 была расчышчана печ-каменка П-падобнай у плане формы. Яе памеры складалі 0,8 x 0,9 м, звод збудаваны з некалькіх вялікіх камянёў (каля 30 см), прастора паміж якімі была закладзена камянямі меншых памераў (10–15 см). Некаторыя камяні былі наўмысна завостраныя для найлепшага мацавання канструкцыі печы. Яна збудавана на адлегласці 0,4–0,6 м ад сцен паўночнага кута жылта, вусцем звернута на ўсход. У якасці паўночна-заходняй сценкі печы быў выкарыстаны астанец мацерыковага пяску. Паміж камянямі печы і, галоўным чынам, за ёй, былі расчышчаны фрагменты ляпных пасудзін.

Адносна часу функцыянавання раннесярэднявечнага паселішча Барыскавічы-1 трэба адзначыць наступнае: у запаўненні даследаваных аб'ектаў (жылых пабудоў, печы і гаспадарчых ям) былі выяўлены матэрыялы, якія ў агульным датуюцца другой паловай I тыс. н.э. – X–XII стст. На падставе керамічнага комплексу з жылта-1, час яго існавання вызначаецца к. VII/VIII–IX стст. Таксама для гэтага жылта была атрымана радыёкарбонная дата 1215 ± 25 (калібраваная дата змяшчаецца ў інтэрвале 745–889 гг.).

Па формах і тэхналогіі вырабу, частка ляпных пасудзін адносіцца да пражскай культуры на малодшай фазе яе існавання (к. VI–VII стст.). Пасудзіны, якія маюць аздабленне ў выглядзе пальцавых уцісканняў па

краі венца, лічацца характэрнымі для лука-райкавецкай культуры VIII–X стст. [2, с. 279–290]. У Беларускім Палессі падобная кераміка была сустрэта ў культурным пласце гарадзішча Кімбараўка (г. Мазыр) [5], на Хотамельскім селішчы (Столінскі р-н) [11, табл. 7; 8], на паселішчы Слабодка-1 (Калінкавіцкі р-н) [9], на Чачэрскім гарадзішчы, на дзяцінцы ў Гомелі [14, с. 22–23, малюнак 22–25]. Па канструктыўных асаблівасцях і знаходках з запаўнення, выяўленыя жылыя пабудовы знаходзяць аналогіі на славянскім паселішчы Обухаў-2 у Сярэднім Падняпроўі [1].

Вядомыя і могілкі жыхароў раннесярэднявечнага паселішча Барыскавічы. На заходняй ускраіне вёскі ў канцы XIX ст. адзначаўся курганны могільнік, які налічваў 15 насыпаў вышыняй 1–3 м, дыяметрам 3–6 м. У.З. Завітневіч раскапаў 6 курганоў. Былі выяўлены пахаванні па абрадзе трупаспалення на гарызонце (1) і ў насыпе (5). Другі могільнік, больш позняга часу (X–XII стст.), быў зафіксаваны на ўсход ад вёскі, ва ўр. Курганы [3], [4], [13, с. 171]. У культурным пласце паселішча Барыскавічы трапляюцца фрагменты кругавой керамікі і гэтага перыяду.

Спіс асноўных крыніц

1. Абашина, Н.С. Раньослов'янскі житла поселення Обухів-2 / Н.С. Абашина // Археалогія даўніх слов'ян. – К., 2004. – С. 277–300.
2. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / В.Д. Баран [и др.]; редкол. В.Д. Баран; АН УССР, Ин-т археологии. – Киев: Наукова думка, 1990. – 484 с.
3. Барыскавічы / Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць/ АН БССР. Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В.Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1985. – С. 259–260.
4. Завитневич, В.З. Из археологической экскурсии в Припятское Полесье / В.З. Завитневич // ЧИОНЛ. – Киев, 1890. – Кн. IV.
5. Каласоўскі, Ю.У. Мазырскія гарадзішчы і селішчы / Ю.У. Каласоўскі, Г.М. Залашка // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т.; рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2. Л–Я. – С. 54.
6. Касюк, А.Ф. Асноўныя вынікі археалагічных даследаванняў на Палессі ў 2011 г. / А.Ф. Касюк // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 24. – Даследаванне сярэднявечных старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю.А. Зайца) – Мінск, 2013. – С. 355–361.
7. Касюк, Е.Ф. Археалагічныя даследаванні на тэрыторыі Калінкавіцкага і Мозырскага раёнаў Гомельскай абласці ў 2012 годзе / Е.Ф. Касюк // Археалагічныя даследаванні ў Еўрапейскім рэгіёне “Днепр” ў 2012 годзе: міжнародны зборнік навуковых артыкулаў. – Гомель: ГГУ ім. Ф. Скарыны, 2013а. – С. 33–38.
8. Касюк, А.Ф. Беларускае Палессе ў канцы VII–VIII ст. і ў пачатку X ст. н.э. / А.Ф. Касюк // Славяне на тэрыторыі Беларусі ў догосударственный период: к 90-летію со дня рождения Л.Д. Побоя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2016. – Кн. 2. – С. 62–98.
9. Касюк, А.Ф. Раннеславянскія помнікі ў басейне Ніжняй Прыпяці: стан і перспектывы даследаванняў / А.Ф. Касюк // Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі “Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Калінкавічы і Калінкавіцкі край” (у друку).

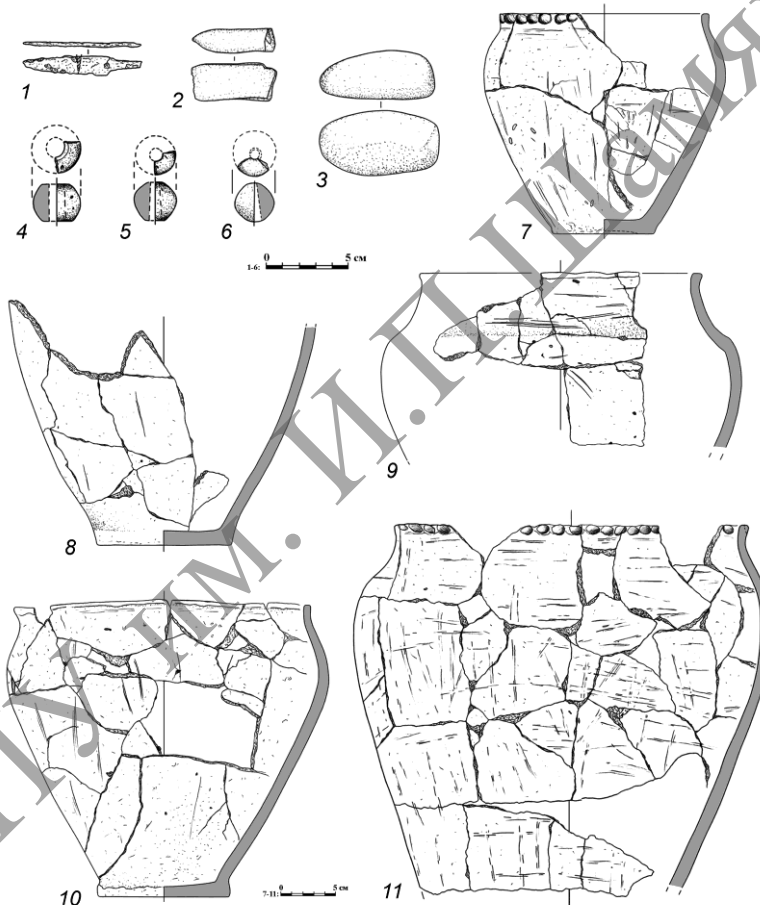
10. Крывальцэвіч, М.М. Справаздача аб выкананні археалагічных даследаванняў у 2009 годзе на аб'екце “Размеркавальны газавод ... Прудок Мазырскага раёна” Гомельскай вобласці / М.М. Крывальцэвіч // ААНД ДНУ “Інстытут гісторыі НАН Беларусі”. – Арх. № 2661. – 49 с.

11. Кухаренко, Ю.В. Средневековые памятники Полесья / Ю.В. Кухаренко // САИ. – М.: Наука, 1961. – Вып. Е1-57. – 39 с.

12. Лошенко, М.И. Ботанические находки с селища Борисовичи первые / М.И. Лошенко // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2013 г.: Научный ежегодник. – Брянск: РИО БГУ им. акад. И.Г. Петровского, 2015. – С. 269–271.

13. Лысенко, П.Ф. Дреговичи / П.Ф. Лысенко / под ред. В.В. Седова. – Минск: Наука і тэхніка, 1991. – 242 с.

14. Макушников, О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII в.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие / О.А. Макушников. – Гомель: ГГУ им. Ф.Скорины, 2009. – 218 с.

Малюнак 1 – жалезны нож,
 малюнак 2 – тачыльны камень,
 малюнак 3 – каменны глянцавальнік,
 малюнак 4–6 – гліняныя праселкі,
 малюнак 7–11 – ляпная кераміка
Даследаванні і малюнкi аўтара

**КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ
 В РЕГИОНЕ МОЗЫРСКО-ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ**
 И.Н. Колбасина, А.Н. Боханко

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

Начало коллективизации на Мозырщине было положено ещё в начале 20-х годов XX века. В дер. Хомячки Слободской волости Мозырского уезда была создана первая коммуна «Мина». Об этом мы узнаём из статьи «Коммунистический оазис», опубликованной в газете «Белорусская деревня» от 10 февраля 1923 г. [1]. Здесь осенью 1921 г. поселилось трое красноармейцев, возвратившихся с фронта. Известна фамилия одного из них – Ратушняк. В коммуне было 8 семей (23 человека). Организаторы коммуны объединили своё имущество и стали организовывать хозяйство. В работе «Кооперативно-колхозное строительство в Белорусской ССР» отмечается, что «...в коммуне нет членов, которые хорошо бы знали сельское хозяйство, отчетность не заведена и нет никаких книг для этой цели. Внутренняя спайка членов в коммуне великолепная, жизнь построена на взаимном доверии; председатель коммуны т. Ратушняк пользуется большой репутацией как среди членов коммуны, так и между окрестным населением...» [2, с. 179]. За два года, благодаря самоотверженному труду и дисциплине, которая поддерживалась среди членов коммуны, было создано хозяйство. Взаимоотношения коммунаров с крестьянами были хорошими: «Крестьянам нравится жизнь членов коммуны, их усердие в труде, товарищеские чувства, обеды, ужины и завтраки в общей столовой» [1]. Крестьяне часто посещали коммуны, члены которой, нуждаясь в рабочей силе, приглашали крестьян вступить в коммуны. Крестьяне охотно вступили бы в неё, но они боялись, что может начаться война с Польшей (слухи об этом были весьма распространёнными в середине 20-х годов XX в.), и когда придут поляки, а вместе с ними и бывшие владельцы земли, то с коммунаров спросят за всё. Редакция газеты «Белорусская деревня» считала, что нелепые слухи о войне должны рассеиваться самими членами коммуны. Из справки инструктора отдела колхозной и сельскохозяйственной кооперации Наркомзема БССР Т.Г. Гулько по результатам проверки состояния колхозов, артелей и коммун в Мозырском уезде (составленной не ранее 11 апреля 1923 г.) узнаём, что здесь существовало 9 колхозов, из них две коммуны [2, с. 158].

В 1921 году была организована артель «Красная зорька», которая объединяла 5 семей общим количеством 19 человек – крестьян из дер. Лешня. Из справки инструктора Т.Г. Гулько узнаём, что в артель принимали не каждого: желающий вступить в артель должен быть «вполне подходящим». В марте 1922 г. из местных крестьян была организована артель «Сила», которая объединила 9 семей (37 человек). Организаторами артели были два крестьянина Ильюки, один из них член совета, а другой – председатель. Артель находилась на землях бывшего помещичьего имения Прудок. Тип хозяйства-артели «Сила» был скотоводческо-зерновой, севооборот 4-польный. Велась отчётность («имеются записи прихода и

расхода, имеются кассовая и продуктовая книги, отсутствует книга инвентарная...»), но к этому делу, согласно утверждению Т.Г. Гулько, подходили формально. Члены артели решили, раз это коммуна, решили зимой 1923 года ввести систему общественного питания. В течение трёх месяцев пять семей участвовало в этом «опыте». В результате было сэкономлено до 45 пудов ржи. Этот эксперимент был прерван. Причиной этому по словам Т.Г. Гулько послужило «отсутствие котлов и кухни» [2, с. 159].

Первые колхозы и совхозы на территории Калинковичской волости начались создаваться ещё в 1919 году. Они создавались на базе бывших помещичьих имений. Во время созревания и уборки урожая создавались специальные конные отряды, которые должны были охранять народное добро от расхищения и поджогов со стороны тех, кто был не доволен Советской властью. Такие отряды были созданы в имении-совхозе Яновка (10 человек), в имении Водовичи (15 человек), в имении Капличи (10 человек). В одном из документов отмечалось: «У апошні час назіраюцца ўцёкі адміністрацыі саўгасаў». Председатель уездного отдела П.Е. Тадеуш в телеграмме на имя уполномоченного уездного землеуправления Н. Кравцова писал: «Тэрмінова адшукаць загадчыка саўгаса Баліцкага, які ўцёк з грашыма...» [1].

В июле 1920 г. началось возрождение совхозов, организованных в 1919 году. Так, летом 1920 года рабочие совхоза «Липово» опять начали совместно работать. В урочище Аталин была организована артель-коммуна. Там был большой сад, пасека, здания для членов коммуны и их семей. В Домановичах была создана коммуна из местных жителей и беженцев, осевших здесь ещё со времён Первой мировой войны. В 1924 году на территории Калинковичского района Мозырского уезда на месте бывших помещичьих имений начали создаваться первые коллективные хозяйства. Первая артель «Чырвоная вёска» была создана в дер. Домановичи. В распоряжении артели было 320 дес. земли. Следом за артелью в дер. Липово был создан совхоз, земельная площадь которого составляла 427 дес. В дер. Дудичи в бывшем имении Горвата был создан колхоз им. М.И. Калинина. Первым председателем колхоза был Мыко, после его сменил В. Богутский. По состоянию на 1 января 1926 года в Калинковичском районе было организовано 2 колхоза – «Чырвоная вёска» была создана в дер. Домановичи. В распоряжении артели было 280 дес. земли, в основном беженцы и имени М.И. Калинина в дер. Дудичи – 220 дес. земли. Совхоз «Липово» имел 427 дес. земли. Была паровая мельница. А к весне 1928 г. в фольварке Аталин был организован колхоз «Коминтерн», председателем которого был участник русско-японской и Первой мировой войны Е.Ф. Кравцов [1].

На Ельщине организация первых коллективных хозяйств началась в 1921 году. Так, в бывшем имении Каролин была организована сельскохозяйственная коммуна «Труд». В протоколе № 3 собрания

Каролинской волостной коммунистической ячейки отмечалось: «Плохое материальное положение и низкий уровень политического развития некоторых членов коммуны «Труд», всё это влечёт за собой ругань...» [1]. Определённое улучшение положения в коммуне было связано с Болбуцким и Пашкевичем, которые в июле 1924 года были избраны на должность председателя коммуны и секретаря партийной ячейки. В 1925 году в коммуне «Труд» насчитывалось 11 мужчин, 7 женщин и столько же детей. Следует обратить внимание на тот факт, что все жили в одном доме и питались в общей столовой. Собственного хозяйства не имели – всё было общим. Распределение продуктов производилось не в соответствии с производительностью труда, а согласно количеству едоков в семье. Наиболее плодотворным для коммуны оказался 1926 год. Коммунары построили паровую мельницу, которая обслуживала жителей местечка Каролин и окрестных деревень. Однако помольный сбор был гораздо ниже, чем у мельников-частников. Коммунары завели пасеку и каждый год продавали до 800 кг мёда, что позволило ликвидировать финансовую задолженность перед государством [1].

В 1921 году в бывшем имении Высокое батраки и безземельные крестьяне организовали сельскохозяйственную артель «Пример». Председателем в ней был избран Данилович. Известно, что в 1925 году в артели насчитывалось 8 мужчин и 9 женщин, подростков 2 и 10 детей. Артель располагала 26 дес. земли. К июню 1925 года состояние дел в артели «Пример» было очень тяжёлым. Так, из протокола общего собрания членов ячейки КП(б) при коммуне «Труд» «О состоянии дел в соседнем коллективном хозяйстве «Пример» следует, что становление хозяйства происходило в очень сложных условиях. Урожаи 1923 и 1924 годов были недостаточными для того, чтобы прожить до урожая следующего года. Строительство шерсточесальни и мельницы привело к тому, что артель была должна различным организациям около 3000 рублей. В связи с чем были арестованы векселя и имущество должны были продать с аукциона. Это отрицательно отразилось на моральном состоянии членов артели [1].

В середине 1920-х годов в Санюковском сельском совете были организованы колхоз «Борьба» и национально-еврейская артель «Фаруйс». В деревнях Добрынь, Анзельмовка, колонии Олеское был организован совхоз имени В.И. Ленина [1].

В течение 1928–1932 гг. во всех населённых пунктах Мозырского района было организовано более 100 коллективных хозяйств. В некоторых деревнях их создавалось даже несколько, например, в Слободе – 4 (три колхоза и один совхоз), Скрыгалов – 3, в Прудке – 3, в Мелешковичах – 2. Часть крестьян, особенно зажиточных, не воспринимала коллективизацию, подговаривала середняков, и они поджигали колхозные дворы, постройки, организовывали массовый убой животных, заражали ее различными эпидемическими заболеваниями, стреляли в активистов (деревни Барбаров,

Рудня Михалковская, Староселье и др.). Но большинство крестьян видело в коллективизации спасение от голода и нищеты.

В 1930 г. в бывшем имении помещика Снедецкого в Слободе была создана первая в районе МТС, а через несколько лет начато строительство второй машинно-тракторной станции на окраине деревни Бобры. В деревнях все больше появлялось сельскохозяйственной техники – тракторов, автомобилей, молотилок и других машин, что значительно облегчало работу крестьян [2, с. 156].

20 февраля 1929 г. СНК СССР принял постановление «О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах», а затем постановление «Об оценке кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде» (21 мая 1929 г.). Согласно этим документам, кулацкими считались хозяйства, которые имели даже одно из отмеченного: применение систематической наемного труда; наличие мельниц, маслобоек, круподёрок, другие промысловые предприятия; систематическая сдача в наём сложного сельскохозяйственного инвентаря; сдача в наем помещений; наличие членов хозяйства, которые занимаются торговлей, ростовщичеством или имеют прочие нерабочие доходы [1].

Лозунг сплошной коллективизации ликвидации кулачества как класса был провозглашён летом 1929 г. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года коллективизацию на территории Беларуси предполагалось завершить до 1933 года. Первый секретарь компартии Беларуси К.В. Гей высказал мнение: коллективизацию белорусского села можно и нужно завершить за 1931 г. Негативным явлением 1929 – начала 1930 г. стал массовый забой и продажа крестьянами домашних животных. Первый Примерный устав сельскохозяйственной артели был напечатан только в начале февраля 1930. Поспешность и перегибы в осуществлении на практике процесса коллективизации стали причиной массового оттока крестьян из колхозов. Особенно интенсивным этот процесс был весной 1930 г.

О поспешности в деле развертывания коллективизации в 1929 – начале 1930 г. свидетельствует протокол совещания Кооперативных и кустарных работников Каролинского района от 17 января 1930 года. Тогда в райисполкоме слушался вопрос «О создании средств в фонда расходов по проведению сплошной коллективизации». Райисполком и РК КП(б)Б создали бригады уполномоченных, которые командировались в деревни Каролинского района с целью организации, опираясь на бедняцко-батрацкие активы и членов сельсоветов, коллективных хозяйств. Расходы по командировкам уполномоченным нечем платить, они не были предусмотрены. Пришлось поспешно создавать фонд по проведению в районе сплошной коллективизации. На совещании было принято решение, чтобы в фонд от 50 до 200 рублей внесли сельсоветы, заем сберегающих товариществ и Скороднянское сельскохозяйственное общество – по 100 рублей, Ельское сельскохозяйственное общество – 200 рублей. Интенсивная

организаторская политика местных активистов и направленцев-уполномоченных, льготы в налоговой политике членам артелей, давление на «кулаков» и «подкулачников» заставляли крестьян записываться в колхоз. Отчет Каролинского райземотдела за 1930 г. констатирует: «В районе существует 53 колхоза (из них на месте не оформлено 5)». На основании документов можно предположить, что в Мозырско-Припятском Полесье сплошная коллективизация завершилась в 1931 г. Такой вывод можно сделать на основании датировки большинства протоколов собраний сельских Советов, которые датируются в основном 1931 г. За период с 1928 по 1931 гг. было создано более 100 коллективных хозяйств [1].

В 1929 г. был освобожден от должности Наркома земледелия Беларуси Д.Ф. Прищепов. Его направили на работу в Мозырский район на должность директора Полеской песочной сельскохозяйственной станции, которая размещалась в деревне Скрыгалов. Прищепов Дмитрий Филимонович – белорусский экономист, государственный деятель, публицист. Народный комиссар земледелия Беларуси в период 1924–1929 гг. В 1929 г. являлся заместителем председателя Государственной плановой комиссии, членом Экономического совета БССР. Был председателем сельскохозяйственной секции Института Белорусской Культуры, затем председателем Научного совета БелНИИ сельского и лесного хозяйства. Авторы обвинительных статей в начале 1930-х годов называли Д. Прищепова “белорусским Столыпиным”. В народном комиссариате земледелия БССР был разработан «Пятилетний перспективный план развития лесного и сельского хозяйства БССР на 1925–1929 годы». Предусматривалось создание хуторов и небольших поселков типа отрубов, куда успеют перенести 130 тысяч сельских хозяйств. В результате к концу двадцатых годов хуторская система в Беларуси составит более четверти крестьянского землепользования.

Прищепов Д. был обвинен в правом уклоне и в сентябре 1929 г. снят со всех должностей. Арестован 19.07.1930 по делу “Союза освобождения Беларуси”. Осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Отбывал наказание на строительстве Беломорско-Балтийского канала. В июне 1937 г. был освобожден, а в августе того же года повторно арестован и переправлен из Магадана в Минск. 20.11.1939 г. приговорен к высшей мере наказания. Умер 31 января 1940 года в тюремной больнице.

Раскулачивание принимало все более массовый характер. Сначала экономически сильные хозяйства обкладывались сельскохозяйственным налогом, затем они объявлялись кулацкими и заключительный шаг – конфискация («реквизиция») всего имущества. Конфискованное имущество, как правило, передавалось в колхоз. Так, 7 июля 1930 г. комиссия в составе председателя Клинского сельского совета Казака Дмитрия, друзей комиссии Веремея Иосифа, Дорошко Никифора, членов правления колхоза «12 лет Октября» Трафимова Владимира, Веремея

Никиты, Кострицы Павла, представителей бедноты Негрея Акима провели реквизицию имущества гражданина д. Михновичи Клещёва Ефима Тимофеевича. У него забрали дом, все хозяйственные постройки (2 хлева), скот – 2 лошади, 2 коровы, телку, жеребёнка, 9 овец, 3 свиньи, 2 воза, сани, санки, сбрую, плуг уже был в колхозе, зубья для бороны, короб и 3 бочки для зерна, топор, веревку, вилы, 22 пуда ржи, 142 пуда пшеницы, 6 пудов овса, конопляного семени 20 пудов, льняного семени 1 пуд, гречки 4 пуда, просо 2 пуда, сена 200 пудов [1].

В постановлении СНК Беларуси «О порядке конфискации у кулаческих элементов земли и инвентаря» говорилось: «Отбираются без всякой выплаты и компенсации у выселяемого кулаческого хозяйства сельхозмашины, семена и удобрения, все животные и другое имущество передаётся колхозам или советским хозяйствам бесплатно». После первой волны раскулачивания 1929 – 1930 гг. начали применять так называемые «твёрдые задания» по отношению к более-менее зажиточным крестьянам, которые также приводили к раскулачиванию. Крестьяне писали жалобы на непосильные налоги. В заявлении М.К. Белого из д. Корма Зеляновичского сельсовета в ЦИК Беларуси от 8 апреля 1930 г. говорилось: «В январе в деревне проходило раскулачивание индивидуальных хозяйств. Мое хозяйство индивидуально не обкладывалось, так как мне 73 года, но комиссия забрала весь инвентарь (плуг, борану, бочки, вилы, лопаты), 2 коровы, 2 свиньи, 5 овец, лошадь, 3 пуда овса, 13 пудов ржи, 1 пуд овечьей шерсти, 2 пуда сала и пр. Комиссия хотела забрать и дом. Меня принудили работать сторожем в колхозе...» [1].

Таким образом, на процесс проведения коллективизации в Мозырско-Припятском Полесье влияли такие факторы, как приграничное положение региона и опасность новой войны с Польшей, малоземелье и крайнее истощение почв, многонациональный состав населения. Основной формой объединения крестьян в начале 20-х годов являлись коммуны и артели, с конца 20-х годов – колхозы и совхозы. В начале 30-х годов начинается форсированное строительство колхозного строя, которое сопровождалось репрессиями против кулаков и середняков.

Список основных источников

1. Государственный зональный архив в г. Мозыре. – Ф. 60. Оп. 1. Д. 140. Л. 201.
2. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Мазыра і Мазырскага р-на / Уклад. М.А. Капач, В.Р. Феранц; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: Маст. літ., 1997. – 574 с

БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

О.В. Костишина

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

Взаимоотношения стран всегда прослеживаются в первую очередь на политическом и экономическом уровнях, а на второй план уходят культурные связи между государствами. Долгое время исследователи

считали, что культура может и должна развиваться самостоятельно. Но как показывает опыт культурной дипломатии двух стран, Беларусь и Польша на протяжении столетий поддерживали тесные культурные связи. Получив независимость, эти страны продолжают развивать и расширять сотрудничество не только в гуманитарной, торгово-экономической, но и в культурной сфере.

На территории Беларуси проживает около 4% польского населения, которое поддерживает и развивает польские культурные традиции. Так, представители польского национального меньшинства в Беларуси могут овладеть польским языком в одной из белорусских школ, например, ГУО «Средняя школа № 36» г. Гродно, ГУО «Средняя школа № 8» г. Волковыска, ГУО «Средняя школа № 34» г. Минска, а также в Польском институте в Минске [1, с. 14]. На уровне общего среднего образования в Беларуси проводятся районные и областные олимпиады по польскому языку.

В свою очередь в Польше с большим интересом изучается белорусский язык в общеобразовательных школах, организуются экскурсии в Беларусь для углублённого изучения белорусской истории. Начиная с 2015 г. каждый желающий может начать изучать белорусский язык в Культурном центре Беларуси при Посольстве Республики Беларусь в Варшаве. В центре курсы белорусского языка преподают сотрудники кафедры белорусской филологии Варшавского университета [2].

Культурное взаимодействие между Беларусью и Польшей происходит не только в сфере образования (изучение национальных языков каждой страны), но это еще и участие в различных конкурсах и фестивалях, которые проводятся на просторах обеих стран. Так, ежегодно Международный фестиваль органной музыки «Званы Сафіі» собирает под сводами Софийского собора исполнителей и музыкантов различных стран, в том числе из Польши. Например, участие в фестивале неоднократно принимали такие польские исполнители, как Роман Перуцкий, Чеслав Грабовский, Дариус Гайдукевич, Марек Стефаньски и многие другие. Их выступления всегда вызывают огромный интерес у белорусского слушателя [3, с. 744]. Благодаря фестивалю «Званы Сафіі», происходит обмен опытом и установление творческих связей среди белорусско-польских участников и представителей иных государств, что способствует развитию международных культурных связей между Беларусью и странами зарубежья.

Начиная с 1996 г. в Беларуси проходит Республиканский фестиваль национальных культур в Гродно, в котором постоянно принимает участие польская диаспора Беларуси и танцевальные коллективы из Польши, что является подтверждением развития приграничного культурного сотрудничества двух стран. Польские исполнители и музыканты также принимают активное участие и в работе фестиваля «Славянский базар» в

Витебске, а с 1994 г. в дни проведения фестиваля постоянно организуются Дни культуры Беларуси и Польши [4, с. 176].

Неоднократно на фестивалях, проводимых на территории Беларуси, польские исполнители завоевывали призовые места, например, представительница Польши на детском музыкальном конкурсе «Витеск-2006» Катажина Медник, на Международном конкурсе исполнителей эстрадной песни «Славянский базар-2013» – Михал Качмарек. Таким образом, польские исполнители подтверждают свой высокий уровень эстрадного мастерства и вокала.

Яркой лентой польско-белорусской дружбы проходит международный кинофестиваль «Листопад», в котором польские режиссёры представляют яркие кинокартины в разных номинациях, а в 2010 г. белорусско-польский тандем Андрей Кутила и Александр Наливайка был признан лучшим в номинации «Лучший документальный» за фильм «Днюка», который повествует о простой белорусской жизни на Полесье [5, с. 5]. Они также были удостоены специальной премии Белорусского союза кинематографистов.

Не только белорусским зрителям знакомо творчество польских исполнителей и музыкантов, но и в Польше известны представители белорусской эстрады, например, группа «Ляпис Трубецкой», «N.R.M», «Open Folk», а также многие другие. Самой популярной группой белорусского происхождения в Польше является группа «The Toobes», благодаря ее выходу в финал в польском шоу талантов «X-Faktor» на телеканале TVN, где участники проявили свой музыкальный талант.

Белорусские исполнители активно участвуют в культурной жизни Польши: фестиваль-конкурс песни Анны Герман, Международный фестиваль цыганской музыки в Польше, фестиваль «Калейдоскоп талантов». Они, как и польские исполнители занимают почетные первые места, например, представитель Беларуси на фестивале «Танцующие Эвридики-2005» Петр Елфимов. Примечательной его победу на фестивале делает тот факт, что он единственный представитель другой национальности среди 13 участников-поляков. Кроме П. Елфимова высокий уровень своего таланта и профессиональности показала минчанка Ольга Акулич на польском фестивале «ОРРА-2015» среди молодых авторов и исполнителей [6].

Польско-белорусское культурное сотрудничество развивается не только в области музыки и кино, но и происходит обмен художественными выставками. Например, в 2015 г. в Бресте состоялась выставка польских художников-абстракционистов, в 2007 г. в Варшаве прошла выставка «Современное изобразительное искусство Беларуси». В выставках участвуют не только опытные мастера, которые представляют традиционную школу изобразительного искусства: В. Ходорович, В. Альшевский (белорусские художники), И. Вильчек, А. Лабуза, А. Цыган

(профессора Академии искусств города Катовице), но и молодые имена в живописи, например, В. Савич, А. Журавлев, представители современной белорусской художественной школы, польской – И. Здяницк, П. Шейбел, П. Косоковский. Кроме выставок персональных художников, в Польше и Беларуси известны работы мастеров «Объединения польских художников» из Гродно. В их творчестве нашли отражение мотивы как из белорусской истории, так и польской. В наибольшей степени своим творчеством они способствуют возрождению и сохранению польской культуры и традиций в изобразительном искусстве.

Белорусско-польское сотрудничество развивается и в области литературы. Среди современных писателей, чьи произведения издаются и пользуются популярностью у читателей Беларуси и Польши, можно назвать Нобелевского лауреата С.А. Алексиевич, которая работает в художественно-документальном жанре. Ее книги издавались во многих странах мира, включая Польшу и Беларусь. Кроме Нобелевской премии по литературе в 2015 г., С.А. Алексиевич была награждена и литературными премиями Польши: «Премией Рышарда Капустинского» (2011, 2015 г.), «Перо свободы» (2013 г.), литературная премия Центральной и Восточной Европы «Ангелиус» (2011 г.) [7].

В Польше известен и литературный талант польско-белорусского писателя, переводчика С.К. Яновича, который познакомил польских жителей с творчеством Я. Брыля, Я. Шабана. С.К. Янович является автором сборников эссе, например, «Айчына. Беларускія сляды і знакі» (2001 г.), «Беларусь, Беларусь» (1987 г.), «Terra Incognita: Беларусь» (1993 г.), был председателем Белорусского демократического объединения (первая белорусская политическая партия в Польше, 1989 г.) [8, с. 653]. Известным писателем в Польше также является уроженец Мозырского района Андрей Михайлович Федоренко, с творчеством которого белорусские и польские читатели знакомы, благодаря его произведениям об обычном человеке в необычной ситуации, например, «История болезни», «Афганская шкатулка», «Ничьи». За работу «Граница» А.М. Федоренко был удостоен «Премии Ежи Гедройца» (2012 г.) [9, с. 3]. Литературная премия Е. Гедройца основана с целью популяризации современной белорусской литературы в Беларуси и Польше, призвана содействовать расширению польско-белорусских отношений в сфере культуры.

На территории Польши и Беларуси также проводятся книжные выставки, на которых представлены произведения польской классической литературы на русском и белорусском языках. Так, на 54 Варшавской международной выставке-ярмарке в 2009 г. был представлен сборник поэзии Р. Капустинского (уроженец г. Пинска) на белорусском и русском языках. В Беларуси изданы произведения Р. Капустинского «Империя», «Шахиншах», «Путешествие с Геродотом» и сборник поэзии,

подготовленный его друзьями в Пинске, а по инициативе Пинского горисполкома на стене дома, в котором он родился, была установлена табличка в память о знаменитом земляке [10, с. 15].

Таким образом, несмотря на отсутствие политического диалога на высшем уровне, между Беларусью и Польшей развиваются культурные связи на межгосударственном и межрегиональном уровнях. Белорусско-польские мероприятия в сфере культуры – это пример культурной дипломатии между Польшей и Беларусью, которая выстраивается уже не один год, так как нас связывает не только общая граница, но и многовековая история длиной в не одно столетие. Культура выступает как действенный инструмент дипломатии и эффективное средство борьбы за национальные интересы как Польши, так и Беларуси. Культурная дипломатия посредством различных инициатив не только способствует продвижению национальных интересов на международной арене, но и оказывает непосредственное влияние на межгосударственные контакты.

Список основных источников

1. Раткевич, М.А. Польский язык в Беларуси в XX веке (1920–1990-е гг.): социолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Раткевич; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2014. – 25 с.
2. Культурны Цэнтр Беларусі ў Польшчы [Электронный ресурс]. – <http://poland.mfa.gov.by/be/kcb/>. – Дата доступа: 04.05.2016.
3. Шахова, А.Е. Международный фестиваль органной музыки «Званы Сафії» / А.Е. Шахова // Национальная культура глазами молодых: сб. материалов XXXIX итоговой науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов (26–27 марта 2014 г.) / Бел. гос. ун-т культуры и искусств. – Минск: БГУКИ, 2014. – С. 740–744.
4. Рагачевич, Н.В. Белорусское национальное меньшинство в Польше и польско-белорусское культурное сотрудничество на рубеже веков / Н.В. Рагачевич // Працы гістарычнага факультэта: навук. зб. Вып. 1 / рэдкал.: У.К. Коршук [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2006. – С. 174–178.
5. Андрей Кутило. «С каждым фильмом я становлюсь взрослее» // Наш край. – 2010. – 26 нояб. – С. 5.
6. ОППА – Международный фестиваль бардов [Электронный ресурс]. – <http://www.oppa.pl/content/view/99/146/>. – Дата доступа: 04.05.2016.
7. Светлана Алексиевич [Электронный ресурс]. – <http://www.alexievich.info/premiiRu.html>. – Дата доступа: 04.05.2016.
8. Гардзіцкі, А.К. Яновіч Сакрат / А.К. Гардзіцкі // Беларускія пісьменнікі (1917–1990): даведнік / Склад. А.К. Гардзіцкі; нав. рэд. А.Л. Верабей. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. – С. 653.
9. Рублевская, Л. У мяне няма літаратурных ворагаў / Л. Рублевская, А. Стадуб // Советская Белоруссия. – 2013. – №115 (24252). – 25 июня. – С. 3.
10. Европейский выбор. Человек дороги // Белорусы и рынок. – 2010. – № 16(902). – 26 апр. – 2 мая. – С. 15.

БЕЛОРУССКОЕ ПОЛЕСЬЕ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ РАБОТАХ М.В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО

П.С. Крючек
УО БГТУ

Уроженец Гомельщины (Митрофан Викторович Довнар-Запольский родился 2 /14/ июня 1867 года в г. Речице Мозырского уезда), с юности интересовался историей и этнографией своего родного края. Так, первые три заметки будущего знаменитого ученого под общим названием «Из Мозыря» были напечатаны в газете «Еженедельное обозрение» уже в 1884 г. В следующем 1885 г. издание поместило еще пять его заметок. Таким образом, еще будучи учеником Мозырской прогимназии, М. Довнар-Запольский заявляет о себе как исследователь истории и быта родного края. Однако более основательно этнографическими исследованиями М. Довнар-Запольский занялся во время учебы на историко-филологическом факультете Киевского университета, куда он поступил в 1889 г. Материалы для своих работ будущий ученый собирал главным образом в ходе своих экспедиций по родным местам, которые он проводил во время летних каникул. Во время этих экспедиций М. Довнар-Запольский основательно обследовал целый ряд населенных пунктов Пинского, Мозырского, Речицкого и Минского уездов. Собранный при этом богатый этнографический материал лег в основу будущих исследований ученого, а сам исследователь в 1892 г. был награжден серебряной медалью Русского географического общества.

Значительное место в этнографических исследованиях М. Довнар-Запольского занимала белорусское Полесье. Нужно отметить, что Полесье издавна привлекало к себе внимание этнографов. Язык и быт его населения имели целый ряд особенностей, которые отличали его от жителей как центральных белорусских, так и украинских районов. Несколько этнографических работ посвятил этому региону и М. Довнар-Запольский.

Первоначально ученый обратился к изучению свадебной обрядности белорусов на примере материалов собранных в Мозырском и Речицком уездах. Еще будучи гимназистом в 1888 году он опубликовал несколько небольших исследовательских материалов, в том числе и первую свою брошюру «Белорусская свадьба и свадебные песни: (Этнографический этюд)». Позднее, в 90-е гг., вышла его работа «Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках», а также несколько других работ, посвященных изучению традиционной белорусской культуры. Среди произведений М.В. Довнар-Запольского, посвященных проблеме исследования различных аспектов свадебной обрядности белорусов, можно назвать также следующие: «Ритуальное значение каравайного обряда у белорусов», «Женская доля в песнях пинчуков», «Сватавство и дружина жениха в белорусской свадьбе», «Солнышко и месяц в белорусской свадебной поэзии», «Песни пинчуков». Большинство из них позднее были включены в сборник «Исследования и статьи», который был опубликован в 1909 году.

В работах М.В. Довнар-Запольского можно выделить несколько аспектов изучения свадебных обычаев белорусов. Первые этнографические труды ученого посвящены описанию свадебных обрядов и публикации свадебных песен, которые бытовали на территории Речицкого и Мозырского уездов Минской губернии. При этом автор отмечал, что свадебные песни создавались на протяжении столетий и целые столетия сохранялись в народе. Они включают в себя описание брачных отношений в самую раннюю эпоху. Поэтому, изучая их, мы имеем возможность проследить за этнографическими особенностями белорусов на ранних этапах их истории.

В своей работе «Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках» М.В. Довнар-Запольский попытался объяснить происхождение и значение отдельных частей свадебного обряда у белорусов. В начале статьи ученый определяет два метода, которые можно использовать при «исследовании культурных и религиозных пережитков свадебных обрядов». Согласно первому исследуемый материал можно было бы разместить по различным рубрикам, которые выработаны в современной этнологической науке относительно эволюции семьи и религиозных культов.

Второй метод состоит в простом объяснении обрядов по ходу их выполнения. Выбирая второй метод, М.В. Довнар-Запольский сталкивается с трудностью выбора так называемого «основного описания». «Я не имею в виду дать здесь подробное описание всех обрядов. Цель моя – выбрать только те факты, которые могут вызвать интерес с точки зрения современной этнологической науки и поставить в связь с параллельными фактами из ритуалов различных индоевропейских народностей, насколько мне была доступной литература о них. Я стремился ввести белорусские, а значит, в общем, и русские обряды в сферу романо-германских родственных уставов, однако та литература, что была у меня под руками, являлась недостаточной» [1, с. 61].

Вопросы семьи и семейной обрядности ученый рассматривает, исходя из господствующей в тот период концепции линейной эволюции и сформулированной на ее основе теории пережитков. Особое значение при этом уделялось обрядам похищения и выкупа невесты. Последние трактовались эволюционистами как формы брака, которые являлись обычными или даже господствующими в определенный период исторического развития. В частности, М.В. Довнар-Запольский проанализировал целый цикл песен связанных с обрядом похищения невесты. Ученый отмечал, этот обряд имеет свои корни еще в том периоде, когда обычай требовал брать себе жену из другого племени. Свадебные обряды славянских народов сохранили воспоминания об этом обычае [1, с. 363].

Существует и вторая часть свадебных обрядов и связанных с ними песен, которые несут в себе не правовые, а религиозно-мифологические

мотивы. К ним М.В. Довнар-Запольский относит прежде всего песни связанные с каравайным обрядом и песни в которых славятся месяц и солнце. Эти обряды и песни берут свое начало еще в дохристианских временах и связаны с поклонением языческим богам и различным силам природы.

Заключение брачного договора проходит в несколько этапов. М.В. Довнар-Запольский отмечает большое значение в этом качестве обрядов сватовства и помолвки, после которых разрыв между молодыми становился фактически невозможным. Сравнивая эти обычаи с обычаями других индоевропейских народов, ученый пришел к выводу, что они берут свои истоки еще в древних временах, когда мужчина должен был действительно покупать себе жену, которая принадлежала всему роду [1, с. 66]. Своеобразно трактует М.В. Довнар-Запольский и обычай обмена кольцами, который совершается во время помолвки. Ученый считает, что этот древний обычай, характерный для многих индоевропейских народов, символизирует цепь, которая приковывает жену к мужу. Древние корни имеет и обряд снятия венка с невесты и подрезания ее косы. Он относится еще к тому периоду истории, когда обрезание волос символизировало утрату человеком свободы и тем самым характеризовало переход женщины в несвободное состояние и ее полное подчинение мужу.

Несмотря на последующую критику многих выводов эволюционистов, исследования М.В. Довнар-Запольским свадебной обрядности белорусов внесли значительный вклад в развитие этнологии. Они являются примером скрупулезного и последовательного сравнительного анализа материала с учетом всей доступной исследователю литературы.

Наиболее известной работой М.В. Довнар-Запольского, посвященной Полесью, является изданный в 1895 году сборник «Белорусское Полесье», который более известен под своим вторым названием «Песни пинчуков». Сборник был издан с помощью известных ученых – профессоров Киевского университета П. Владимирского и А. Лободы. Сборник был записан как первая часть многотомного издания. Однако следующие части так и не увидели свет. Есть сведения, что часть материала, собранного ученым во время его этнографических экспедиций была утеряна при пожаре. Сборник состоял из двух частей – песни обрядовые и лирические песни. Эти части в свою очередь делились на разделы по тематическому принципу. При группировке материала составитель исходил из того, какое место та или иная песня занимает в быту местного населения и к какой группе его относят сами исполнители.

На основе анализа текстов песен М. Довнар-Запольский попытался уточнить северную и восточную границы Полесского говора. С этой целью в сборник была включена специальная статья «Говор пинчан». В нем автор довольно подробно проанализировал фонетические и морфологические

особенности полесской речи, показал, какое место в ней занимают белорусские и украинские элементы. В результате ученый пришел к выводу, что полесская речь имеет малорусскую основу. Однако не подлежит сомнению, что она имеет свои особенности и очень богата белоруссизмами [2, с. 27].

Сборник «Песни пинчуков» получил неоднозначную оценку среди ученых. Известный белорусский этнограф Я. Карский оценил его очень высоко. Он подчеркивал, что материал в сборнике подобран очень интересный и разнообразный, и выразил пожелание, чтобы скорее вышли следующие его части [4, с. 156].

Положительную в целом оценку сборнику дал и второй белорусский этнограф Е. Ляцкий. Однако он выступил против самого названия «Белорусское Полесье», ведь, по его мнению, и по языку, и по особенностям быта это местность ближе к Украине, чем к Беларуси, с которой связано только административно. Поэтому Я. Ляцкий предлагал называть эту местность просто Полесьем [6, с. 159].

Совсем другую оценку сборнику дал украинский исследователь А. Крымский. Он подверг книгу резкой критике, причем необоснованной. Рецензент однозначно высказался против самого названия «Белорусское Полесье», раскритиковал структуру работы и даже сам подбор и группировку материала [5, с. 39]. М. Довнар-Запольский был вынужден даже выступить в печати со специальным письмом, в котором в ответ на обвинения А. Крымского писал: «Со всех недостатков, на которых настаивает г. Крымский, в моей книге присутствуют только два: заглавие книги и классификация песен. Но и то, и второе – дело чисто субъективное» [3, с. 202]. Правда, ни в своей работе, ни в ответе на замечания рецензентов М. Довнар-Запольский так и не привел убедительных доказательств об этнографической принадлежности Полесья до Беларуси. Тем не менее, сборник «Песни пинчуков» имел большую научную ценность. М. Довнар-Запольский собрал и обработал в нем богатый и разнообразный этнографический материал. Во вводной статье автор довольно точно наметил границы полесской речи и показал ее фонетические и морфологические особенности. Большую ценность имеют и комментарии ученого, в которых он сравнивает тексты песен с подобными им белорусскими, украинскими, русскими и польскими песнями. При этом автор использовал почти все тогдашние фольклорные издания.

Таким образом, М.В. Довнар-Запольский сделал значительный вклад в исследования этнографии Белорусского Полесья. Причем многие его выводы, особенно касающиеся юридической стороны свадебного обряда, до сих пор не утратили научной ценности. Некоторые положения его теории, интерпретированные с точки зрения других методологий, получили новое звучание и актуализацию в настоящее время.

Список основных источников

1. Довнар-Запольский, М.В. Исследования и статьи / М.В. Довнар-Запольский. – Киев: тип. А. Сапунова, 1909. – 123 с.
2. Довнар-Запольский, М.В. Белорусское Полесье. Сборник этнографических материалов / М.В. Довнар-Запольский. – Киев: тип-ия ун-та св. Владимира, 1895. – 246 с.
3. Довнар-Запольский, М.В. Письмо в редакцию (по поводу рецензии А. Крымского на «Белорусское Полесье» / М.В. Довнар-Запольский // Этнографическое обозрение. – Санкт Петербург, 1896. – №1. – С. 196–202.
4. Карский, Е. Ф. Рецензия на книгу М. Довнар-Запольского «Белорусское Полесье» / Е.Ф. Карский // Этнографическое обозрение. – Санкт Петербург, 1895. – №3. – С. 155–156.
5. Крымский, А. Рецензия на книгу Н. Довнар-Запольского «Белорусское Полесье» / А. Крымский // Киевская старина. – Киев, 1896. – №1. – С. 38–42.
6. Ляцкий, Е. Рецензия на книгу М. Довнар-Запольского «Белорусское Полесье» / Е. Ляцкий // Журнал министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1896. – №5. – С. 158–159.

СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ НА ТУРОВЩИНЕ В XIX ВЕКЕ

З.С. Курьян

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

В 1877 году в «Минских губернских новостях» был опубликован этнографический очерк «Туров и Туровщина». Сведения авторов о быте и хозяйстве поселян содержали немало интересных фактов о семейном воспитании на Туровщине. Первое, на что обратили внимание исследователи, была прочность семейного союза. «Здесь этот союз мужа и жены так крепок, что можно пожелать, чтобы такой союз везде был не только между простым и бедным народом, но между всяким знатным и богатым» [2, с. 101].

Разводы здесь были большой редкостью. Глава семьи – отец пользовался непререкаемым авторитетом у домашних и, не смотря на свою строгость, он никогда не был деспотом. «Он любит свою жену без слов, ласкает детей не глядя, часто готов спросить и послушаться своей половины – жены, но никогда не будет у нее под «понтофлем» т.е. под каблуком» [2, с. 101]. Если в семье есть женатые сыновья, глава семейства управляет так, что и «дед, и сын, и внук, составляют как бы одно целое в семье, одно тело в хате». Причем, такой обычай был более характерен для туровских окрестных сел, нежели для города. Взрослые, даже женатые, сыновья редко отделялись от отца, и только нежелание идти в рекруты заставляло их покидать семью и заводить свое хозяйство. Положение матери в семье было не менее важно – ей подчинялась вся женская половина. «Они (дочери, невестки) матери своей во всем послушны, обо всем спрашивают и ни одна не смеет мешаться в «хатный» порядок». Замужние женщины отличались высокой нравственностью, а «что касается

их жизни до брака, то непогрешительно можно всецело приложить к ним слова самого Спасителя: цели яко голуби» [2, с. 102].

Таким образом, личный пример и образцовое и достойное поведение родителей формировали образец поведения детей – будущих родителей. Важным качеством, которое прививалось детям в семье с детства, было воспитание взаимопомощи и поддержки друг друга по хозяйству, в поле, в домашних делах. Причем, воспитывалась необходимость помощи не только родственникам, но и другим (чужим) людям. Особое отношение воспитывалось к праву собственности. «Понятие о праве собственности здесь так крепко и ценится высоко, что слово злодей (вор) унижительнее и презреннее всякого другого ругательства» [2, с. 91].

Летом в поле крестьяне оставляли упряжь, еду, собранный урожай и случаев воровства здесь практически никогда не было. Автор, проживший в Турове восемнадцать лет, приводил примеры того, что он никогда не замыкал гумно с бочками хлеба, амбары с домашней утварью и другие постройки и никогда за эти годы не было ни одного случая воровства. Бывали случаи, «когда бедная вдова наломает хворосту из плетневой ограды, или хозяин стянет чужого сена, проезжая вдоль дороги, но эти примеры единичны и не идут в сравнение с воровством в городах и у более цивилизованных народов» [2, с. 102].

Одним из отличительных обычаев жителей Туровщины исследователи отмечали патриархальное гостеприимство. «Здесь вы никогда не заметите ни малейшего пронырства. Напротив, для чужого человека здесь в каждом семействе готово вас встретить самое душевное и неподдельное гостеприимство» [2, с.91].

Туровцы радушно встречали приезжих, просившихся на ночлег. Сыновья помогали устроить и накормить лошадь, жена и дочь накрывали на стол, гостю предлагали теплое место поближе к свету и теплу, а «баба (старые люди спали на печи) приглашает на печь и уступает свое место». Утром, накормив, гостя провожали в дорогу, не взяв ни копейки денег. При этом слова отца на прощанье гостю «гора с горою не сойдется, а человек с человеком сходятся, может и нам у вас придется быть» закрепляли в сознании детей необходимость сострадания и взаимопомощи человеку, оказавшемуся в сложной жизненной ситуации. Одним из негативных явлений, пагубно влиявшим на отношения в семье, по мнению многих исследователей Полесья, было пьянство. Несмотря на то, что взрослое население употребляло водку, «в Турове дети, хотя были и взрослые, редко чтобы пили водку, особенно водку не пьют никогда девушки». Были на Туровщине места, где водку вообще не употребляли: «жители села Ляховичи – народ трезвый, водки не пьют» [1, с. 23].

Особенно большое влияние на поведение детей в семье на Туровщине оказывало религиозное воспитание. «В Туровщине древнее православие и многое в жизни и обычаях народа дышит стариною: народ

необыкновенно набожен; все умеют читать по церковнославянским книгам. Туровцы сохранили замечательную чистоту нравов и патриархальную простоту семейного быта» [1, с. 27].

Соблюдение постов, молитвы, осенение себя крестным знаменем, набожность и послушание воспитывались в семье на примерах поведения старших. Дети с раннего возраста приучались к устоям и порядкам в семье. В воскресные и праздничные дни в семьях не завтракали «пока не выйдут из церкви: тогда прямо, придя домой, садятся обедать, и не только те, кто был в церкви, ничего не едят до времени выхода из церкви, но даже и маленьким детям ни за что не позволят до этого времени вкушать чего-либо» [2, с. 89].

Представленные факты позволяют представить положительную картину семейного воспитания на Туровщине. Следует предположить, что были и негативные явления в этом сложном и непрерывном процессе человеческой жизнедеятельности. Воспитательные меры для исправления пробелов в семейном воспитании на Туровщине долгое время оставались старинными и неизменными. «Это: у мужчин кий (палка) и кулак, а женщины «орудием на это преимущественно употребляют свой язык, ругательства и проклятия» [2, с. 103].

Таким образом, семейные устои на Туровщине сохранялись традиционно и были неизменными на протяжении длительного периода. Подобные явления, по мнению исследователей Туровщины (А. Васильева, И. Эремич, В. Маракуев, В. Соколов, К. Мысовский и др.) были следствием местного консерватизма и положительного влияния православия, сохраненного жителями Мозырского Полесья в XIX веке почти в первоначальном виде.

Список основных источников

1. Маракуев, В. Полесье и полешуки (Из путевых заметок) / В. Маракуев. – Москва, 1879.
2. Туров и Туровщина // Минские губ. ведомости. – 1887. – № 8. – С. 89–91; № 9. – С. 101–103.

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ МИНСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ В МОЗЫРСКОМ УЕЗДЕ (1832–1851 гг.)

Ю.С. Литвинчук

Институт истории НАН Республики Беларуси

Вопросы градостроительства Мозырского уезда Минской губернии периода 1832–1851 гг. нашли отражение в делопроизводственных материалах, в частности, в таком виде документов, как переписка [1, с. 263–268]. Среди фондов Национального исторического архива Беларуси, освещающих вопросы градостроительства, особое место занимает фонд 446 «Минская губернская строительная комиссия». В нем отложились 11

дел, касающихся градостроительства в г. Мозыре и Мозырском уезде Минской губернии. Именно эти документы и будут рассмотрены в данной статье. По своей разновидности это рапорты и сообщения. Выделим в этих документах те сведения, которые проливают свет на некоторые вопросы планировки и практики градостроительства указанных города и уезда.

Минская губернская строительная комиссия (МГСК) была создана на основании «Положения о новом образовании строительной части гражданского ведомства» от 29 сентября 1832 г. [13, с. 627]. Она ведала распорядительной и хозяйственной частью гражданских сооружений. В обязанности Минской губернской строительной комиссии входили рассмотрение и составление описей и смет, надзор за состоянием находившихся в ее ведении казенных и общественных зданий, составление и утверждение планов, проведение их ремонта и перестройки, строительство новых зданий, ремонт и постройка деревянных мостов. 31 января 1851 г. на основании указа Сената Минская губернская строительная комиссия была преобразована в единую губернскую строительную и дорожную комиссию [14, с. 103].

Рапорты – наиболее многочисленная разновидность документов фонда 446. Привлекают внимание следующие дела, проливающие свет на частное строительство: «Дело по прошению мещанина П. Муженки о разрешении построить деревянный дом по ул. Киевской в г. Мозыре» от 29 мая – 28 декабря 1834 г. [2]; «Дело по прошению мещанина Д.К. Олещенко о разрешении построить деревянный дом по ул. Свидовской в г. Мозыре» от 19 июля – 27 сентября 1834 г. [3]; «Дело по прошению мещанина П.Б. Спайзмана о разрешении построить деревянный дом по ул. Слуцкой в г. Мозыре» от 21 июня 1835 г. – 7 января 1836 г. [5]. В этих источниках имеются сведения о существовании в городе Мозыре в 1834–1835 гг. таких улиц, как ул. Киевская, Свидовская и Слуцкая. В «Деле об утверждении плана постройки торговых лавок на Базарной площади в г. Мозыре» от 14 июля – 2 декабря 1843 г. [12] содержится информация о Базарной площади в г. Мозыре.

Среди документов частного строительства, в 446 фонде Минской губернской строительной комиссии содержится «Дело по прошению мещанина П. Муженки о разрешении построить деревянный дом по ул. Киевской в г. Мозыре» от 29 мая – 28 декабря 1834 г. [2, л. 1]. В данном деле имеется рапорт от 23 мая 1834 г. № 1044 Мозырской городской полиции, подписанный письмоводителем Загоровским, в котором сказано, что было выслушано объявление жителя города Мозыря Платона Стефанова Муженки. Из объявления следует, что он планирует построить деревянный дом на своем плаце по Киевской улице, на собственной земле, которая осталась ему по наследству от отца. И на данную постройку, прилагая план, он просит разрешение. Частный пристав рапортовал о

разрешении постройки, распорядившись представить план постройки на рассмотрение в Минскую губернскую строительную комиссию.

Местные власти первоочередное внимание уделяли казенным зданиям. Вопросы строительства и починки казенных зданий отражены в «Деле о постройке моста по ул. Киевской в г. Мозыре» от 9 июля 1840 г. – 29 ноября 1841 г. [11, л. 7]. Оно содержит в себе несколько рапортов. В рапорте Мозырского городничего от 10 августа 1840 г. № 423 отмечается о представлении сметы на мост, который лежит по Киевской военной дороге, и требует отстройки, особенно после повреждения его во время весеннего разлива реки. В данном рапорте упоминается и о случившемся пожаре с 11 на 12 июля 1839 г. в г. Мозыре на большой почтовой Киевской дороге, в результате которого мост сгорел до фундамента.

В «Деле об устройстве оконных рам в здании Мозырской городской полиции» от 4 октября 1838 г. – 15 ноября 1839 г. [9, л. 1] имеется рапорт Мозырской городской полиции от 25 сентября 1838 г. № 612. В данном рапорте отмечается, что была составлена смета на ремонт либо замену окон в помещении, которые занимает Мозырская городская полиция.

В данном деле содержится и рапорт военного начальника Мозырского и Речицкого уездов от 6 сентября 1839 г. № 443 г. Мозыря, направленный в Минскую губернскую строительную комиссию. В нем Строительная комиссия требует присылки сметы на устройство переплетов в окнах комнат, занимаемых Мозырской городской полицией, из-за того, что данные комнаты сгорели во время случившегося пожара в городе Мозыре с 11 на 12 июля (сгорело здание полиции) [9, л. 20]. Из-за данного пожара пострадали многие сооружения.

Среди документов, отражающих вопросы постройки и починки казенных сооружений, также вызывает интерес и «Дело об изготовлении кресел в караульном помещении Мозырской городской тюрьмы» от 31 октября 1838 г. – 6 мая 1840 г. [8]. В данном деле есть рапорт от 15 октября 1839 г. помощника архитектора и особого землемера Квашнина, направленный в Минскую губернскую строительную комиссию, в котором отмечается, что предоставляется чертеж солдатских кресел: «По указу Минской Губернской Строительной комиссии данного мне от 11-го сентября сего года за № 3048, о снятии на плане построенных солдатских кресел в Мозырском Гражданском остроге при чем имею честь при сем представить чертеж означенным креслам. Помощник Архитектора. Квашнин» [8, л. 17]. Помимо этого важную информацию содержит в себе сам чертеж солдатских кресел, которых было построено 10-ть в гражданском остроге в г. Мозыре [8, л. 18].

В «Деле о составлении сметы и освидетельствовании работ по ремонту зданий Мозырской городской думы» от 21 сентября 1836 г. – 25 июля 1838 г. имеется рапорт от 13 ноября 1836 г. № 155 подпоручика Ханыкова, направленный в Минскую губернскую строительную комиссию

[7, л. 3]. В данном рапорте сообщается, что комиссия передала Указ на рассмотрение составленной сметы на сумму 556 руб. 35 коп. Мозырской Думой с городничим и уездным стряпчим на починку городского дома. Однако в данной смете не указаны следующие работы: 1) не сказано, какой длины и ширины предполагается сделать оконные рамы, и сколько стекол; 2) нет данных о длине, ширине комнаты и высоте потолка; 3) не известно, каких размеров печи; 4) Имеется 10-ть комнат, или есть другие комнаты. В конце рапорта содержится требование представить указанные сведения от местного начальства, без которых данная смета не может быть составлена окончательно. Строительная комиссия не может утвердить смету на ремонт городского дома, так как недостаточно представлено в ней информации.

В «Деле о составлении сметы и освидетельствовании работ по ремонту моста на ул. Киевской в г. Мозыре» от 27 марта 1840 г. – 15 сентября 1841 г. имеется рапорт от 6 июля 1840 г. № 267 Мозырского уездного судьи Коморницкого, направленный Господину Минскому гражданскому губернатору действительному статскому советнику и кавалеру Сушкову [10, л. 18]. В этом рапорте отмечается, что мост, лежащий по Киевской улице в г. Мозыре, по смете губернской строительной комиссии уже построен, а покрашен будет 7 июля. Отмечается также и то, что оставшиеся деньги от постройки будут возвращены в Мозырскую городскую Думу. Отсюда следует, что мост, разрушенный пожаром 1839 г., вновь был отстроен в 1840 г.

Среди вопросов о постройке и починке культовых сооружений важным является «Дело о представлении Минской греко-римской духовной консистории сведений о ценах на строительные материалы для постройки деревянной церкви в им. Радзиловичи Мозырского у.» от 15 января – 18 января 1836 г. [6, л. 1]. В нем имеется сообщение Минской Грекороссийской Духовной консистории от 14 января 1836 г. № 215, направленное в Минскую губернскую строительную комиссию. В нем отмечается о планах строительства новой церкви и о выделении Комиссией духовных училищ 5738 руб. 57 коп. на постройку деревянной церкви в селении Радилевичах Мозырского уезда. По представленным Святейшему Синоду плану фасада и сметы, Комиссия духовных училищ сделала распоряжение о переводе данной суммы через Минскую Казенную Палату. В данном сообщении также отмечается о необходимости выполнения следующего: 1. Сообщить в местную казенную палату об ассигновании 5738 руб. 57 коп. суммы из Минского уездного казначейства под расписку члена Духовной консистории, соборного священника Василия Конопалевича и о представлении этой суммы в Консисторию. 2. Осуществить постройку церкви с колокольнею посредством подряда с публичных торгов, которые назначены на срок 17 марта 1836 года.

3. Представить в губернскую строительную комиссию копии сметы и прислать справочные цены и материалы за февраль месяц.

В «Деле о командировании чиновника комиссии по искусственной части Ранвида для освидетельствования работ по ремонту греко-римской церкви в с. Скородное Мозырского у.» от 6 июня – 3 августа 1835 г. имеется сообщение Минской грекороссийской Духовной Консистории от 4 июня 1835 года № 2124 [4, л. 1]. В данном сообщении отмечается, что по донесению Мозырского уезда Скородинскаго священника Дмитрия Подольского, починка-ремонт Дмитриевской церкви произведена была подрядчиком евреем Гецовым. Духовная Консистория обратилась к губернскому землемеру Подолинскому, чтобы он командировал местного уездного землемера для засвидетельствования этой починки. На что Подолинский ответил, что место землемера вакантно. В Консисторию поступила информация о том, что от местной губернской строительной комиссии командировается чиновник по строительным делам в Мозырский уезд и поэтому строительная комиссия просит об освидетельствовании этим чиновником произведенной починки Скородинской церкви.

Таким образом, делопроизводственные материалы, представленные в 446 фонде и отражающие градостроительство в Мозырском уезде Минской губернии, являются репрезентативным и ценным источником по градостроительству. Рассмотренные делопроизводственные материалы отражают многие вопросы градостроительной сферы: постройка частных зданий, починка и благоустройство казенных, культовых сооружений т. д.

Список основных источников

1. Источниковедение истории СССР / И.Д. Ковальченко, С.В. Воронкова, А. В. Муравьев и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. школа, 1981. – 496 с.
2. Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАБ). – Фонд. – 446. – Оп. 1. – Д. 112.
3. НИАБ. Фонд 446. Оп. 1. Д. 113.
4. НИАБ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 137.
5. НИАБ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 182.
6. НИАБ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 196.
7. НИАБ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 233.
8. НИАБ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 368.
9. НИАБ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 369.
10. НИАБ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 394.
11. НИАБ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 396.
12. НИАБ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 424.
13. Положение о новом образовании строительной части гражданского ведомства // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 7. – Ст. 5624.
14. Сенатский указ о преобразовании губернских строительных и дорожных комиссий в губерниях: Эстляндской, Новгородской, Вологодской, Подольской, Минской, Тамбовской, Астраханской и Оренбургской // Полное собрание законов Российской империи. – Т. 26. – Ст. 24888.

НЕФТЬ И НЕФТЕДОБЫЧА В ТВОРЧЕСТВЕ БЕЛОРУССКИХ ХУДОЖНИКОВ

В.Н. Сидоренко, Я.С. Тавтын
УО ГГУ им. Ф.Скорины

Развитие промышленности в Беларуси было значимой темой для художников Беларуси в 1960–1980-х гг. и остаётся ею в настоящее время. В 1960–1980-х гг. сформировалась целая плеяда мастеров промышленного и индустриального пейзажа: М.В. Данциг, И.И. Белонович, И.Н. Стасевич, М. Плужник и др. В творчестве художников находили отражение новые стройки, возведение значимых промышленных объектов, разведка новых месторождений полезных ископаемых. Развитие не только сельского хозяйства, но и промышленного производства, тяжёлой индустрии в БССР стали источником вдохновения для художников. В 1960-е годы началась добыча нефти в Беларуси, и многие художники начали писать на эту тему картины, так как считали, что это событие очень значимое для развития нашей страны.

Началом промышленной добычи нефти в Беларуси является 1965 год. О том, что на Белорусском Полесье может быть «чёрное золото», знали ещё до начала Второй мировой войны. Эту идею обосновал в 1933 г. горный инженер геолог А. Розин. Ученый-гидролог, академик Г. Богомоллов предположил наличие в южной части БССР куполообразных структур, что давало основание исследовать эти районы на нефть. Крупнейшим регионом БССР, где начали вести добычу нефти, стало Полесье.

Первые залежи нефти в Беларуси были открыты в августе 1964 г., а в октябре 1964 г. подтверждены промышленные запасы нефти. Из двух скважин Р-8 и Р-6, пробуренных бригадами мастеров В. Зайцева и В. Галко, были получены в сутки соответственно 126 и почти 600 тонн углеводородов. Нефтяное месторождение получило название «Речицкое». В апреле 1965 года был запущен Речицкий укрупнённый нефтепромысел (позднее нефтегазодобывающее управление «Речицанефть»). В его пуске участвовали первый секретарь ЦК КПБ П.М. Машеров, руководители нефтяной отрасли СССР.

Следующим было открыто Осташковичское месторождение, одно из крупнейших на территории Припятского прогиба. Вскоре нефтяные фонтаны ударили на Тишковской, Вишанской, Давыдовской площадях. В 1967 году был получен первый миллион тонн нефти и 2 млн. куб. м попутного газа.

Таким образом, большая часть доказанных запасов нефти в белорусском регионе на юго-востоке страны были выявлены на следующих промышленных нефтеносных зонах:

1. Речицко-Вишанская (Вишанское, Давыдовское, Западно-Тишковское, Красносельское, Мармовичское, Осташковичское, Речицкое, Сосновское, Тишковское, Южно-Осташковичское, Южно-Сосновское месторождения).

2. Малодушинская (Барсуковское, Золотухинское, Надвинское месторождения).

3. Первомайская (Восточно-Первомайское, Оземлинское, Озерщинское месторождения) и др.

Важнейшее месторождение – Речицкое. Суммарные запасы невелики и составляют 27,1 млн тонн. Месторождение содержит также запасы попутного газа (2,8 млрд куб. м).

В 1966 году было создано производственное объединение «Белоруснефть». Предприятие вело поиск, разведку и разработку нефтяных месторождений, бурение скважин, добычу нефти и попутного нефтяного газа. В настоящее время «Белоруснефть» работает в нефтяной сфере не только Беларуси, но и других стран (России, Украине, Венесуэле, Эквадоре).

На тему нефтедобычи в БССР в 1970-е годы было написано много картин. В 1973 г. появилась картина Г.Х. Ващенко «На Полесье. Нефтяники Полесья». Работы Г.Х. Ващенко, посвящённые этой тематике, отличаются монументальностью, высоким художественным замыслом. В 1974 г. была написана картина В. Варламова «Рабочий Мозырского нефтестроя». В 1970–1980-е годы были написаны картины, посвящённые буровым вышкам, такие как «Вечер на буровой» и «Буровая и поиски нефти» [1].

Основные объекты нефтедобычи (групповые замерные установки, блочные и модульные кустовые насосные станции, скважины по поддержанию пластового давления и т. п.) оснащались современными системами телеметрии. В период, когда НТР отводилась большая роль в развитии страны, эти промышленные сооружения вдохновляли художников. Однако самым важным вдохновителем оставался человек. В живописных полотнах художники пытались показать, как выглядит тяжёлый труд рабочего и как важна добыча нефти для нашей страны [1].

Наиболее ранние полотна, посвящённые нефтедобыче в БССР, демонстрировали первые неблагоустроенные кустарные промыслы. С внедрением промышленных технологий художники могли показать героику первооткрывателей нефтяных месторождений, будни труженников, мощные буровые комплексы.

В настоящее время Беларусь располагает двумя нефтеперерабатывающими заводами, построенными в советское время, – Мозырским и Новополоцким. Их производственные мощности в 2000-х гг. были частично модернизированы. Одновременно происходило постепенное увеличение объёмов нефтепереработки (с 12 млн. тонн в 2001 г. до 20 млн. тонн в 2006 г.) и соответствующий рост экспорта нефтепродуктов (почти в 5 раз с 2002 по 2006 гг., когда он составил \$7,5 млрд). Главным событием на Припятском прогибе стало открытие в 2003 году Москвичёвского месторождения, в результате чего прирост разведанных запасов планировали увеличить на 500 тыс. тонн. За семь

месяцев 2004 года производственные подразделения объединения «Белоруснефть» добыли 1 млн 52 тыс. тонн нефти. Собственная добыча нефти позволяет обеспечить примерно 1/5 потребностей в ней народного хозяйства Беларуси.

В 2015 году в Республике Беларусь в разработке находилось 60 месторождений. Общий фонд скважин составлял почти тысячу единиц. В их числе – 774 добывающие (90 % эксплуатируются механизированным способом с использованием электроцентробежных и штанговых глубинных насосов).

Впервые в истории нефтяной промышленности Беларуси на горизонтальной скважине № 310g Речицкого месторождения началась промышленная добыча нефти из плотных пород. К бурению этой скважины специалисты объединения приступили 28 февраля 2015 года. Этому предшествовали этапы научной проработки идеи, геологического и технического обоснования целесообразности и возможности ее реализации. В результате освоения скважины № 310g Речицкого месторождения получен промышленный приток нефти из нетрадиционной залежи углеводородов в плотных породах, характеризующихся крайне низкой проницаемостью [4]. Промышленная разработка таких скоплений углеводородов проводится с помощью специальных, сложных и недешевых технологий интенсификации добычи. Они основаны на проведении многостадийного гидроразрыва пласта, который впервые в условиях нашей страны был опробован именно на скважине № 310g.

Извлекаемые запасы нефти на этом месторождении могут составить до 700 тыс. тонн нефти. Такой объем сопоставим с запасами вновь открываемых белорусских месторождений. Нефть, полученная с использованием новой технологии, вязкая, отличается от традиционной, которую даёт Речицкое месторождение.

В основном остаточные запасы белорусской нефти относятся к трудноизвлекаемым и высокообводненным. И хотя специалисты все больше склоняются к мнению, что основные запасы нефти на территории Беларуси уже разведаны и открытие очень крупных месторождений, как это было впервые годы добычи «черного золота», маловероятно, геологи настойчиво продолжают поиск.

В настоящее время «Белоруснефть» ведет добычу нефти и газа на 60 месторождениях в Беларуси, 13 в Венесуэле и 5 в Российской Федерации (на 3 – нефть, на 2 – газовый конденсат и природный газ). Добыча нефти в Беларуси ведется в настоящее время более чем на 50 месторождениях. Наиболее перспективным направлением геологоразведочных работ в Республике Беларусь является центральная структурная зона Припятского прогиба. Здесь сосредоточены белорусские запасы углеводородов.

С 1965 г. из недр извлечено более 100 млн т нефти и 10 млрд куб. м попутного газа. Попутного газа ежегодно добывается порядка 200 млн куб. м (в 2012 г. – 218 млн.).

Тема нефти и нефтедобычи остаётся актуальной для современных белорусских художников. Они изменили подходы к её осмыслению и воплощению. Современные тенденции в искусстве требуют нестандартных решений. Этим отличается белорусская художница и дизайнер Людмила Жиженко. В 2009 году, сама того не подозревая, художница изобрела оригинальную технику живописи, став при этом не только ее создателем, но и первопроходцем. В своих работах, вместо классических красок, она использует нефть.

Людмила Жиженко считает, что «нефть – необходимый в мире продукт, почему и называют ее черным золотом. А я решила сделать из нее немного духовного золота для людей».

Она изобрела нефтеграфику – это не только оригинальная техника. По сути, это самый рачительный способ использования природного богатства. Так, из одного барреля нефти получается 102 литра бензина – этого достаточно для автомобильного путешествия всего-то в 1000 километров. Однако того же количества нефти хватит для самовыражения тысяч художников – на миллионы полотен. Людмила утверждает, что «расход нефти очень маленький – все зависит от техники, от сюжета, который хочешь показать, – 5–10 г, на одну работу вполне достаточно».

И все же нефть остается нефтью. Черное золото не терпит ошибок: в творчестве – как в экономике и даже в политике: малейшая неосторожность – и белый лист испорчен маслянистым пятном. Нефтяная палитра на самом деле такая же богатая, как и обычная акварель. У каждого сорта нефти свой оттенок.

Таким образом, для развития белорусской живописи во второй половине XX – начале XXI в. тема нефти и развития нефтяной промышленности являлась актуальной. Вместе с развитием нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей промышленности рос интерес живописцев к указанной теме. Данное направление до начала XXI в. развивалось в русле индустриального пейзажа. Большинство работ белорусских советских художников отличаются монументализмом, глубоким содержанием. Многие авторы изображали нефтяные промышленные объекты на фоне пейзажей Полесья, воспевая тем самым не только индустрию, но и богатство, красоту природы родного края. В настоящее время обращение к теме развития промышленности сузилось, белорусские художники увлеклись поиском новых техник, подходов и творческих решений.

Список основных источников

1. Марцэляў, С.В. Гісторыя беларускага мастацтва: у 6 т. / С.В. Марцэляў, П.А. Карнач. – Мінск: Наука і тэхніка, 1992. – Т. 6. – 374 с.

2. Маркина, Т. Черное надежное золото / Т. Маркина // 7 дней. – 2013. – №32. – С. 120.

3. Новости мира [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.novostimira.com.ua/tags%E4%EE%E1%FB%F7%E0+%ED%E5%F4%F2%E8+%E2+%C1%E5%EB%E0%F0%F3%F1%E8>. – Дата обращения: 01.05.2016.

4. Экономика [Электронный ресурс]. – URL: http://naviny.by/rubrics/economic/2014/09/08/ic_news_113_442229/. – Дата обращения: 01.05.2016.

НАСЕЛЕНИЕ ПОЛЕССКОЙ ОБЛАСТИ ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНОЙ (ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК)

М.И. Старовойтов
УО ГГУ им. Ф. Скорины

Адекватная оценка социума Беларуси, межвоенного периода, особенно накануне войны, невозможна без количественной и качественной характеристики титульного этноса и национальных групп в составе населения областей республики (в нашем варианте на примере Полесской области). Исследования демографического, национального, социального, половозрастного состава, урбанизационного процесса на региональном уровне позволяют установить особенности изменений в этносоциокультурном облике полиэтничного населения БССР, произошедших в результате советской мобилизационной модернизации всех сторон жизни общества. Такие исследования позволяют представить, каким был этнический, социальный состав населения СССР, БССР, других союзных республик перед Великой Отечественной войной, т. е. советского народа, который разгромил фашизм. Ни в общереспубликанском, ни в региональном плане в таком контексте обозначенная проблема в отечественной историографии не только не рассматривалась, но и не ставилась. Автором предпринята попытка восполнить этот пробел, опираясь на оригинальные рассекреченные архивные данные переписи населения 1939 г., большая часть которых вводится в научный оборот впервые. Представляется необходимым выделить по возможности как абсолютные, так и относительные показатели этносоциокультурного облика населения, которые будут интересны не только научной и педагогической общественности, но тем, кто интересуется историей своего Полесского края (таблицы составлены и проценты подсчитаны автором).

Из таблицы 1 [4, л. 6] видно, что население области было полиэтничным. Особенно это заметно по составу городского населения. Белорусы в городах составляли 56%, а представители других национальностей – 44%. В целом степень урбанизации в области составила 11,2%. Это был самый низкий показатель городского населения в БССР. Только 7,4% белорусов проживало в городах области. В г. Мозыре в 1939

г. насчитывалось 17 477 человек (8 534 мужчины и 8 943 женщины). Из них белорусов проживало 8 349 человек, евреев – 6 307 человек, русских – 1 671 человек, украинцев – 602 человека, поляков – 385 человек и 163 человека – прочие национальности [4, л. 40].

Таблица 1. – Национальный состав населения Полесской области в 1939 г.

Националь-ности	Городское		Сельское		Все население			% к итогу
	Всего	%	Всего	%	Муж.	Жен.	Всего	
Белорусы	42261	56,17	530642	88,87	270890	302013	572903	85,21
Евреи	24141	32,07	8846	1,48	15664	17323	32987	4,91
Русские	4884	6,50	21394	3,58	20691	5587	26278	3,91
Украинцы	2156	2,87	18825	3,15	12490	8491	20981	3,12
Поляки	1207	1,60	11006	1,84	5225	6988	12211	1,86
Немцы	137	0,18	3129	0,52	1479	1787	3266	0,49
Латыши *	67	0,09	543	0,09	284	326	610	0,09
Татары	78	0,10	454	0,08	504	28	532	0,08
Чехи**	34	0,05	331	0,06	184	181	365	0,05
Цыгане	4	0,01	261	0,05	109	156	265	0,03
Прочие	272	0,36	1678	0,28	1842	108	1950	0,29
Всего	75241	100,00	597109	100,00	329362	342988	672350	100,00

Примечание: *) – включая латгальцев; **) – включая словаков.

Индустриальное развитие областей значительно повлияло на приток сельского населения, в первую очередь белорусов, в города. По сравнению с дореволюционным периодом и периодом НЭП, когда в городских поселениях рассматриваемых областей, как и в целом в Беларуси, в большинстве проживали евреи, это были значительные изменения в национальном составе городского населения. Однако Полесская область оставалась аграрной и в конце 1930-х годов была самой отсталой в социально-экономическом и культурном развитии областью БССР [Более подробно см. 9].

На динамику численности и национального состава населения БССР в межвоенный период существенное влияние оказали изменения в темпах естественного движения, внутриреспубликанская и общесоюзная миграция, вызванные индустриализацией и принудительной коллективизацией, репрессивные мероприятия (выселение, переселения) и др. Замедление темпов прироста населения приходится на первую половину 1930-х, когда сказались последствия голода 1932–1933 годов.

Впервые на основании рассекреченных данных установлено, что из 71 района БССР в 1933 г. смертность превысила рождаемость только в Ельском районе на 184 человека, в Наровлянском – на 44, в г. Витебске и пригородах (пригороды указаны в документе) – на 649, в г. Гомеле и пригородах – на 896 человек. В целом по среднестатистическому показателю по БССР смертность не превысила рождаемость ни среди населения сельской местности, ни среди горожан. Более высокой она была в городских поселениях. Барачные условия жизни, перемещения населения, распространение инфекционных

заболеваний и др. В 1933 г. в городах родилось 18 986 лиц обоего пола, а умерло 17 636, в том числе в г. Минске и пригородах соответственно 5 205 и 4 043. Среди сельских жителей эти показатели составили 104 919 и 49 337 человек. На детскую смертность приходилось в городах 12,7%, а на селе – 17,7% [5, лл. 66-70]. По показателям детской смертности (при сокращении рождаемости) Полесская область в 1939 г. была самой неблагоприятной в БССР [8, лл. 117,125].

Проблема смертности в БССР в 1930-е годы требует скрупулезного изучения с привлечением различных источников. На наш взгляд, не всю смертность следует связывать с голодными годами. Автор продолжает разработку демографических процессов в БССР, которые произошли в этот период.

Значительными были достижения в повышении грамотности и образования, но в абсолютном большинстве районов Полесской области эти показатели были ниже среднереспубликанских. Особенно низким уровень грамотности и образования был у женщин, проживавших в сельской местности и, прежде всего белорусок. Перепись зафиксировала 44,9% грамотных женщин села в возрасте 20–49 лет и только 6,2% (5% белорусок) грамотных старше 50 лет. В общей численности эти две возрастные группы насчитывали около 108 000 неграмотных женщин [4, лл. 3, 8]. Из пяти наиболее численно представленных национальностей Полесской области у белорусов был самый низкий уровень грамотности и образования, что хорошо видно по данным таблицы 2 [4, лл. 9–11].

Таблица 2. – Грамотность и образование основных национальностей Полесской области (1939 г., %).

Основные национальности	Грамотность		Образование на 1 000 человек	
	9 лет и старше	20-49 лет	Среднее	Высшее
Белорусы	68,8	65,3	33,4	1,2
Русские	93,4	96,3	238,9	15,3
Украинцы	78,3	82,0	101,9	4,9
Евреи	90,7	95,0	140,6	9,7
Поляки	75,3	77,2	48,3	1,6

В г. Мозыре мужчин с высшим образованием насчитывалось 144 человека, а женщин – 91 человек. Среднее образование (от семи классов и включая незаконченное высшее по принятым критериям того времени) было соответственно – 1 553 и 1 730 человек. В 8–10 классах училось 135 юношей и 179 девушек [4, л. 39].

При рассмотрении обозначенной проблемы представляется необходимым выделить такую возрастную группу, как дети, подростки и молодежь от 0 – 19 лет. Это огромный демографический потенциал любой нации. В составе населения БССР они занимали значительную долю – 47,3%, а в составе населения Полесской области на них приходилось

49,2 % [3, л. 5]. Из таблицы 3 видно [6, л. 11], что в абсолютном большинстве это дети и учащиеся семей колхозников, которые являлись большинством занятого населения области.

Таблица 3. – Распределение иждивенцев детей и учащихся по общественным группам в составе населения Полесской области в 1939 г. (абс.)

Общественные группы	Число лиц по возрастам				Всего в общественной в группе
	До 7 лет	8–11 лет	12–14 лет	15–19 лет	
Рабочие	18 503	8 352	6 089	2 829	96 097
Служащие	15 317	5 307	3 698	2 354	70 834
Колхозники	89 892	48 743	33 656	10 373	427 786
Кооп. кустари	2 260	1 212	1 041	617	12 079
Некооп. кустари	938	622	537	295	5 809
Единоличники	9 571	7 366	6 069	1 801	58 843

Данные таблицы 4 [6, л. 11–13] свидетельствуют, что доля детей и молодежи в возрасте 7–19 лет, имеющих занятия, была выше в Полесской области. Есть основание считать, что население здесь имело более низкий уровень материального благосостояния, т.к. область в республике была более отсталой в экономическом и культурном плане. Это вынуждало определенные группы детей и подростков рано начинать трудовую деятельность. Особенно это для детей колхозников и единоличников (см. таблицу 4).

Таблица 4. – Распределение занятого населения Полесской области по возрасту в 1939 г. (%)

Занятия	7-14 лет	15-19	20-29	30-39	40-49	50-59	Более 60	Всего
Рабочие	1,08	12,14	47,19	18,39	9,98	6,44	4,79	100,00
Служащие	0,06	12,47	49,98	23,73	9,20	3,33	1,23	100,00
Колхозники	2,01	13,19	26,83	24,84	14,92	9,63	8,58	100,00
Кооп. кустари	0,78	16,46	27,97	23,08	17,02	9,34	5,34	100,00
Некооп. кустари	0,23	4,74	14,50	20,46	18,27	15,43	26,36	100,00
Единоличники	2,15	13,61	12,81	17,09	18,33	15,17	20,85	100,00
Всего занятых	1,69	13,01	30,39	23,06	14,08	9,16	8,61	100,00

В среднем более половины занятых трудовой деятельностью составляли лица в возрасте 20–39 лет. Среди рабочих их было 64–65%, а среди служащих – около 75%. Они получили образование и прошли профессиональную подготовку в условиях советской мобилизационной модернизации экономики. Около 60% некооперированных кустарей и 55% единоличников представляли лица старше 40 лет, что свидетельствует о непрестижности данным родом деятельности у молодежи.

Представленные в таблице 5 [7, лл. 198–242] данные наглядно отражают долю занятости в разных отраслях народного хозяйства как белорусов, так и представителей других национальностей области.

Таблица 5. – Национальный состав занятого населения Полесской области в 1939 г. (%)

Националь-ности	Пол	Лесное хозяйство	Сельское хозяйство	Промышленность	Строительство	Транспорт и связь	Торговля и общепит	Жилкомхоз	Госучреждения	Здравоохранение	Просвещение, наука, искусство, печать	Не распределено по отраслям народного хоз.	ИТОГО:
Белорусы	м	5,54	22,45	22,42	7,87	10,89	7,04	1,74	13,66	1,74	4,10	2,56	100,00
	ж	1,38	28,44	19,92	1,62	4,68	8,11	2,59	6,78	9,46	9,05	7,98	100,00
Русские	м	1,97	1,63	4,41	2,45	4,53	1,85	0,26	6,64	0,63	1,41	74,22	100,00
	ж	3,25	9,00	18,00	1,75	7,25	10,00	1,75	11,50	16,50	13,50	7,00	100,00
Украин-цы	м	2,53	5,16	13,88	5,72	10,23	4,78	1,13	8,35	1,31	1,97	44,93	100,00
	ж	0,70	7,04	25,35	1,06	8,45	10,56	4,93	5,28	15,85	13,73	7,04	100,00
Евреи	м	3,99	3,90	37,25	7,57	5,08	21,88	3,08	9,97	1,44	4,49	1,35	100,00
	ж	2,13	3,87	25,93	0,63	4,31	18,89	2,96	16,48	7,51	15,89	1,38	100,00
Поляки	м	6,93	14,52	30,36	9,24	8,91	7,59	1,65	7,92	3,63	8,25	0,99	100,00
	ж	0,65	11,76	30,07	0,65	4,90	14,38	2,61	5,56	13,73	10,46	5,23	100,00
Латыши	м	14,29	17,86	14,29	7,14	14,29	10,71	0,00	17,86	0,00	3,57	0,00	100,00
	ж	0,00	20,00	20,00	0,00	10,00	0,00	20,0	0,00	30,00	0,00	0,00	100,00
Немцы	м	10,00	14,00	64,00	2,00	6,00	12,00	2,00	2,00	0,00	4,00	4,00	100,00
	ж	0,00	5,88	20,59	0,00	0,00	11,76	11,8	0,00	29,41	14,71	5,88	100,00
Татары	м	0,00	1,56	4,69	1,56	1,56	0,00	0,00	1,56	0,00	0,00	89,06	100,00
	ж	0,00	0,00	0,00	0,00	50,00	0,00	0,00	0,00	50,00	0,00	0,00	100,00
Литовцы	м	14,29	14,29	14,29	14,29	0,00	0,00	14,3	28,57	0,00	0,00	0,00	100,00
	ж	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	100,00	0,00	0,00	100,00
Итого:	м	4,55	13,83	23,65	6,97	8,45	10,12	1,86	11,38	1,51	3,79	13,94	100,00
	ж	1,58	21,05	21,63	1,35	4,79	10,87	2,75	9,06	9,65	10,93	6,32	100,00
Сельское население													
Белорусы	м	5,45	76,26	4,47	3,67	2,55	1,66	0,15	1,45	0,22	2,21	1,91	100,00
	ж	0,18	94,77	1,35	0,23	0,37	0,44	0,11	0,18	0,53	1,37	0,47	100,00
Русские	м	0,91	6,08	1,40	3,47	0,52	0,38	0,10	0,64	0,09	0,31	86,09	100,00
	ж	0,75	75,78	4,49	2,45	1,16	3,20	0,54	0,95	2,86	4,83	2,99	100,00
Украин-	м	4,61	41,39	5,08	4,87	2,05	1,40	0,17	1,18	0,18	1,67	37,41	100,00

<i>цы</i>	ж	0,79	89,57	2,10	0,64	0,84	1,41	0,15	0,39	0,69	1,80	1,63	100,00
<i>Евреи</i>	м	7,25	18,81	22,78	3,14	3,51	18,32	1,02	5,86	0,76	6,20	12,35	100,00
	ж	1,40	36,14	14,04	0,66	2,34	8,33	0,94	5,90	4,31	24,91	1,03	100,00
<i>Поляки</i>	м	5,06	76,28	7,05	2,57	2,92	1,29	0,82	1,25	0,19	2,30	1,01	100,00
	ж	0,43	91,72	2,51	0,15	0,37	1,04	0,09	0,21	0,37	2,75	0,37	100,00
<i>Латыши</i>	м	12,58	58,94	7,95	6,62	2,65	2,65	0,00	3,31	0,00	1,32	3,97	100,00
	ж	1,40	81,12	4,20	0,00	1,40	2,80	0,00	0,00	1,40	5,59	2,10	100,00
<i>Немцы</i>	м	8,46	74,46	7,46	2,82	1,33	2,16	0,17	0,50	0,17	1,16	1,33	100,00
	ж	0,51	93,59	2,05	0,38	0,13	0,38	0,13	0,00	0,13	2,05	0,64	100,00
<i>Татары</i>	м	0,49	3,91	0,00	1,96	0,24	0,24	0,24	0,98	0,00	0,24	91,69	100,00
	ж	33,33	66,67	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	100,00
<i>Литовцы</i>	м	6,25	31,25	25,00	0,00	6,25	6,25	0,00	0,00	0,00	18,75	6,25	100,00
	ж	0,00	77,78	11,11	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	11,11	0,00	100,00
<i>Итого:</i>	м	4,99	66,42	4,56	3,68	2,35	1,79	0,17	1,42	0,21	2,05	12,36	100,00
	ж	0,22	93,92	1,52	0,27	0,41	0,56	0,12	0,23	0,58	1,62	0,54	100,00
<i>Всего</i>	м	4,94	60,32	6,77	4,06	3,06	2,76	0,37	2,58	0,36	2,26	12,55	100,00
	ж	0,31	88,90	2,91	0,34	0,71	1,27	0,30	0,84	1,20	2,26	0,94	100,00

Из таблицы 5 видно, что среди всех русских мужчин, имевших занятия, военнослужащие составляли в городах Полесской области 74%, а в сельской местности 86%. Необходимо отказаться от бытующего стереотипа, что русские в БССР были только чиновниками.

Нами установлено, что значительная гендерная диспропорция у русских, украинцев, татар, особенно в составе сельского населения (см. таблицы 1, 5), связана с наличием значительного количества мужчин-военнослужащих. Мозырский округ был создан по военностратегическим соображениям в середине 1930-х годов и ликвидирован при создании Полесской области. Численность войск в Белорусском особом военном округе (БОВО) изменилась с июля 1938 г. до 15 января 1939 г. в связи с изменением состава армейских группировок [1, с. 3]. Военные переписывались в составе постоянного населения по месту нахождения своих частей [2, с. 18], которые в основном располагались в сельской местности. Наличие военнослужащих из других национальных союзных республик, краев и областей повлияло на степень полиэтничности населения области.

В конце 1930-х годов под воздействием советской мобилизационной модернизации начался процесс изменения этносоциокультурного облика населения Полесской области. Представленные в информационных

таблицах данные о социуме позволяют сделать вывод о том, что область в целом являлись полиэтничной (как и вся БССР), с абсолютным большинством белорусов, особенно в районах с преимущественно аграрным сектором экономики. О недостаточно высоких темпах индустриального развития Полесской области свидетельствует преобладание населения, занятого в сельском и лесном хозяйстве. Это в значительной степени сдерживало процесс урбанизации, прежде всего титульного этноса, что влияло на уровень его грамотности и образования, а в целом и на социально-политическую его активность. Он был самым низким в республике. Накануне Великой Отечественной войны область имела большой демографический потенциал, значительную часть которого она потеряли в годы войны. В дислоцированных в области частях РККА проходили воинскую службу белорусы, русские, украинцы, представители других многочисленных наций и народностей СССР. Прочность братской дружбы белорусов, русских, украинцев, всего многонационального советского народа подтвердила Великая Отечественная война.

Список основных источников

1. Накануне: Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.): док. и материалы / сост.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск: НАРБ, 2007. – 662 с.
2. Подъячих, П.Г. Всесоюзная перепись населения 1939 года (методология и организация проведения переписи и разработки итогов) / П.Г. Подъячих. – М.: Госстатиздат, 1957. – 109 с.
3. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.
4. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 380.
5. Там же. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19.
6. Там же. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 552.
1. Там же. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 913.
7. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Т.1. Д.
2. Старовойтов, М.И. Население пограничной полосы БССР в 1939 году / М.И. Старовойтов // Восень 1939 года ў гістарычным лесе Беларусі: матэр. Міжнар. навук.-практ. канф. Мінск, 24 верас. 2009 г. / рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навук, 2010. – С. 206-216

ЕВРЕИ В ТУРОВЕ КАК МОДЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ БЕЛАРУСИ

М.В. Стрелец, О.А. Обуховская
УО БрГТУ

История евреев Беларуси насчитывает свыше шести веков. Какой след оставили евреи в истории Беларуси? Каким было сосуществование евреев и белорусов? Как выдерживались стандарты в государственной политике по отношению к евреям? Удалось ли сохранить евреям свою религию и традицию в Северо-Западном крае Российской империи, а затем в советской Белоруссии? Через какие испытания прошли белорусские евреи?

Ответы на эти вопросы ищут краеведы и историки, публицисты и журналисты, художники и писатели. У каждого из них свой подход и задачи, свои приемы и методы. Их отличает не только угол зрения в освещении этой проблемы, но и подготовка, накопленный опыт и намерения. Вот почему тема, над которой трудятся многие авторы, до сих пор не до конца раскрыта. Поле деятельности в белорусской иудаике остается необозримо широким.

В этой связи привлекает внимание исследование израильского историка Леонида Смиловицкого, посвященное одному из краеугольных мест в белорусской истории – Турову и его жителям. Однако, в отличие от своих предшественников, автор не останавливается повествование событиями XI–XII вв., когда распалось Туровское княжество, а доводит его почти до наших дней.

Леонид Львович Смиловицкий до репатриации в Израиль – доцент кафедры истории СССР, БССР и зарубежных стран в Минском институте культуры. С 1995 г. по настоящее время он старший научный сотрудник в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете, сотрудничает с фондом Стивена Спилберга в Лос-Анджелесе, Институтом еврейской политики в Лондоне, Институтом изучения Холокоста в Вашингтоне, редакцией Краткой еврейской энциклопедии в Иерусалиме; изучает историю евреев Беларуси XX века, публикуется на иврите, английском, русском и белорусском языках в Израиле, Великобритании, США, Франции, России и Белоруссии. Автор книг «Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905-1953 гг.» (Минск 1999 г.), «Катастрофа евреев в Белоруссии» (Тель-Авив, 2000 г.), «Евреи в Турове. История местечка Мозырского уезда» (Иерусалим 2008 г.); «Jewish Life in Belorussia During the final Decade of the Stalin Regime 1944–1953», Central European University Press (CEU Press) – Budapest – New York, 2014; «Цензура в БССР: послевоенные годы» (Иерусалим 2015 г.).

Настоящее исследование, посвященное еврейскому местечку в Мозырском Полесье на примере Турова, выполнено в рамках региональной истории, уделяющей главное внимание жизни провинции и «маленькому человеку» с его заботами и трудностями, радостями и достижениями. Такой подход позволил автору сопоставить события прошлого на уровне местечка, уезда и губернии, района, округа и области в общегосударственном и национальном контекстах, показать, как политика из центра воспринималась на местах и претворялась на практике [1, с. 11].

Учёный демонстрирует диалектическое единство общего и особенного в процессе освещения событий из жизни еврейской общины. Хронологические рамки исследования охватывают время с 1860 до 1960-х гг., в течение которого произошли становление, расцвет и угасание общины. Все события поданы в контексте общей истории Российской империи и

пришедшего ей на смену Советского Союза, неотъемлемой частью которых была Белоруссия [1, с. 11]. Автор собрал и проанализировал многочисленные и разнообразные источники, большинство документальных сведений приводятся впервые. Основная часть была выявлена в архивах, среди которых семь белорусских, семь российских, один украинский, четыре израильских и два американских. Представленные уникальные данные о противоборстве большевиков с сионистскими группами и левыми коммунистическими движениями, разгроме еврейской религиозной жизни, сталинских чистках и репрессиях в Турове и Мозырском округе почерпнуты в Центральном архиве КГБ Республики Беларусь в Минске и архиве управления КГБ по Гомельской области [1, с. 12].

История Турова представляет несомненный интерес при выявлении взаимоотношений между титульным этносом и евреями. Долгие годы совместного проживания заставили евреев и белорусов приспособляться друг к другу и воспринимать то лучшее, что их взаимно обогатило. Разительные отличия в быту, языке, религии, в подходе к восприятию мира и решению жизненно важных задач, определявших их поведение, не помешали с уважением относиться к народному наследию, накопленному в течение столетий [1, с. 71].

Автор не ставит знак равенства между массовым общественным сознанием и позицией властных структур в их отношении к евреям, их истории, культуре и традиции. Как до, так и после революции 1917 г., власти использовали умения, навыки, знания евреев, однако, при всяком удобном случае манипулировали общественным сознанием, внушая обывателю, что именно в евреях кроется главная причина всех насущных проблем. При этом автору удалось выявить как сходство, так и различие в государственном антисемитизме в царской России и СССР.

Быстрое развитие капиталистических отношений после отмены крепостного права и событий 1863 г. выдвинуло евреев на передние позиции в крае. Будучи всегда лично свободными людьми, они смогли быстро собрать первоначальный капитал и проявить экономическую активность. Все первые мануфактуры, паровые мельницы, переправы через реки, кирпичные и смолокурные предприятия в Мозырском уезде в XIX веке принадлежали евреям [1, с. 40]. Евреи сыграли важную роль не только в развитии товарно-денежных отношений, ремесел, но и медицины, образования, науки, военного дела. Их заслуги как людей знающих и преданных своему делу часто сводили на нет многие официальные ограничения на местах. Это создавало атмосферу межнационального доверия и взаимопомощи, что благотворно влияло на добрососедское сосуществование двух народов [1, с. 191].

Евреи многократно доказывали свой патриотизм. В годы первой мировой войны процент евреев в армии был выше, чем в составе населения

империи в целом. В 1914 г. в российской армии насчитывалось 400 тысяч евреев, а к концу 1916 г. их количество возросло до 500 тысяч. Выпускники гимназий и университетов, освобождённые от призыва, пошли на фронт добровольцами. В армии служило много евреев-врачей, а некоторых произвели в офицеры, тысячи евреев были награждены за участие в войне, а некоторые стали полными Георгиевскими кавалерами [1, с. 168].

Очень трогательно и с большим знанием написана глава «Гибель общины», в которой раскрывается трагедия Катастрофы восточноевропейского еврейства на примере Мозырского Полесья. 218 евреев, уроженцев Турова и Туровского района, стали участниками Великой Отечественной войны [1, с. 711–724]. Среди них многие были удостоены правительственных наград, а Владимир Хаимович Гоникман был представлен к званию Героя Советского Союза за операцию при форсировании Одера (январь 1945 г.) [1, с. 714]. Среди евреев Турова были и те, кто стоял у истоков партизанского движения в Беларуси и среди них – организатор Туровского партизанского отряда Гирш Лейбович Дворкин [1, с. 716].

В двадцатые годы прошлого века Мозырский округ считался наиболее подверженным сионистскому влиянию в республике [1, с. 292]. С началом НЭПа сионистские группы в Турове обрели второе дыхание. Это были отделения Поалей Цион, ha-Шомер, ha-цаир и ha-Цофим. Наиболее активных сионистов возглавлял Глеберзон [1, с. 300].

В годы немецкой оккупации от рук нацистов в Турове погибло около 700 чел. [1, с. 639]. Конечно, большинство из них составили евреи, которые не подозревали о грозившей им опасности от рук нацистов. Как это объяснить? Высшее советское руководство опасалось, что специальные мероприятия по спасению еврейского населения, во-первых, подтвердят тезис нацистской пропаганды о господстве в СССР «евреев и комиссаров», во-вторых, вступят в противоречие с декларациями о равноправии и дружбе всех народов страны, в-третьих, приведут к межнациональным трениям и раздорам, а также помешают мобилизовать население на отпор врагу в тылу и, тем самым, снизят боеспособность Красной Армии. Если бы не проводилась такая политика, то можно было бы избежать колоссальных масштабов Катастрофы советского еврейства [1, с. 603–604]. Да и после окончания войны политика Сталина в отношении евреев не изменилась. И все это как в капле воды нашло отражение на примере одного отдельно взятого еврейского местечка в Беларуси.

На судьбах туровских евреев отразились и последствия сфабрикованного «дела врачей». В 1953 году были сняты с руководящей работы в Туровском районе Сергей Исаакович Гительман, Евсей Абрамович Лельчук, Соня Лазаревна Храпунская [1, с. 713–714]. Многие евреи могли сделать внушительную карьеру, однако в условиях

государственного антисемитизма они были лишены возможности проявить себя в полной мере. Наум Перкин стал доктором филологических наук, профессором [1, с. 607]. Лев Гоберман – генерал-майором ветеринарной службы, заместителем начальника Ветеринарного управления Советской Армии [1, с. 608], Беез Маркович Рехтман – полковник медицинской службы, доктором медицинских наук, профессором [1, с. 609].

Большую смысловую нагрузку несут уникальные списки бывших жителей Турова. В них как в капле воды отразилось Время, События, Люди и сама Эпоха. Ограничимся здесь только перечислением собранных автором сведений: список евреев Турова, участвовавших в выборах в Российскую Государственную думу по Мозырскому уезду Минской губернии в 1907 г.; Список учащихся еврейской начальной школы Турова на 1 сентября 1920 г.; Список жителей Турова, пострадавших от погрома Булак-Балаховича в 1921 г.; Список торговцев и кустарей Туровской волости, не имевших наемных работников, на 24 декабря 1921 г.; Список членов Туровской добровольной пожарной дружины на 1924 г.; Жители Турова и Туровского района – участники Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.); Жители Турова, погибшие от рук нацистов и их пособников в 1941–1942 гг.; Евреи, проживавшие в Турове после 1945 г. [1, с. 700–733].

Монография прекрасно издана и богато иллюстрирована. Текст сопровождают хорошо организованные справочные материалы: словарь терминов и понятий [1, с. 742–752], словарь сокращений [1, с. 753–754], именной указатель [1, с. 771–792] и географический [793–799] указатели.

Давая в целом позитивную оценку книге израильского учёного, следует сказать и о тех моментах, которые вызывают несогласие рецензентов.

Автор неоднократно отождествляет Речь Посполитую обоих народов и Польшу [1, с. 35, 36]. В названии этого государства под обоими народами подразумевались Великое княжество Литовское, Русское, Жамойтское и Корона Польская. Третья глава (1, с. 594–660) носит название «Советско-германская война». Такое заглавие применительно к войне 1941–1945 гг. некорректно. Уже летом 1941 года на советской территории советским войскам противостояли 600 тыс. вооружённых румын, финнов, венгров, словаков, три итальянские дивизии, испанская «Голубая дивизия». С лета 1941 по сентябрь 1944 гг. официально в состоянии войны находились СССР и Болгария. Общеизвестно, что война 1941–1945 гг. была Великой Отечественной войной всех советских народов за свободу и независимость своей Родины.

Встречаются и досадные опечатки. Ну, например, Первая мировая война началась 1 августа 1914 года, а не 1 июля, как это приводится в книге [1, с. 168]. Пакт о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 г. был подписан Молотовым и Риббентропом в Москве, а не в Берлине (с. 628)

и некоторые другие. К счастью, таких обидных неточностей в книге немного. И их можно извинить, если принять во внимание, образно говоря, «глыбу», которую удалось сдвинуть Л.Л. Смиловицкому в освещении проблемы, на которую он осмелился покуситься. Работа автора является примером научного подхода в освещении такой обширной и глубокой темы, как жизнь белорусского еврейства за несколько столетий в рамках Российской империи и Советского Союза. Фактически автор предложил модель по изучению отечественной истории на примере одного отдельно взятого региона Беларуси. Книга уже востребована, к ней обращаются сегодня и будут еще долго обращаться историки-профессионалы и любители, преподаватели, студенты, магистранты, аспиранты, краеведы, все, кто интересуется историей Беларуси.

Список основных источников

1. Леонид Смиловицкий. Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья / Л. Смиловицкий. – Иерусалим, 2008. – 848 с.: ил. ISBN 978-965-555-352-9

ЖИТЬ И ПОМНИТЬ О ЗАЩИТНИКАХ ОТЕЧЕСТВА

А.В. Шарков

Академия МВД Республики Беларусь

Память о прошлом... Нет, это не просто свойство человеческого сознания, его способность сохранять следы минувшего. Память – это связующее звено между прошлым и будущим. Память не нейтральна, не пассивна. Она учит и призывает, убеждает и предостерегает, даёт силы и внушает веру. Из памяти народной мы черпаем силы для новых свершений, она вдохновляет на труд и на подвиг. Вот почему наш народ так благоговейно чтит память о подвигах тех, кто не жалел ни сил, ни самой жизни в борьбе за светлый грядущий день Отчизны. И чем меньше остаётся живых свидетелей прошлого, тем больше становится наша всенародная забота о его сохранении в вечной памяти благодарных потомков.

Книга «Жить и помнить», посвящённая 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – первый результат реализации уникального проекта, осуществляемого под эгидой Всехсвятского прихода города Минска с благословения его настоятеля протоиерея Федора Повного. Идея проекта в том, чтобы собрать материал о воинах, наших соотечественниках, погибших за пределами Родины, и не только в годы Второй мировой...

Проектом предусмотрено посещение мест боев, поиск воинских захоронений, их изучение, фотографирование, видеозапись и взятие земли с мест погребения с целью помещения её в Крипте православного Храма-Памятника в честь Всех Святых и в память о жертвах, спасению Отечества нашего послуживших в городе Минске. Воссоздание памяти павших в Крипте не только сохранит и увековечит для потомков славу защитников

Отечества, но и позволит родным и близким, не совершая далёкую поездку на чужбину к местам погребений, что, ввиду различных обстоятельств, не каждому под силу, прикоснуться к святыне-земле и помолиться об упокоении душ погибших. Не менее важной является и информация о месте захоронения, его состоянии. Каждый живущий имеет право знать, где захоронен его погибший родственник и где выбито на камне его имя.

Результаты реализации проекта найдут отражение в серии изданий о местах захоронений наших воинов за рубежом. Первая экспедиция по местам боев и гибели советских воинов в годы Второй мировой войны прошла по регионам Германии, Австрии, Венгрии, Польши, Чехии с которыми налажен должный контакт и где нам пошли на встречу и оказали содействие в реализации проекта. В результате были посещены только некоторые памятные места, но вместе с тем представляющие все категории жертв той войны, нашедших упокоение в немецкой, австрийской, венгерской, польской и чешской земле. Это могилы военнослужащих Советской Армии, погибших в боях или отдавших жизнь во имя службы для сохранения мира; военнопленных, замученных в нацистских концлагерях; советских граждан – принудительных рабочих, умерших от непосильного труда, и несовершеннолетних узников.

Далее последуют экспедиции в другие регионы выше названных государств, иные европейские страны, да и не только, поскольку советские захоронения времён Второй мировой войны находятся на территориях 49 держав. С некоторыми из них: Германией, Австрией, Венгрией, Испанией, Монголией, Польшей, Румынией, Словакией, Финляндией, Чехией, Японией, с одной стороны и Российской Федерацией, с другой – подписаны соглашения о взаимном поддержании воинских кладбищ и мемориалов в надлежащем состоянии. В этом направлении следует и Беларусь. Так, межправительственное соглашение «Об уходе за военными могилами» в 1996 г. было подписано между Федеративной Республикой Германии и Республикой Беларусь, которое, кстати, до сих пор не ратифицировано. Ранее Республикой Беларусь были подписаны аналогичные соглашения с Италией и Польшей. Они действуют без ратификации. Эти соглашения включают в себя исследование архивных документов, раскрывающих судьбы военнослужащих, погибших на полях сражений или умерших в плену, перезахоронение останков, уход за военными кладбищами.

Европа обязана своим освобождением от нацизма героическим Советским Вооруженным Силам, которые приступили к освобождению народов зарубежных стран весной 1944 г., когда они вышли на государственную границу СССР и вступили в конце марта на территорию Румынии. В заявлении Советского правительства от 2 апреля 1944 г. в связи с этим событием были изложены цели Советской Армии. В нем указывалось, что Советское правительство не преследует цели

приобретения какой-либо части румынской территории, и вступление в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника.

В целях разгрома оккупантов и освобождения от германского нацизма стран Европы Советские Вооруженные Силы в 1944–1945 гг. провели крупные наступательные операции: Яско-Кишиневскую, Львовско-Сандомирскую, Будапештскую, Белградскую, Висло-Одерскую, Венскую, Берлинскую, Пражскую и др. В них участвовало 11 фронтовых объединений, 2 фронта ПВО, 4 флота, 50 общевойсковых, 6 танковых, 13 воздушных армий, 3 армии ПВО и 3 военных флотилии. Около 8 млн. советских воинов более года вели ожесточенные сражения с врагом на территории 10 стран Европы, охватывающей около 2,2 млн кв. км. Была освобождена полностью или частично территория Румынии, Польши, Болгарии, Югославии (восточные районы), Чехословакии, Венгрии, Австрии, Германии (восточные районы). Были освобождены крупные европейские столицы – Бухарест, Белград, Будапешт, Варшава, Вена, Прага, София, Берлин.

Осуществляя освободительную миссию, свыше 1 млн советских воинов погибли в жестоких боях на полях Европы [1]. Воинские могилы, а вернее сказать кладбища, героев густо рассеяны от Буга на запад по европейским государствам и свидетельствует об огромной крови, которую советские люди, одетые в военные шинели, пролили за спасение европейских народов от гитлеровского уничтожения.

Наибольшее количество воинских захоронений находится на территории Германии, где в общей сложности, по данным Народного Союза Германии по уходу за военными могилами, учтено и находится под постоянным государственным покровительством 3 600 воинских захоронений, на которых погребены около 760 тысяч граждан бывшего СССР.

Свыше 600 тысяч советских военнослужащих погибло в кровопролитных сражениях на территории Польши. Могилы этих солдат усеяли поля былых сражений от западных границ Советского Союза до Одры, от Карпат до Балтийского моря. Всего на территории Польши учтено 644 (по иным данным – 648) советских воинских захоронений периода Второй мировой войны, на которых захоронены свыше 1,3 млн советских граждан, в том числе военнопленных. Из указанной численности воинских захоронений – 618 прошли паспортизацию. Массовое перезахоронение останков погибших воинов было произведено в 1950–1958 годах. В Польше захоронениями занимаются: Совет памяти борьбы и мученичества; Польский Красный Крест. Эти структуры следят за состоянием памятников и захоронений и осуществляют работу по их уходу.

В Венгрии на сегодня известно 1032 захоронения периода Второй мировой войны, на которых захоронено 112 625 человек, без малого

половина в Будапеште. Погибших хоронили в сквериках в центре города. В конце 80-х гг. на многих улицах и площадях Будапешта на местах таких захоронений ещё стояли памятники и стелы в честь советских солдат.

В начале 90-х гг., когда из Венгрии ушли части Южной группы советских войск, многое переменялось. Часть памятников, в основном бронзовых скульптур, по инициативе новых властей переместили в Парк монументов под Будапештом, основанный в 1991 г. Захоронениями занимаются: Военно-мемориальный департамент Министерства обороны Венгрии, Венгерский Красный Крест.

Более 70 000 советских людей нашли упокоеие в земле Австрии. Из них 26 000 солдаты и офицеры Советской Армии, погибшие в ходе действий на территории Австрии. Число советских военнопленных, принудительных рабочих и интернированных, похороненных в Австрии, составляет 44 000 человек. Эти жертвы войны похоронены в 216 захоронениях по всей Австрии, во всех федеральных землях. Уход за захоронениями осуществляется в первую очередь Австрийским Черным Крестом, общественной организацией с большим количеством добровольных помощников, Министерство Внутренних дел, местные власти.

На территории Словакии погибло около 60 тысяч советских военнослужащих, которые нашли упокоеие в 12 больших мемориалах и малых захоронениях. Захоронениями занимаются: Министерство внутренних дел, Словацкий Красный Крест.

На территории Чехии приблизительно в 1000 воинских захоронений, в шести из которых погребено более чем по 500 человек, покоится около 80 тысяч советских граждан, из них 50–55 тысяч военнослужащих Советской Армии, а также военнопленные и перемещённые лица. Каталогизация захоронений ещё не завершена. Захоронениями занимаются: Министерство обороны, Чешский Красный Крест.

Всего в Румынии имеется около 260 воинских захоронений Второй мировой войны, на которых похоронено приблизительно 56 тысяч советских граждан, из них более 25 известны. Захоронениями занимаются: Национальное бюро по увековечению героев, Румынский Красный Крест.

В Нидерландах захоронено 865 советских солдат. Советское Поле Славы (Russisch Ereveld) – так называют это уникальное захоронение на территории г. Леусден (Leusden).

Память о погибших советских воинах в годы Второй мировой войны почитается и в странах северной Европы – Норвегии и Финляндии. В Норвегии находилось 93 318 советских военнопленных, содержащихся в концлагерях, распределённых по всей стране. 13 тыс. человек умерли от голода, холода и рабского труда. Весной 1951 года большинство захоронений от Киркенеса до Бреннейсунна были перенесены в одну братскую могилу на остров Хьетта. На этом месте установлен обелиск и

разбит парк. Из 7 551 человека, захороненного в братской могиле, имена известны только в отношении 823 [2].

Из 64 тыс. военнопленных, томившихся в концлагерях на территории Финляндии, почти треть нашла упокоение в финской земле. По данным белорусского военного историка А.М. Литвина, на советско-финляндском фронте в 1939–1940 гг. погибло 9 506 уроженцев Беларуси [3].

Несмотря на 70 лет, прошедшие с того памятного дня, когда праздничный салют Победы взметнулся в уже мирное небо над страной, мы по-прежнему в долгу перед этими людьми, перед памятью павших и ушедших от нас героев. На их смену пришли новые поколения, те, кто, к счастью, не знает войны, но поведать об этом, напомнить о неисчислимых жертвах, принесенных войной – наш святой долг.

Список основных источников

1. Великая Отечественная война, 1941-1945: Словарь-справочник / Н.Г. Андроников, А.С. Галицин, М.М. Кирьян и др.; под общ. ред. М.М. Кирьяна. – М., 1985. – С. 322.
2. Шарков, А.В. Жить и помнить: Советские воинские захоронения в Европе / А.В. Шарков, Е.И. Хорошевич. – Минск, 2015. – Книга 1. – С. 7–9; 186; 215; 258; 280; 292.
3. Литвин, А.М. На той войне незначительной: советско-финляндская война и Беларусь (1939–1940 гг.) / А.М. Литвин. – Минск, 2010. – С. 95.

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

Т.А. Юрис
УО БТЭУПК

2016 год в Беларуси объявлен Годом культуры. Роль культуры в обществе емко охарактеризовал Президент А.Г. Лукашенко во время вручения премий «За духовное возрождение» 12 января 2016 г.: «Культура – это фундамент, на котором развивается любая нация, определяются ее жизнеспособность, творческий потенциал. Она лежит в основе идеологии государства, указывает те направления и цели, на которые должно ориентироваться общество» [1, с. 2].

Постановлением Правительства утвержден Республиканский план мероприятий по проведению Года культуры, который включает более 120 мероприятий, направленных на развитие политической, правовой, экономической, производственной и экологической культуры, художественного творчества, здорового образа жизни, быта, семейных и человеческих отношений. Министр культуры Б. Светлов в докладе «Об итогах деятельности в 2015 году и проблемах развития сферы культуры в 2016 году» (в контексте регионов) на заседании итоговой коллегии Министерства культуры Республики Беларусь 5 февраля 2016 г. заявил: «Мы должны использовать мероприятия Года культуры для решения наиважнейшей идеологической, политической задачи укрепления культурной безопасности страны путем формирования патриотического

самосознания на материале отечественной истории и искусства. Потому что культура – это система безопасности как каждого отдельного человека, гражданина, так и страны в целом. Эта система создавалась в течение тысячелетий. Поэтому наша первоочередная задача – возродить, отреставрировать, отремонтировать, сблечь и передать наследникам наши историко-культурные ценности, наши памятники материальной и нематериальной культуры» [2, с.5].

Вопросам финансирования сферы культуры государством уделяется постоянное внимание. Объем бюджетных средств на содержание и развитие сферы культуры в 2015 году составил около 3,5 триллиона рублей, или около 0,4 % от валового внутреннего продукта. В знаковый для культуры год Правительство будет стремиться сохранить финансирование отрасли на уровне 0,5 % от ВВП, по заявлению вице-премьера Н. Качановой [3, с.2].

Государство является надёжным гарантом развития культуры и с точки зрения поддержки творческих инициатив, и их материального обеспечения (расходы по зарплате, коммунальным платежам, ремонту и т.п.), так как истеблишмент хорошо понимает, что вложения в культуру выгодны, в том числе, потому что имеют экономический эффект. И хотя отдачу от культуры подсчитать непросто, но есть мировые методики расчета полезности культурных учреждений и событий, включающие оценку налоговых поступлений, количества приезжающих гостей, которые размещаются в гостиницах, и прочее.

Отечественная сфера культуры в настоящее время вынуждена подстраиваться под особенности рыночного мироустройства и активно учиться зарабатывать, увеличивать собственные доходы. В 2015 году средства, полученные от внебюджетной деятельности организаций, составили более 1,2 миллиарда рублей, что на 12,5 % больше, чем в 2014 году. Всем подчиненным Министерству культуры организациям установлены показатели по выполнению заданий на 2016 год, в том числе связанные с увеличением до 18 % объемов внебюджетных доходов организаций. Их достижение станет основным критерием оценки эффективности деятельности руководителей, отметил министр культуры Б. Светлов [2, с. 11].

Решение поставленной Министерством культуры задачи увеличения до 18% объемов внебюджетных доходов организаций осложняется тем обстоятельством, что по данным Национального статистического комитета Беларуси реальные (с учетом инфляции) доходы населения сократились в сравнении с 2014 годом на 5,9% [4]. И теперь, естественно, многие белорусы будут экономить все больше, в том числе – и на походах в театры и кинотеатры, музеи и галереи, на выставки и концерты.

Получается, что учреждения культуры в нынешних условиях должны суметь, образно говоря, проплыть между Сциллой и Харибдой, то есть стать одновременно экономически рентабельными и в то же время

привлекательными, в том числе и для социальных и возрастных групп, которые имеют привычку деньги считать. Суть проблемы: чтобы привлечь зрителя, нужно предоставить ему дешевый, а лучше – бесплатный билет, желательно с различными бонусами, а чтобы иметь прибыль, нужно цену билетов повышать.

Сделать бесплатным посещение музеев и художественных галерей, как это практикуется в некоторых сокровищницах мира, в Беларуси сегодня не представляется возможным по экономическим причинам. В США, к примеру, за посещение музеев не платят, однако в обществе развита благотворительность и считается естественным внести определенную сумму на музейное дело или поработать волонтером. Что же касается нашей страны, то, по официальным данным, белорусы в 2015 году вывезли из страны около 1 миллиарда долларов на приобретение автомобилей [5]. Для сравнения, объем спонсорской помощи учреждениям культуры в том же году составил 3,3 миллиона долларов.

Сопоставление приведенных цифр говорит о том, что для менталитета белорусских граждан характерна сосредоточенность на материальных ценностях, необходимых для решения проблем повседневной жизни, а благотворительность в сфере культуры является, скорее, инновацией, которая дает пока еще только первые заметные ростки. Спонсорство и меценатство пока не являются в Беларуси доброй традицией, статусно обязательной для каждого бизнесмена с серьезной и уважаемой репутацией. Проведенная во второй раз акция «Меценат года» в феврале 2016 года убедительно это подтвердила: в призерах и в этом году, и в прошлом – знакомые имена и лица, известные банки и предприятия, круг участников государственно-частного партнерства в сфере культуры практически не увеличился.

К тому же, благотворительная деятельность таких известных банков, организаций и предприятий, как СОАО «Коммунарка», ОАО «Белоруськалий», ЗАО «Белнефтестрах», ОАО «Газпром трансгаз Беларусь», «Белорусская железная дорога» и других, больше известна в столице и областных городах, и в гораздо меньшей степени она ощущается работниками учреждений культуры в райцентрах.

Оказание платных услуг населению является одним из основных источников внебюджетных доходов. Заработок работников сферы культуры нельзя назвать высоким – он составляет приблизительно 60% от среднего заработка по стране. Средняя заработная плата работников культуры в 2015 году равнялась 4,1 миллиона рублей. Понятно, что различные доплаты, в том числе и за счет оказания платных услуг населению, помогают некоторой части работников не только жить, но и выживать.

За последние годы учреждения культуры существенно перестроили свою деятельность и двинулись навстречу

потребителю культурного продукта, который сформирован нынешней культурой досуга и в основном требует «зрелищ», шоу. Для учреждений культуры это часто означает отказ, хотя и не совсем добровольный, от их основных функций: сбережения, изучения и приумножения культурных ценностей. По сути, это отказ от функций, по определению затратных, в пользу функции развлекательной как приносящей прибыль. И чтобы привлечь в свои стены достаточно инертную в культурном отношении отечественную публику, учреждениям культуры приходится осваивать новую роль – быть местом проведения досуга, трансформироваться в развлекательные центры, подстраиваясь под вкусы масс.

О своевременной и успешной реорганизации деятельности определенной части учреждений культуры с учетом интересов и вкусов публики свидетельствуют некоторые показатели, приведенные в справочнике «Беларусь в цифрах» на сайте Национального статистического комитета [6]. К примеру, в 2000 году музеи посетили 3 миллиона 800 тысяч человек, а в 2015 – более 6 миллионов человек. Причем, количество музеев за это время увеличилось не так значительно: со 134 до 157 единиц. Приведенные цифры означают эффективное использование музейщиками своего творческого потенциала, успешную работу с посетителями, хороший маркетинг, рекламу и пользу от проведения разнообразных музейных акций типа Дня открытых дверей или Ночи музеев.

В библиотечной сфере положение не столь оптимистично – количество пользователей библиотек неуклонно снижается. Если в 2000 году услугами библиотек воспользовались примерно 4 миллиона 500 тысяч человек, то в 2015 году – только 3 миллиона 250 тысяч человек. Отрицательная динамика объясняется, во-первых, снижением интереса к книге, распространением компьютерных технологий, которые позволяют читателям использовать все больше материалов в Интернете, во-вторых, проведенной в последние годы оптимизацией сети библиотечных учреждений, особенно в сельской местности. К примеру, если в 2010 году в Беларуси действовало 3 тысячи 849 публичных библиотек, то в конце 2015 года – уже только 2 тысячи 893.

Театр также теряет популярность. В 2000 году театры посетили 2 047 тысяч человек, в 2015 году – 1 792 тысячи человек. Причем, в отличие от библиотек количество театров за очерченный период времени осталось практически неизменным: в 2000 году в стране было 27 профессиональных театров, в 2015 году их стало 28.

Значительно снизились в последние годы показатели посещения кинотеатров. Если в 2010 году кинотеатры посетили 9 миллионов 441 тысяча зрителей, то в 2015 году их было 8 миллионов 125 тысяч человек. Конкуренцию государственным кинотеатрам составляют, во-первых,

Интернет, во-вторых, частные кинозалы, появившиеся в Минске и областных центрах.

Как видно, негативные показатели деятельности ряда учреждений культуры нельзя всецело отнести на счет недоработок их сотрудников. Значительную роль играют и вышеупомянутые объективные факторы социально-экономического развития: постепенный переход к рыночным отношениям, формирование философии чрезмерного прагматизма и потребления у граждан и др.

Дополнительные штрихи в оценку состояния отечественной сферы культуры и культурных запросов граждан вносят сравнительные данные Статкомитета СНГ о количестве посещений музеев, театров и кинотеатров белорусами и россиянами [7, с.11]. Число посещений музеев в год на 1000 человек составляет в России – 703 человека, в Беларуси – 643 человека; театров: в России – 255 человек, Беларуси – 649 человек; кинотеатров: в России – 448 человек, Беларуси – 990 человек. Если судить по приведенным цифрам, в целом потребность в услугах учреждений культуры и, надо полагать, готовность их оказывать, у белорусов развита несколько выше, чем у россиян. Хотя некоторые российские показатели могут быть ориентиром для деятельности белорусских учреждений культуры.

Таким образом, проблем в отечественной сфере культуры достаточно, но одновременно есть воля и желание эти проблемы решать.

Список основных источников

1. Большой смотр талантов // Советская Белоруссия. – 2016. – 13 янв.
2. Канцэпт для імпульсу // Культура. – 2016. – 13 лют.
3. Задачи года // Культура. – 2016. – 20 лют.
4. Реальные денежные доходы граждан за 2015 год упали почти на 6% // Sputnik Беларусь [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://sputnik.by/economy/20160217/1020220954.html>. – Дата доступа: 17.03.2016.
5. Белорусы в 2015 году потратили на покупку автомобилей за рубежом около \$1 млрд // Белта [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.belta.by/economics/view/belorusy-v-2015-godu-potratili-na-pokupku-avtomobilej-za-rubezhom-okolo-1-mlrd-182087-2016/>. – Дата доступа: 17.03.2016.
6. Основные показатели деятельности организаций культуры // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/kult/godovye-dannye_15/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti-organizatsii-k_2/. – Дата доступа: 1.05.2016.
7. Кто работает стиральной машиной? // Союз. Беларусь – Россия. – 2016. – 21 апр.

ГОРАД МАЗЫР У СЯРЭДЗІНЕ 1920-х ГАДОЎ

С.А. Юрыс (Гомель)

УА ГДТУ імя П.В. Сухого

У 1924 г. Мазыр стаў цэнтрам акругі, а па тэрыторыі Мазырская акруга атрымалася самай буйной у БССР. Яе плошча складала 16,3 тысячы 65А. кіламетраў, па колькасці насельніцтва яна займала перадапошніяе 9 месца. Паводле Усесаюзнага перапісу насельніцтва 1926 г., у акрузе пражывала 330 024 чалавекі, з якіх 84% складалі беларусы [2, с.112].

Што тычыцца самога г. Мазыра, то на 1 кастрычніка 1926 г. у горадзе налічваўся 9321 жыхар, у тым ліку 4452 мужчыны і 4869 жанчын. У сярэдзіне 1920-х гадоў у горадзе існавала 17 вуліц: Ленінская (б. Пакроўская), Новае Страенне, Свідоўка, Розы Люксембург (б. Слуцкая), Слуцкая Набярэжная, вул. Лекнерта (б. Мікалаеўская), Аляксандраўская, Камсамольская (б. Замкавая), Гара Камунараў (б. Спаска-Замкавая), Спаская, Карла Лібкнехта (б. Кіеўская), Жытомірская, Кіеўская Набярэжная, вул. Калініна (б. Калінік), Нагорная, 1-я Пралетарская (б. Папоўшчына), 2-я Пралетарская (б. Пятніцкая), вул. Доктара Саэта (б. Рымашоў Рог). Таксама было 5 завулкаў: Гімназічны, Камсамольскі (б. Свята-Міхайлаўская вул.), Лекерта (Мала-Мікалаеўская), Кіеўскі, Прыразны. У горадзе была адна плошча, якая называлася “Плошча свабоды” (б. Базарная). Шэсць вуліц Мазыра, плошча Свабоды і адзін завулак былі брукаваныя. Гарадское асвятленне уключала 24 ліхтары. Гарадскога транспарту для перавозкі пасажыраў не існавала, у горадзе не было ні конкі, ні аўтобусаў, ні трамваяў [2, с. 112, 113].

Нягледзячы на складаныя ўмовы, выкліканыя падзеямі грамадзянскай вайны, жыццё працягвалася, што адлюстроўвалася ў росце насельніцтва Мазырскай акругі. За 1924 год тут нарадзілася 14256 чалавек, памерла 4858, было зарэгістравана 2912 шлюбаў і 257 разводаў [3, а.36].

У сярэдзіне 1920-х гадоў у горадзе налічвалася 1500 будынкаў. У асноўным гэта былі аднапавярховыя драўляныя жылыя дамы.

Камунальная гаспадарка горада складалася з некалькіх асноўных галін. Па першае, гэта гарадскі транспарт. Ён быў прадстаўлены 9 коньмі, адпаведнымі калёсамі і зброяй. Горад часта цярпеў ад пажараў, таму што гарадская забудова была ў асноўным драўлянай і скучанай, і 4 кані былі замацаваны за пажарным дэпо. Астатнія 5 коней і складалі ўласна гарадскі транспарт. Адзін конь абслугоўваў прадпрыемствы, яшчэ адзін – пошту, два – асенізацыю, адзін знаходзіўся ў рэзерве і выкарыстоўваўся для незапланаваных спраў. Выдаткі на гарадскі транспарт складалі 470 рублёў у месяц, а ўтрыманне аднаго каня абыходзілася гарадской казне ў 95 рублёў. Транспарт працаваў бясстратна, але мог прыносіць і больш вялікі прыбытак, асабліва асенізацыйны абоз. Справа ў тым, што канкурэнцыю гарадскому абозу стваралі прыватныя асенізатары, для барацьбы з якімі Мазырскі акруговы выканкам 22 лістапада 1924 г. выдаў загад № 64, адпаведна з якім прыватнікі, што займаліся асенізацыйным вывазам, штрафаваліся [3, а.12].

Іншыя галіны камунальнай гаспадаркі, пачынаючы з 1925 г., у сваёй працы пачалі выкарыстоўваць класавы падыход. За карыстанне гарадской лазняй асобы без пэўных заняткаў плацілі 30, члены саюзаў саматужнікаў – 25, члены саюзаў – 40 капеек. Такі ж падыход быў і для устаноў, іх памер аплаты залежаў ад формы ўласнасці і ведамаснай прыналежнасці. За карыстанне вадой сталовая Мазырскага цэнтральнага рабочага

кааператыва, бальніца, дом прымусовых работ плацілі 20 рублёў у месяц, установы на гаспадарчым разліку – 10, дзяржбюджетныя ўстановы – 7,5.

Памер аплаты для асоб за карыстанне вадой таксама рэгуляваўся як ў залежнасці ад сацыяльнага статусу, так і ад колькасці пакояў, якія былі ў распараджэнні плацельшчыка. Уяўленне аб велічыні аплаты можна атрымаць з дадзеных прыведзенай табліцы [3, а.4].

Статус асобы	Колькасць пакояў						
	Аплата ў рублях за месяц						
Гандляры	1	2	3	4	5	6	і больш
	1,3	1,8	2,2	3,2	4	5	5,5
Хатнія гаспадары, саматужнікі, якія не выкарыстоўвалі прыватную працу	1	2	3	4	5	6	і больш
	1,1	1,6	1,9	2,3	2,7	3,5	4
Прадстаўнікі свабодных прафесій і члены прафсаюзаў, якія мелі пабочныя зарабаткі	1	2	3	4	5	6	і больш
	0,9	1,2	1,6	2	2,5	3	3,3
Члены прафсаюзаў, якія не мелі пабочных зарабаткаў	1	2	3	4	5	6	і больш
	0,6	0,75	1	1,3	1,75	2,25	2,5

Грамадзяне, што мелі скаціну ці водаадлівы, дадаткова плацілі па 25 капеек за кожную адзінку рагатай скаціны і за кожны водаадліў.

Для разліку памераў аплаты за асвятленне значэнне мелі тыя ж акалічнасці: прыналежнасць уласнасці, калі гаворка ідзе аб прадпрыемствах і арганізацыях, і сацыяльны статус, калі мы маем на ўвазе фізічных асоб. За аснову пры разліках прымалася такая адзінка, як магутнасць электрычных лямпачак, выражаная ў свечках. Установы на гаспадарчым разліку, лаўкі і сталовыя плацілі па 6 капеек за свечку, установы на дзяржбюджетным утрыманні, гасцініцы, чайныя і асобы, якія займаліся прыватнай працай таксама плацілі па 6 капеек. Наступны разрад складалі ўстановы, фінансуемыя з мясцовага бюджэту, саматужнікі, арцельныя майстэрні, члены прафсаюзаў, якія мелі рабочныя заробаткі, – усе яны плацілі па 4 капейкі. Электраэнергія для членаў прафсаюзаў, якія не мелі пабочных зарабаткаў, каштавала 3 капейкі за свечку. Установы культуры (клубы і тэатры) плацілі ў адпаведнасці з асаблівымі пагадненнямі [3, а.4, 4а].

Даходы жыхароў акругі былі нязначнымі, асабліва сялян. На кожную сялянскую гаспадарку ў сярэднім выходзіла каля 105 рублёў даходу за год. Калі адняць адсюль расходы па утрыманні гаспадаркі, налогі, то на асабістае спажыванне, рамонт інвентару, то ў сярэднім на двор заставалася 33 рублі. Трэба адзначыць, што ў 1924 г. гэта рэшта складала не больш 20 рублёў [3, а.48].

Невялікі памер даходаў сялян, з аднаго боку, негатыўна адбіваўся на стане гарадскога гандлю Мазыра, ускладняў развіццё саматужных арцеляў, прадукцыя якіх была арыентавана на мясцовы рынак, з другога боку,

падштурхоўваў сялян да кааперавання. Яны былі зацікаўлены ў апошнім, таму што набыць сельскагаспадарчую тэхніку паасобку было амаль немагчыма, нягледзячы на той факт, што яе пастаўшчык, Мазырскі райселькрэдытпрамсаюз, амаль не рабіў гандлёвай нацэнкі. Так, за 1924 г. і першую палову 1925 г. ім было закуплена 49 малацілак, з якіх, у сваю чаргу, прадалі 33. Закупачная цана адной малацілкі Майфарта складала 125 руб. Дастаўка кожнай па чыгунцы абыходзілася ў 3 руб. 75 кап., перавозка ад станцыі на склад яшчэ 3 рублі, улік вэксяляў і гербавы збор – 1 руб. У выніку сабекошт малацілкі складаў 132 руб. 75 кап. Прадажная цана была ўстаноўлена ў 135 рублеў, што азначала памер гандлёвай надбаўкі толькі ў 1,5%. Таксама з надбаўкай 1,9% было прададзена 43 саломарэзкі і 2 веялкі [3, а.56].

Ускоснае ўяўленне аб памерах заробкаў рамеснікаў Мазыра можна атрымаць з дадзеных аб даходах рамеснікаў Гомеля ў 1925 г. Ён складаў ад 39 рублеў у месяц у краўцоў да 56 рублёў у слесараў [1, с.169]. Колькасць рамеснікаў у горадзе была даволі значнай, аб чым сведчыць стварэнне ў лютым 1924 г. Мазырскага таварыства саматужнікаў, у склад якога ўвайшло 160 чалавек. У 1924 г. былі таксама зроблены спробы аб'яднаць саматужнікаў у арцелі па прафесійным прызнаку. Такіх арцеляў было арганізавана 4, тры з якіх праз 6 месяцаў распаліся (гарбары, шапачнікі, пекары), засталася толькі арцель рамізнаў. Прадстаўнікі Мазырскага таварыства тлумачылі няўдалы досвед кааперавання як падатковай палітыкай з боку дзяржавы, так і нежаданнем дзяржаўных арганізацый размяшчаць заказы сярод арцелей таварыства, нягледзячы на больш выгадныя ўмовы, прапануемыя арцелямі [3, а.179]. На 1 кастрычніка 1928 г. ў Мазырскай акрузе налічвалася ўжо 35 арцелей, якія аб'ядноўвалі 885 чалавек. Члены арцелей па месцы іх працы размяркоўваліся наступным чынам: горад – 43 чалавекі (4,5%), вёска – 304 (34,5%), мястэчка – 338 (66,1%) [4, а. 12].

Прамысловасць горада была прадстаўлена ў асноўным дрэваапрацоўчымі прадпрыемствамі. Самымі значнымі з іх былі фанерная фабрыка і лесапільны завод “Пралетарый”. На гэтых прадпрыемствах у 1924 годзе працавала 679 чалавек. Фабрыка “Чырвоны Кастрычнік” і завод “Пралетарый” уваходзілі ў Мазырскае аддзяленне “Лесбел”. Буйным прадпрыемствам з'яўлялася і мэблевая фабрыка “Профінтэрн” якая была створана ў 1925 г. на аснове запалкавай фабрыкі “Маланка”. Электрычнай энергіяй горад забяспечвала Мазырская электрастанцыя, яе магутнасць у 1925 г. павялічылася ў 5,5 разоў у параўнанні з 1921 г. [2, с.108, 109].

Адной з самых вострых праблем для гараджан з'яўлялася малая колькасць жылля. Жылле будавалі, аднак невысокімі тэмпамі. Так, у 1924/25 будаўнічым годзе камунальнай гаспадаркай было пабудавана 3 дамы, жыллёвай кааперацыяй – 9 і прыватнымі асобамі – 41.

Пры заводзе “Пралетарый” было пабудавана 6 дамоў на 24 кватэры для сямейных, да іх падсялялі па адным-два “халасцякі”. У першую чаргу жыллё атрымлівалі кваліфікаваныя рабочыя [2, с.114].

Класавы падыход улада праяўляла і пры вырашэнні памеру платы за з’ёмнае жыллё. У снежні 1925 г. акрвыканкам устанавіў самую нізкую плату для рабочых з месячным заробкам да 20 руб. – 12 капеек, самую высокую кватэрную плату да 5 руб. для асоб свабодных прафесій. Кустары-саматужнікі і рамеснікі, якія выкарыстоўвалі наёмную працу, плацілі грошы “па пагадненні”. Аднак рэальна гаспадары кватэр бралі плату у 5–6 разоў большую, чым дазвалялі устаноўленыя гарадскімі ўладамі стаўкі [2, с.114].

У сярэдзіне 1920-х гадоў актыўна выкарыстоўваўся і такі спосаб вырашэння жыллёвага пытання, як падсяленне чаргавікоў у дамы ўласнікаў жылля. У 1925 г. для гэтых мэт выдзялялася квота ў 30%. Так, з лютага па сакавік 1925 г. у Мазыры было выдадзена 107 жыллёвых ордэраў у камунальныя дамы і 108 ордэраў у прыватныя па 30% квоты [3, а.157].

Восенню 1922 г. у горадзе налічвалася 4 агульнаадукацыйныя школы, у тым ліку 2 сямігодкі і 2 пачатковыя, у якіх вучыліся 1350 вучняў і працавала 40 настаўнікаў. 1 снежня 1921 г. была адкрыта Гарадская цэнтральная бібліятэка, якая мела ў сваіх фондах у 1924 г. каля 5 тысяч кніг [2, с.124, 125].

Такім чынам, пасля заканчэння Грамадзянскай вайны, горад Мазыр уступіў у паласу аднаўлення.

Спіс асноўных крыніц

1. Еврейское местечко в революции: очерки / под редакцией проф. В.Г. Тана-Богораза. – М.: Гос. изд-во Москва–Ленинград, 1926. – 219 с.
2. Мазыр.850 год: у 3 т. / С.В. Целяпень [і інш.]. – Гомель: КВПУП “Сож”, 2005. – Т. 1: Мазыр: гісторыя і сучаснасць. – 352 с.
3. Пратаколы пасяджэнняў Мазырскага акруговага з’езду Саветаў і акруговай канферэнцыі саматужнікаў рамеснікаў // Занальны дзяржаўны архіў у г. Мазыры (ЗДАМ). – Фонд 60. Воп. 1. Спр. 424.
4. Справаздача аб рабоце прамысловых кааперацый ў Мазырскай акрузе за 1928–1929 г. // ЗДАМ. – Фонд 60. Воп. 1. Спр. 324

Секция 2

ХРИСТИАНСТВО КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

О. ЛЕВИЦКИЙ: О РЕЛИГИОЗНОЙ БОРЬБЕ В ЗАПАДНОРУССКОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XVI – СЕРЕДИНЕ XVII в.

Е.Е. Барсук

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

Украинский историк конца XIX – начала XX в. Орест Левицкий, редактор и автор предисловия к шестому тому, части первой многотомного археографического издания «Архив Юго-Западной России», на основе изучения документов по истории конфессиональных отношений на белорусских и украинских землях в Речи Посполитой за 1322–1648 гг., делает вывод о национальном характере конфессиональной борьбы, сравнивая ее с ростом национального и сословного самосознания и борьбой за соответствующую идентификацию в Западной Европе. По образному выражению О. Левицкого, православная вера была «хранилищем народного духа», ее защита отождествлялась с защитой «основ народности русской» и была поставлена «в живую органическую связь с насущными интересами политической, общественной, экономической жизни края» [1, с. 2].

Брестскую церковно-религиозную унию историк также рассматривал как одно из средств борьбы за национальную идентификацию, указывая на тот факт, что польское правительство рассчитывало использовать унию для сплочения «народности с коренным населением и увеличения его политической силы» [1, с. 6]. В то же время «русское население (шляхта, мещане, казаки, крестьяне) Речи Посполитой под знаменем защиты веры отстаивало неприкосновенность экономических, национальных, сословных, политических и других прав и интересов» [1, с. 3]. Левицкий оценивал значение униатства как «громдного церковно-общественного переворота», который не совершается «одной волей правительств, а является результатом внутренних органических повреждений, нарушений хода жизни общества» [1, с. 8]. Брестский Собор в октябре 1596 г., по мнению историка, «небывалое ни пред тем, ни после, явление в церкви русской. Состоял из двух кол (отделений) духовного и светского, более многочисленного» [1, с. 100]. Исследователь не разделял негативную оценку итогов унии, отмечая, что она принесла «бедствия и пользу – провела черту между истинными ревнителями православия и его врагами, стала очистительным клапаном, открывшим исток для накопившихся веками нечистых соков» [1, с. 18]. Левицкий критиковал официальную точку зрения православной историографической традиции о причинах утверждения унии во влиянии иезуитов, дискриминации православных и невежества, указывая, что «приписывать исключительно козням

и проискам иезуитов совершение унии мелочно», ссылка на систематические преследования православных не состоятельна (документальная база отсутствует), а недостаток образования наблюдался до унии и после нее [1, с. 8–9]. При этом соглашается с мнением большинства российских историков XIX в., которые среди причин называют «упадок монастырей, узурпацию светскими лицами высших церковных достоинств, их куплю-продажу» [1, с. 10].

Орест Левицкий утверждал, что принятие и распространение унии было обусловлено историческими предпосылками и системным кризисом Церкви [1, с. 18]. По словам историка, церковь теряла свой авторитет в глазах современников, «болела тяжким недугом» [1, с. 16]. В доказательство своих слов приводил цитату из письма 1593 г. К. Острожского к И. Потюю «не заступаются за церковь Божию и за веру свою старожитную. Но еще сами насмеваются над ней и в различные секты убегают» [1, с. 11]. По мнению историка, иезуиты только воспользовались обстоятельствами и активное влияние польского правительства начинается с момента согласия православных иерархов на унию [1, с. 17, 15].

Среди предпосылок («условий эпохи») он называл влияние «религиозных брожений» в Европе и открытое распространение протестантских учений в Польше и Литве [1, с. 19, 43–44]. По мнению историка, разделявшего точку зрения митрополита Макария, протестантизм «расшатывал верования и порождал безразличие и вольнодумство», поражая католицизм, «нанес урон православию и значительно облегчил задачу иезуитам» [1, с. 9, 47].

Важнейшим условием распространения униатства О. Левицкий считал «тесное сближение Литвы с Польшей», особенно после Люблинской унии, и «наплыв польско-шляхетских обычаев, вторжение понятий и форм чуждого национального, общественного и экономического строя» [1, с. 20]. Это заимствование способствовало усвоению «польской образованности и языка, обычаев», понятия «русь» и «ляхи» сливаются в одном термине «шляхта и рыцарство закону греческого и римского», шляхта меняла «старую русскую веру на новую шляхетскую, католическую» [1, с. 46].

Принцип единоначалия в иерархической структуре католической церкви разнился от соборного начала православной церкви, предполагавшего избрание иерархов и широкое участие мирян в делах церкви [1, с. 27]. О соборности говорит и практика проведения православных Соборов. Так, в Брестском соборе участвовали послы от поветов, церковных братств и городов [1, с. 26]. Тезис о том, что миряне не могут быть судьями пастырям и обязаны следовать тому, чему их учат пастыри, низшее духовенство не может обсуждать действия своих архиереев, а рассуждать об учении церкви могут только высшие иерархи, обусловил его использование в пропаганде унии [1, с. 104]. Признай

православные верховенство папы, они получают безусловный авторитет пастырей и место в Сенате [1, с. 89–90]. Униатские полемисты выступили против решений православного Брестского собора, утверждая, что «Собор – это трибунал одних епископов, миряне не могут в нем участвовать». Левицкий сделал вывод, что религиозная полемика, за исключением догматических разногласий, сводилась к спорам о пределах иерархической власти и праве участия мирян в делах церкви. В то же время он говорил о разобщенности антиуниатской оппозиции, несмотря на некоторое сближение православных с протестантами в борьбе против «латинства», что в свою очередь вызывало обвинения в распространении ересей. А также он отмечал разные мнения в православной среде, что приводило к «крайностям (страстности в борьбе)» и привело к переходу Смотрицкого в унию [1, с. 110].

Левицкий со ссылками на конкретные документы, опубликованные не только в первой части «Архива Юго-Западной России», относящейся к истории западно-русской православной церкви, но и в «Актах Западной России» доказывает, что основные причины распространения унии находились внутри самой церкви: «в порче коренных основ организации церкви, в внутренних язвах, беспорядках тогдашней церковной иерархии, деморализации большинства ее представителей» [1, с. 10]. Так, по выражению Левицкого, «дезорганизация церковно-иерархических отношений» привела к злоупотреблениям в высшей церковной иерархии, случаям «узурпации светскими лицами церковных достоинств, куплю-продажу епископий и архимандритств» [1, с. 30]. Все духовные должности стали считаться доходным местом («хлебом духовным»), которое можно было выслужить у короля за разные услуги или купить за деньги [1, с. 68]. Злоупотребление правом «подаванья столиц духовных и всех хлебов духовных» или правом жалованья архиерейских кафедр, монастырей и церковей принесло «страшное зло православной церкви, противоречило выборному началу и привело к крайнему расстройству» православной церкви [1, с. 32].

Именно патронатство – «обоюдоострое оружие», служившее для защиты и нападения – орудие произвола, продажи священнических мест, изъятия земель, закрытия храмов, стало «благодатной почвой взращения унии», поскольку выработался принцип: «чье подаванье, тому и послушание попов» [1, с. 48, 50]. Вследствие чего клир распался на две группы: высшая иерархия относившая себя к шляхте духовного стану, и низшее духовенство – «посполитого стану» [1, с. 47–48]. Шляхтичи-иерархи становятся обладателями многочисленных церковных владений и по богатству равнялись со знатными вельможами, старались «подобно им вести праздную роскошную и веселую жизнь», нарушали церковные каноны, пренебрегали пастырскими обязанностями и вели «открытую погоню за наживой» [1, с. 58, 61, 10, 11]. Среди низшего духовенства

распространено невежество, «великое грубиянство и небалость», а по словам З. Копыстенского, сельское духовенство – «одно сметье людское, голодное и неукове тиснулись» [1, с. 10,53].

Одна из причин кризиса Церкви – нравственная распущенность высшего католического и православного духовенства, которое, как и в Европе, предавалось «страсти к обогащению, заботилось о суете мирской, утопало в открытом разврате» [1, с. 62]. Исследователь приводит массу примеров сибаритства, разврата, алчности, страсти к обогащению западно-русских архиереев, бравших пример с собратьев-католиков. В первом случае Левицкий ссылается на работу Михалона «О нравах татар, литовцев, москвитян», во втором – на конкретные документы, например, письмо львовских братчиков Константинопольскому патриарху 1592 г. о «распутстве, зловерии и злонравии» православной церкви, послание Гедона Балабана, перечень 70 документов гродского Владимирского суда о судебных дел К. Тарлецкого за 10 лет [1, с. 64, 12, 58, 59, 67]. Миряне начинали рассматривать унию как средство дисциплинировать местную иерархию и ввести надлежащий порядок в церковные отношения. В подтверждение своего мнения Левицкий приводит цитату из упоминаемого выше письма львовских братчиков о том, что «вера Христова может исповедываться и под римской властью» [1, с. 12].

Еще одна причина распространения унии – реорганизация деятельности православных братств и получение ими ставропигии в конце XVI – начале XVII в. Братства, в основу деятельности которых был положен принцип соборного начала, стали рассматриваться как средство выхода из кризиса церкви [1, с. 14, 76]. Имея полномочия от восточных патриархов наблюдать за жизнью и нравственностью мирских и духовных людей, контролировать действия архиереев, братства стремились «протереть свое влияние на высшее управление западно-русской церкви» [1, с. 80]. По мнению Левицкого, недовольные контролем со стороны мирян иерархии «отправились договариваться относительно унии с польским правительством», поскольку «не склонны были сносить контроль церковных братств, которые в шляхетских глазах были не более как сборищем «хлопов, шевцов, седельников и кожемяков», обеспеченных поддержкой именитых покровителей (Острожских, Вишневецких, Скуминов, Мстиславских, Соколинских, Масальских и др.). Историк ссылается на реестр Виленского православного братства. Он отмечает борьбу внутри православной церкви, поскольку по инициативе братств и мирян началось «церковно-преобразовательное движение, вызвавшее борьбу вследствие упорного противодействия ему высшей иерархии» [1, с. 100]. Это привело к расколу в православной церкви на два направления церкви: иерархическое, примкнувшее к латинству и соборное [1, с. 102]. Левицкий сравнивает Брестскую унию с расколом в Русском государстве и определяет их отличия. Раскол в Северо-восточной Руси

порожден «грубым невежественным отношением народной массы и низшего духовенства к предметам веры и церковной обрядности». В Юго-западной Руси против выступили верхние церковно-общественные силы под влиянием Реформации [1, с. 17].

Таким образом, уния закрепила раскол и стала «великим символом системы иерархического полновластия в церковных отношениях», исключила право на самоопределение в делах веры и самоуправления как религиозно-общественной организации [1, с. 103]. По мнению исследователя, применение принципа шляхетской олигархии в церковной сфере способствовало распространению униатства. Уния, несмотря на «первоначальную малозначительность ее приверженцев и всеобщее негодование ее появлением, начала приобретать сочувствие и поддержку в среде русской шляхты» [1, с. 103]. Православие осталось «знаменем церковно-соборного строя, основанного на евангельской идее всеобщего равенства верующих как членов церкви без различий званий и положений [1, с. 103]. Истинные поборники православия, полагавшие за него свое достоинство, свободу и самую жизнь, выходили из среды низших сословий мещан, низшего духовенства и простого народа в лице казаков [1, с. 104]. Соборный принцип сохранил церковь во время отсутствия иерархии, когда в защиту православия выступило казачество, основаны два известных братства Луцкое и Киевское Богоявленское и «наступила эпоха возрождения, украшенная именами Иова Борецкого и Петра Могилы» [1, с. 111,112].

Список использованных источников

1. Левицкий, О. Предисловие // Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов. – Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1883. – Ч. 1. Т. 6: Акты о церковно-религиозных отношениях в Юго-Западной Руси (1322–1648). – С 1–182.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЦЕРКОВЬ В 1920–30-е гг. В ГОМЕЛЬСКОМ И МОЗЫРСКОМ ОКРУГАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ И ПЕЧАТИ)

З.А. Неверова
УО БТЭУПК

Первые евангелические общины в Беларуси возникли именно на Гомельщине в конце XIX в. По данным на 1924 г., в Гомельском уезде были общины евангельских христиан в деревнях (Пытьковка и Щербовка) и в селах (Руденец и Сивенка) и баптистов (в деревнях Уть и Иваки и в Новобелице).

По данным официальных источников, «до Октябрьской революции религиозное сектантство в Мозырском округе среди коренного населения было развито слабо». Имелась община евангелистов в Копаткевичском регионе и община немцев-баптистов на Наровлянщине. С 1919 г. наблюдается рост «религиозных сектантских общин» среди белорусского

населения Мозырщины. Их организаторами, как правило, были военнопленные, возвратившиеся из Германии. Пик количества протестантских общин приходится на 1921–1922 гг., когда наступило мирное время и «сектанты получили возможность свободно проповедовать свое вероучение».

В официальной статистике на 1926 г. в Мозырском округе отмечаются две общины немцев-баптистов (на хут. Хатки и Клессинская в Наровлянском районе), Старинская община баптистов в Копаткевичском районе, а также 4 общины евангельских христиан (Оголичская и Бриневская в Петриковском районе, Ясенковская в Наровлянском и Бовгорская в Каролинском (Ельском) районе).

Протестантскими общинами местного происхождения были секта богомоллов, возникшая в 1919 г. в д. Богутичи Мозырского уезда и «секта шерстинцев («истинных христиан»), основанная в селе Шерстин Гомельского уезда в 1923 г. По официальному мнению, «з усіх сэкт на Беларусі асаблівую варожасць да савецкай улады» проявляли именно эти секты. Их члены были убеждены в том, что кооперация и коллективизация – «выдумка антихриста», советы как орган власти они считали «нечистивыми», на собрания не ходили, сельскохозяйственный налог сдавали только под нажимом, хлеб кооперативным организациям не продавали. В 1926 г. отказались от участия во всесоюзной переписи населения, заявив, что «не жадаюць записваць свае душы «чорту», што «анкеты ёсць пячатка антыхрыста, чырвонага дракона». Советскую власть в целом богомольцы ассоциировали с властью «красного дракона». Они перестали пускать своих детей в школу, т.к. в советской школе не преподавали Закон Божий [1, с. 29, 32, 54–56].

Росту популярности идей евангелизма среди населения способствовало отсутствие сложной церковной иерархии и монашества, то, что проповедники протестантской церкви не курили и не употребляли алкоголя, всех единоверцев считали своими «братьями и сестрами». Мозырский окружком КП(б)Б отмечал в 1926 г.: «Быт и нравы сектантов резко отличаются от быта и нравов окружающего их несектантского населения: сектанты не курят и не пьют. На почве пьянства, следовательно, у сектантов не бывает таких недоразумений, какие часто случаются у несектантов: драки, скандалы между собой и в семье. Семья сектанта представляет вообще более образцовую и более устойчивую ячейку, чем семья несектанта. Женщины у сектантов живут в более лучших условиях, нежели женщины у несектантов. Сектанты ценят образование, сознают его пользу и очень уважают учиться» [2, л. 14–23]. Еще одним фактором популяризации идей евангелизма стала взаимопомощь в среде единоверцев, столь необходимая в тех конкретных хозяйственно-экономических условиях. В связи с этим Мозырский окружком КП(б)Б констатировал в 1925 г., что «причины распространения

учения евангелистов – чисто экономические. Их трудовая взаимопомощь, коллективная поддержка наиболее нуждающихся явились для многих довольно заманчивыми» [3, л. 37–44]. Власти отмечали факты организации баптистами своих «бирж труда», например, в г. Гомеле, «якія бяруць на работу да «сваіх людзей (сэктантаў) хатніх работніц, нянек і г.д.» [4, с. 117].

Отношения евангельских общин с советской властью первоначально строились на иллюзии последней о возможности, как отмечалось на VIII съезде КП(б)Б в мае 1924 г., «накіраваць у рэчышча савецкай работы значныя гаспадарча-культурныя элементы, што маюцца сярод сектантаў» [5, с. 117]. Однако в конфессиональной политике советского государства все больше усиливался ограничительно-репрессивный вектор и надежды власти на «общинный инстинкт», демократическое устройство протестантской церкви, как возможные факторы советизации верующих не оправдались. Так, не получила дальнейшего развития практика создания в Советской России сельскохозяйственных кооперативов и артелей в среде баптистов и евангельских христиан. По этому поводу партийное руководство Мозырского округа в 1925 г. отмечало: «Никаких коллективных объединений на экономической почве они не имеют и не проявляют в этом направлении никакой инициативы. Тезисы Калинина, в которых он указывал, что сектанты представляют собой самый благоприятный материал для организации коллективов, являются совершенно несоответствующими действительности в Мозырщине» [3, л. 37–44].

Не увенчались успехом попытки местных «сектантов» получить разрешение власти на проведение в 1924 г. районного съезда общин-баптистов [6, л.9, 11а, 12а, 14, 15–15об, 17–17об]. Еще в 1921 г. ЦК РКП(б) постановил: «Общих съездов всех сектантских общин и групп не допускать, считаясь с наличием в среде сектантов определенно буржуазных и антисоветских организаций» [7, л.6].

К середине 20-х гг. в целом оформился курс государственной политики в отношении протестантской церкви. ЦК ВКП(б), заслушав 27 октября 1926 г. вопрос «О состоянии сектантства в СССР – его политической и экономической роли», поставил задачу окончательной ликвидации сектантства [4, с. 194–195].

Видное место в жизни протестантских общин Гомельщины занимала немецкая диаспора. Основное количество этнических немцев переселилось в Мозырское Полесье с Украины. По данным переписи 1926 г., из 7075 немцев, проживавших в БССР, около 4 тысяч приходилось на территорию Гомельщины. При этом в Мозырском регионе насчитывалось 3356 немцев (3294 человека – в сельской местности и 62 – в городской) – 46,6% всего немецкого населения БССР. Абсолютное большинство сельских немцев республики проживало на Мозырщине [8, с. 11–12]. Большинство немцев

были лютеранами, меньшая часть принадлежала к общинам евангельских христиан и баптистов.

Наиболее многочисленными религиозными общинами немцев были в Наровлянском районе. Так, в 1925 г. в Березовском национальном немецком сельсовете официально числилось 200 евангелистов-баптистов. 89 евангелистов и отделившаяся от лютеран секта «Божьи дети» (25 человек), которая называлась группой Шнайдера, по фамилии ее руководителя. В 1927 г. в Березовском сельсовете были зарегистрированы 3 лютеранские и 1 община баптистов, насчитывавшая 64 члена из 12 хозяйств. В 1929 г. Клесинская (Березовская) община евангельских христиан-баптистов насчитывала около 200 человек.

В Ельском районе, наряду с лютеранами, имелась община евангельских христиан, т.н. «Святых братьев». В 1929 г. в ней было зарегистрировано 25 человек. Объединенная община колоний Наймановки и Анзельмовки насчитывала 33 человека. Меньшие по количеству верующих немцев общины были в Лельчицком, Житковичском, Речицком районах.

Жизнь религиозных общин представляла собой хорошо отлаженный механизм. «Каждое воскресенье все от мала до велика ходят в церковь», «в простом доме выстроена кирха, которая каждый праздник бывает переполнена народом», – свидетельствуют официальные отчеты властей. При общинах работали хоровые кружки, оркестры духовых и смычковых музыкальных инструментов. Большое внимание уделялось религиозному обучению и воспитанию детей в воскресных школах при общинах. Например, 4 такие школы работали в Березовском сельском совете. Верующие немцы поддерживали тесные связи с единоверцами из Германии, США, Канады, Украины. Баптисты и лютеране обслуживались проповедниками и пасторами с Украины. В организации и деятельности общины евангельских христиан в Анзельмовке активное участие приняли Барбуля с Волыни, Бовлендер – из Одессы. Баптисты и лютеране Хаток. Анзельмовского, Березовского сельсоветов, Речицкого района обслуживались пасторами и проповедниками из Одессы, Волыни (баптисты-проповедники Фриц и Гартман, пастор Улле из Житомира, пастор Кенигсфельд). Они проводили службы, венчали, выдавали справки о конфирмации, выполняли другие религиозно-церковные функции. Необходимую религиозную литературу: Библии, песенники, псалмы – верующие получали из соответствующих заграничных центров, из Москвы, Ленинграда и Одессы.

Религиозная жизнь городских немцев региона протекала не так ярко выражено. У немцев-лютеран г. Гомеля своей кирхи не было, и коллективные моления осуществлялись на частных квартирах. Лютеранских пасторов в Гомель приглашали с других мест. Так, в январе 1924 г. административный отдел Гомельского губисполкома разрешил

«устройство богослужения на немецком языке» пастором Августом Шансбергом из Могилева. В удовлетворительном прошении гомельчан – «граждан лютеранского вероисповедания» отмечалась практика редкого приезда пастора в г. Гомель», указывалось, что служба будет проведена в частном доме с присутствием верующих в количестве около 100 человек [6, л. 1, 2, 3].

В практике отношений государства и протестантской церкви с ростом brutality, вульгарного атеизма в официальной конфессиональной политике все меньше оставалось места для диалога, поиска взаимоприемлемых вариантов решения наиболее болезненных вопросов и все больший размах приобретали силовые методы.

Именно религиозный компонент выступал важной составляющей в сформированном штампе обвинения арестованных в «контрреволюционной работе среди немецкого населения по срыву коллективизации и других мероприятий советской власти» с последующим вынесением карательных приговоров [9, л.179–192, 117–118, 13, 42–43, 218, 203–203об, 205].

В мае 1932 г. «антисоветскую группу» Березовского сельсовета обвинили в «активном выступлении против существующего строя и его мероприятий» и в «противопоставлении религии соввласти». В июле 1932 г. «контрреволюционным группировкам из состава бывших кулаков и руководителей религиозных общин» Ельского и Наровлянского районов вину, в частности, вменялся тот факт, что «из 2027 немцев Роза-Люксембургского сельсовета ни один из коренных жителей не состоит в колхозе». В декабре 1936 г. были осуждены евангелисты – «члены контрреволюционной националистической группировки из немцев-единоличников» Ельского района за антиколхозную пропаганду. Таких примеров можно привести множество.

Даже в 1936–1937 гг., после массовых и постоянных арестов и высылки служителей религиозного культа, активных верующих, власть констатировала «активизацию сектантских группировок, использующих религиозные настроения для проведения антисоветской контрреволюционной работы» среди немецкого населения. Конкретным проявлением данной «антисоветской работы» со стороны различных протестантских общин только лишь в одном 1937 г. можно считать бойкотирование выборов в Верховный совет СССР, переписи населения. К 1937 г. в БССР были закрыты все «молитвенные дома» евангельских христиан-баптистов, а большинство пресвитеров и проповедников репрессированы [10, с. 387].

Не случайно в докладной записке народного комиссара внутренних дел БССР А. Наседкина от 24 июня 1938 г. «Об антисоветской деятельности церковников и сектантов в БССР» выделен специальный раздел «О сектантской контрреволюции». В нем отмечается, что «за 1937

и начало 1938 г. в БССР ликвидировано целый ряд к-р сектантских организаций и групп, по которым арестовано и осуждено – 860 человек». В изложенной картине обвинения сектантов в антисоветской деятельности: связь с зарубежными разведслужбами, срыв коллективизации и т.п. – особо отмечаются «молчальники» Лепельского и Туровского районов. Им инкриминировались отказ от получения паспортов, невыполнение «разных гособязательств», игнорирование переписи населения 1937 г. «Во время переписи населения 1937 г. отказались дать о себе какие бы то ни было сведения, убегали из домов или не отвечали на вопросы производивших перепись населения». «Молчальники дошли до того, что вообще перестали разговаривать с представителями власти. На следствии «молчальники» не говорят ни слова, держаться очень стойко и даже в камерах ряд из них не вступают в разговоры с другими арестованными» [11, л. 56–77].

В конце 1930-х гг. протестантская церковь ушла в подполье.

Список основных источников

1. Хайтун, Д. Сучаснае сэктанцтва на Беларусі / Д. Хайтун, П. Капаевіч. – Менск, Белдзяржвыд, 1929. – 72 с.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 69. Оп.2. Д.65.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд. 4п. Оп.1. Д.2429.
4. Навіцкі, У.І. Змена канфэсіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20–30-я гг. ХХст. / У.І. Навіцкі // Канфэсіі на Беларусі (к. ХІІІ–ХХ ст.) – Мінск, 1998.
5. Лыч, Л. Пратэстанцкая царква ў нацыянальна-культурным жыцці Беларусі: традыцыі і сучаснасць / Л. Лыч // Штогоднік Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Мінск, 1999. – С.110–123.
6. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф.9. Оп.1. д.163.
7. НАРБ. – Ф.4. Оп.1. Д.658.
8. Малые диаспоры Гомельщины в 20–30-е гг. ХХ в.: аналитические материалы и документы Государственного архива Гомельской области / Сост.: В.П. Пичуков [и др.]. – Гомель, 2008. – 250 с.
9. АУ КГБ по Гомельской области. – Д.12903-с. – Т. 1.; Д. 10007-с.; Д. 11249-с. – Т.1; ГАООГО. – Ф.3465. Оп. 2а. Д. 172, 304; Ф.69. Оп. 3. Д. 16.
10. История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М.: Изд-во ВСЕХБ. – 1989. – 624 с.
11. НАРБ. – Ф. 4п. Оп.1. Д. 13219.

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

В.А. Одиноченко
УО ГГУ им. Ф. Скорины

Считаем необходимым подчеркнуть, что наши рассуждения имеют проблемный характер. Мы попытаемся проанализировать ту культурную значимость, которую имело введение христианства князем Владимиром в 988 году. При этом сосредоточимся именно на указанном событии и не

будем принимать во внимание основание Полоцкой епархии, что явилось началом христианства на наших землях. Тот ракурс, в котором будет поставлена проблема цивилизационного выбора, касается прежде всего России. А поскольку для нас она является наиболее близкой страной, говоря современным языком, тем «значимым Другим», в соотношении с которым происходит осмысление нашей специфики, очень важно рассмотреть, как с точки зрения русской культуры видится «выбор князя Владимира».

О принятии христианства на Руси принято говорить как о несомненно прогрессивном событии. Поскольку высказываний на эту тему много, мы рассмотрим только те из них, поводом для которых явилось последнее значимое событие, а именно – празднование 1025-летия крещения Руси в 2013 году. Отметим, что оно имеет знаковый характер. Празднование 1000-летия крещения происходило еще в Советском Союзе, именно с ним связывают перелом в отношении властей к религии, окончание атеистической политики и осмысление роли религии в культуре. Празднование же 1025-тия произошло в условиях независимых государств, что обусловило специфику этого события.

В приветствии Президента Беларуси участникам конференции “Крещение Руси в судьбах народов Беларуси, России, Украины: выбор цивилизационного пути” было подчеркнуто, что: «Более тысячи лет христианство формирует общие для всех восточных славян этические и эстетические идеалы, служит основой нравственных и культурных традиций. Сегодня оно играет огромную роль в укреплении моральных устоев, проповеди единства, миролюбия и взаимопомощи» [5, с. 3].

В приветствии Патриарха Московского и всея Руси Кирилла участникам данной конференции говорилось: «Юбилей 1025-летия Крещения Руси, который мы все вместе празднуем, дает нам возможность с особой силой ощутить значимость совершённого святым равноапостольным князем Владимиром деяния, благодаря которому сформировалась духовная и национальная самобытность наших народов, определился их особый путь в истории. Приобщение к христианской цивилизации открыло огромные перспективы для культурного и духовного роста наших народов, для создания общности восточных славян, заложило основы их государственности» [4, с. 4].

Мы не будем приводить другие высказывания, посвященные крещению Руси. Отметим, что акцент в них, как правило, делался на следующих трех моментах: 1) прогрессивности для культурного и духовного развития; 2) роли в формировании единой восточнославянской цивилизации; 3) значимости для приобщения к европейской культуре.

Мы не рассматриваем легенду о выборе вер князем Владимиром, поскольку она не имеет научного характера. Но для нас важен учет самого

концепта «выбор», поскольку он прочно вошел как в публицистику, так и в научный оборот.

Соглашаясь с вышеприведенными высказываниями, подчеркнем, что выбор был совершен не только между язычеством и христианством, но и между западным и восточным вариантами последнего. И если прогрессивность первого не вызывает сомнения, то в отношении последнего ситуация не является беспроблемной.

Приведем высказывания по этому поводу видных российских мыслителей. Их нельзя упрекнуть в нелюбви к своей стране или православию. Они осознавали проблему цивилизационного выбора, совершенного в 988 году, и ее значимость для России. Это именно та страна, в которой с полным правом можно говорить о православии как основе культуры.

Протоиерей Георгий Флоровский (1893–1979) в своей знаменитой работе «Пути русского богословия» писал, что «история русской культуры начинается с Крещения Руси» [6, с. 2]. То, что Русь приняла крещение от Византии, определило ее историческую судьбу: «Это сразу включило ее в определенный и уже сложившийся круг связей и воздействий» [6, с. 4]. Однако, и это является основным положением, предопределившим трактовку данного и многих других авторов характера цивилизационного выбора, «решающим было принятие Кирилло-Мефодиевского наследства, а не прямое восприятие Византийской культуры. Непосредственное духовно-культурное соприкосновение с Византией и с греческой стихией было уже вторичным» [6, с. 5].

Русский философ Г.Г. Шпет (1879–1937) в этой связи писал: «Россия вошла в семью европейскую. Но вошла как сирота. Константинополь был ей крестным отцом, родного не было... Она стала христианскою, но без античной традиции и без исторического культуропреимства. Балканские горы не дали излиться истокам древней европейской культуры на русские равнины... Нас крестили по-гречески, но язык нам дали болгарский. Что мог принести с собой язык народа, лишенного культурных традиций, литературы, истории? Солунские братья сыграли для России фатальную роль» [7, с. 28].

Следующая проблема, которая отмечалась рядом авторов, это усвоение Русью враждебного отношения к Западу. Сошлемся на, философа и богослова отца Сергея Булгакова (1871–1944): «Россия была присоединена к Единой Церкви — до схизмы, вне схизмы, в которой она неповинна; ее не знала, не понимала, не могла понять и однако ею была отравлена. В детском состоянии она была обучена всем предрассудкам, какие накопились у греков против Запада, и, как наследственная болезнь, была воспринята эта вражда и предубеждение... Разумеется, никто не мог тогда прозреть судьбы Божия и постигнуть все значение совершившегося выбора веры, который летописец приписывает великому князю

Владимиру. Но здесь, в этом выборе, исторические судьбы России определились как трагедия, трагедия культурного одиночества и обособления, как крестный путь» [1, с. 175].

Историк русской церкви, последний обер-прокурор Священного Синода А.В. Карташев (1875–1960) писал: «Русские по началу своей истории были народом вполне европейским, ничем роковым образом не отделенным от своих западных собратьев. Напротив, они находились в постоянных и самых деятельных торговых сношениях почти со всеми странами и народностями Европы, как и соседней Азии. Эти постоянные житейские сношения не затруднялись никакими препятствиями принципиального, идейного характера... Русским, принявшим греческую веру, также предстояло определить свое религиозное отношение, не только к восточным иноверцам, но и к христианским народам латинского обряда. Оставалось: или усвоить греческий взгляд на римскую веру, или выработать свой собственный... Русские под влиянием митрополитов греков, представлявших все римское в черном свете, в частности по мотивам соперничества из-за церковной власти над Русью, должны были постепенно усвоить эту крайнюю греческую точку зрения» [2, с. 263].

Следует отметить специфику приведенных высказываний. Они были созданы после революции 1917 года и явились попыткой осознать ее причины. Данные авторы видели их в разобщенности с Европой.

Противопоставление Западу многие авторы рассматривают как одну из характерных черт русской культуры. Об этом писал известный британский историк А. Тойнби: «Узурпируя византийское наследие, русские со всем прочим восприняли и традиционное византийское отношение к Западу, что оказывало глубочайшее влияние на собственно российское отношение к Западу, и не только до революции 1917 года, но и после нее» [5, с. 373].

Говоря о проблеме цивилизационного выбора, совершенного в 988 году, следует учитывать, что князь Владимир принял христианство по политическим причинам, основными из которых было стремление объединить восточнославянские земли и приблизить их в религиозном отношении к Европе. На выбор восточного варианта христианства повлияло прежде всего то, что Византия в это время находилась на гораздо более высоком культурном уровне, чем варварская Западная Европа, а также практика подчинения Константинопольского патриарха императору, о чем Владимир, несомненно, знал.

Однако Киевская Русь – это особый период в истории восточнославянских народов, когда еще не существовало разделения с Западной Европой. Как писал А. Карташев: «Князья наши продолжали родниться браками со всеми латинскими дворами, причем дочери русских князей при выходе замуж принимали западный обряд, а иногда даже и дочери иностранных государей содержали у нас на Руси свое латинское

богослужение» [2, с. 264]. Переломным и трагическим событием для русской культуры, обусловившим ее разделение с западной, явилось татаро-монгольское нашествие.

Подводя итог, следует подчеркнуть сложность обсуждаемой нами проблемы, о которой писали и цитируемые авторы. Описывая причины отличия русской культуры от западноевропейской, следует учитывать, что они имеют системный характер и не сводятся только к выбору князя Владимира. В любом случае, в настоящее время мы должны исходить из факта существования уникальной по своему характеру и богатой по содержанию русской культуры, одной из духовных основ которой является православие.

Говоря о белорусской культуре в ее конфессиональном измерении, следует помнить, что она имеет свою ярко выраженную специфику по отношению к русской. Территория нашей страны входила в несколько государственных образований, в которых различные конфессии играли различную роль в политике и культуре. Это породило характерную для Беларуси поликонфессиональность. Поэтому для нас сейчас актуальным является не столько выявление традиционной религии, сколько налаживание межрелигиозного диалога.

В этой связи важное значение для нас имеет встреча в Гаване папы Франциска и патриарха Кирилла, состоявшаяся 12 февраля 2016 года. Она знаменует не только начало нового этапа во взаимоотношениях между Русской православной и католической церквями, но и служит одним из оснований для взаимодействия между верующими в нашей стране.

Список основных источников

1. Булгаков, С.Н. У стен Херсониса / С.Н. Булгаков // Символ. – 1991. – № 25. – С. 169–342.
2. Карташев, А.В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. / А.В. Карташев. – М.: Наука, 1991. – Т. 1. – 704 с.
3. Приветствие Патриарха Московского и всея Руси Кирилла к участникам Международной научной конференции “Крещение Руси в судьбах народов Беларуси, России, Украины: выбор цивилизационного пути” / Патриарх Московский и всея Руси Кирилл // Крещение Руси в судьбах народов Беларуси, России и Украины: выбор цивилизационного пути : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 июня 2013 г. / редкол.: В.Г. Гусаков [и др.]. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2013. – С. 4–5.
4. Приветствие Президента Республики Беларусь участникам Международной научной конференции “Крещение Руси в судьбах народов Беларуси, России, Украины: выбор цивилизационного пути” / А.Г. Лукашенко // Крещение Руси в судьбах народов Беларуси, России и Украины: выбор цивилизационного пути : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 июня 2013 г. / редкол.: В.Г. Гусаков [и др.]. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2013. – С. 3.
5. Тойнби, А.Дж. Цивилизация перед судом истории / А.Дж. Тойнби. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 592 с.
6. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Вильнюс: б/и, 1991. – 599 с.
7. Шпет, Г.Г. Очерк развития русской философии / Г.Г. Шпет // Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С. 11–342.

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШЕ: СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ САМОБЫТНОСТИ*

И.Н. Сеницкая

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

Республика Беларусь является многонациональным государством, на территории которого проживают белорусы, русские, поляки, украинцы и другие национальности. Одним из западнославянских государств, с которым Беларусь поддерживает дружественные отношения и имеет тесные связи, является Республика Польша. На территории современной Беларуси проживает достаточно большое количество польского населения, общая численность которого, согласно переписи населения за 2009 г., составляет 3,1% от общего количества населения Беларуси [1]. В основном польское население проживает в Гродненской, Брестской, Витебской и Минской областях. Однако польское национальное меньшинство, хоть и в меньшем количестве, чем на западе Беларуси, можно встретить и в других областях страны. В период с 1990 по 2005 г. количество польского населения проживающего на территории Беларуси было выше и достигало 4% от общего количества населения страны [2, с. 115]. В последующие годы количество польского населения в Беларуси уменьшается, чем очень обеспокоены польские власти.

Наличие достаточно большого количества польского меньшинства в стране непосредственно повлияло и на культуру Беларуси, которая впитывала польские традиции на протяжении долгого времени. Культура Беларуси тесно связана с польской культурой. Это обусловлено многовековой историей, так как на протяжении веков два славянских народа белорусы и поляки находились в составе одного государственного образования (Речь Посполитая). Также на культуру Западной Беларуси повлиял и тот факт, что эта часть Беларуси с 1921 по 1939 г. находилась в составе Польского государства, что не могло не наложить отпечаток на жизнь местного населения и не повлиять на развитие культуры в этом регионе.

Одним из факторов тесного взаимодействия двух государств является то, что оба государства имели и имеют одни и те же ценности, преследуют одинаковые идеалы. Так, в Беларуси, как и в Польше, религия имеет большое значение в жизни общества. Она является неотъемлемой частью жизни большинства населения. Вероисповедание является одним из факторов определения тесной культурной связи двух государств – белорусского и польского. Оба государства придерживаются принципа свободного вероисповедания. В Беларуси и Польше первое место по значимости и числу прихожан занимает христианская религия. На

---

*Работа выполнена в рамках гранта БРФФИ № Г15М-138

территории польского государства главенствующую позицию занимает римско-католическое вероисповедание, которое в Беларуси после православия, по величине, значимости и числу прихожан, занимает второе место. По данным Католической церкви, в Беларуси насчитывается около 1,4 миллиона верующих (15% всего населения – католики) [3, с. 1]. В основном римско-католические костелы преобладают на западе Беларуси, а именно в Гродненской области, так как там проживает большее количество польского населения либо лиц, исповедующих католическую веру.

Римско-Католической Церкви на территории Беларуси сохранять и развивать свою религиозную культуру и традиции позволяет наличие принципа свободы вероисповедания. В Законе Республики Беларусь от 17.12.1992 № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях» признается духовная, культурная и историческая роль Католической церкви на территории Беларуси [4]. Это свидетельствует о том, что государством признается факт оказания Католической церковью непосредственного влияния на развитие белорусской культуры в настоящее время, что накладывает отпечаток и на духовную жизнь Беларуси.

Служба в костелах ведется на польском и белорусском языках, что позволяет польскому населению Беларуси посредством религии сохранить свой родной язык, а также религиозные традиции. Католическая церковь содействует укреплению и сохранению культурных и религиозных польских традиций, благодаря тому, что большинство польского населения Беларуси является верующими, которые традиционно принимают участие в еженедельных богослужениях и религиозных культурах. Для поляков-католиков большую роль играют традиции, связанные с церковными праздниками. Главными католическими праздниками в Польше и среди польского населения на территории Беларуси являются Рождество Христово и Пасха. Также отмечаются День Всех Святых, Новый год, Три короля, Пепельная среда, Великая Неделя, Вознесение, День Божьей Матери Королевы Польской, Праздник Тела Господнего и Праздник Божьей Матери. Данные праздники объединяют католическое население двух государств, а белорусская веротерпимость содействует сближению и лучшему взаимопониманию белорусского и польского народов.

Польское население Беларуси имеет высокую религиозность. Еженедельно по воскресеньям и в дни праздников верующие посещают костел. С раннего детства детей учат религии, рассказывая о главных догматах и таинствах римско-католической веры. В Польше изучение основ католической веры происходит не только в церквях и кругу семьи, но и в дошкольных и школьных учреждениях, что свидетельствует о тесной связи польского общества и церкви. Также детей приучают каждый вечер перед сном читать молитвы, что входит в повседневный ритуал

каждого верующего католика. Взрослые молятся как минимум дважды в день: утром и вечером. Большое значение для католического польского населения Беларуси имеет исповедь, поэтому каждый набожный поляк должен хотя бы один раз в год исповедаться. При заключении брака молодожены имеют право венчаться в костёле, благословляя тем самым свой брак.

Таким образом, можно сказать, что католическая вера является неотъемлемой частью повседневной жизни поляков, проживающих как на территории Польши, так и на территории Беларуси. Религией пронизана вся их жизнь, начиная от младенчества и заканчивая глубокой старостью. Все начинается с самого первого крещения, которое проводится после рождения ребенка и заканчивается соборованием – последним благословением, которое дается умирающему католику.

Посредством религии стирается грань преткновения и непонимания белорусских и польских поляков. Религия способствует лучшему пониманию друг друга, многие из них считают себя одной нацией, даже находясь в составе разных государств. За счет существования Римско-Католической Церкви на территории Беларуси у белорусских и польских поляков не теряется духовная связь, которая создавалась и передавалась веками и поколениями.

Однако, говоря о религии польского населения, стоит упомянуть, что на территории белорусского государства также проживают и поляки-православные, которые восприняли и переняли православную веру белорусского народа в процессе проживания в Беларуси. Православные догматы и традиции также стали неотъемлемой частью повседневной жизни польского населения Беларуси. Православная вера занимает второе по значимости и числу прихожан место после католической и в Польше. В Польше православных сейчас насчитывается, по разным данным, от 400 до 700 тысяч человек [5, с. 30].

Белорусское население в Польше, также как и польское в Беларуси, является одним из крупнейших национальных меньшинств. По данным переписи 2002 г., в Польше проживает 48 737 белорусов, из них около 40,6 тысячи человек пользуются белорусским языком в повседневном общении, тем самым сохраняя языковую самобытную культуру белорусского народа [6, с. 9]. Одним из факторов сохранения самобытной культуры белорусского населения Польши является исповедание православной веры. Исповедание православия и посещение православных храмов способствует сохранению и укреплению, дальнейшему развитию православных традиций на территории польского государства.

В настоящее время Польская Православная Церковь имеет 6 епархий, 250 приходов, 11 монастырей, 11 епископов. В Польше существуют Варшавская Православная Духовная Семинария и Варшавская Христианская Богословская Академия, последняя функционирует за счет

представителей трех конфессий: православные, старо-католики и протестанты. У представителей каждой из конфессий в академии есть свой факультет, ректор же учебного заведения поочередно избирается от каждой конфессии [7, с. 377]. Польские православные студенты из числа белорусского нацменьшинства имеют возможность получить образование как в России и Беларуси, так и в Германии, Греции, Румынии, Украине. На территории Польши находятся четыре православные святыни-иконы Богородицы: Супрасльская, Холмская, Люблинская (в православных храмах), а также в католическом монастыре находится православная Ченстоховская святая икона. Это говорит о том, что и на территории Польши проживает достаточное количество поляков-православных. Православную религию на территории Польши исповедуют не только поляки, но и представители других национальностей: белорусы, украинцы.

Крупнейшим центром православия в Польше является польский город Белосток. Из 300 тысяч его жителей от 25 до 30% составляют православные. В городе действуют 12 православных храмов, в которых молятся десятки тысяч православных поляков, белорусов, украинцев. По польским законам православные верующие имеют право 7 дней в году отмечать религиозные праздники, беря выходные, правда за свой счет [5, с. 32]. Это связано с тем, что большинство польского населения являются католиками и на государственном уровне признаны выходными днями только католические праздники. Однако Православная Церковь в Польше укрепляет свои позиции, о чем свидетельствует тот факт, что с начала 1990-х гг. в школах и дошкольных детских учреждениях Польши введено изучение основ православной веры. Это в свою очередь говорит об увеличении числа православных прихожан как среди белорусского национального меньшинства Польши, так и среди польского. В Польше активно развивается паломническое движение, ведется благотворительная работа, действуют издательства, выпускающие православную литературу и периодику.

Таким образом, можно говорить о близости белорусского и польского государств в духовном и религиозном плане. Приоритетное положение Православной и Католической Церкви в Беларуси и Польше свидетельствует о духовной близости двух народов. Наличие принципа свободы вероисповедания позволяет Беларуси и Польше сохранять, укреплять и развивать дружественные отношения в гуманитарной, культурной и иных сферах деятельности общества.

Список основных источников

1. Перепись населения за 1989–1999 гг. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/bazy-dannyh/baza-dannyh-po-statistike-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/>. – Дата доступа: 02.05.2016.

2. Зиновский, В.И. Численность, размещение и состав населения Республики Беларусь по данным переписи 2009 г. / В.И. Зиновский // Социология. – 2010. – № 3. – С. 111–116.
3. Религия и конфессии в Республике Беларусь // Материалы Аппарата уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь. – Минск: УИ МИД, 2011. – С. 1–6.
4. Закон Республики Беларусь от 17.12.1992 № 2054-ХІІ «О свободе совести и религиозных организациях» // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1993. – № 2. – Ст.18.
5. Лыкошина, Л.С. Православие в современной Польше / Л.С. Лыкошина // Переяславская рада: ее историческое значение и перспективы развития восточнославянской цивилизации: сб. науч. трудов. – Харьков: НТУ-ХПИ, 2013. – С. 30–36.
6. Польша. Расширенный миграционный профиль. – Варшава: ИМП, 2010. – 110 с.
7. Скурат, К.Е. История Православных Поместных Церквей / Е.К. Скурат. – Кемерово: Изд-во Кемеровской епархии, 2015. – Том X. – 688 с.

ИДЕАЛ НРАВСТВЕННОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В.В. Валетов, Т.Н. Сыманович
УО МГПУ им. И.П. Шамякина

В рассматриваемый период ценностные установки напрямую связаны с христианским вероучением. Средневековые рассматривало личность статично, изображая её изначально либо как греховную, либо как праведную, выявляя в ней «вневременную сущность человеческого характера» [2, 24]. С введением христианства появляется новое мировоззрение, которое основывалось на принципе духовного творения, дуализма идеального и реального, духовно-нравственного понимания человека. Человеческая природа стала рассматриваться как поле битвы, где постоянно сталкиваются стремление к добру и злу; жизнь индивида начинает восприниматься как духовное явление. Поэтому в педагогической мысли Киевской Руси понятие цели воспитания находилось в тесном соприкосновении с целью, смыслом человеческой жизни, понимаемом как спасение души.

В педагогической науке один из подходов в определении целей воспитания заключается в том, что выделяются как идеальные, так и реальные цели воспитания. По мнению О.С. Газмана, идеальная цель воспитания состоит в формировании гармоничной всесторонне развитой личности. А реальная цель воспитания связана с формированием базового образования и культуры индивида, а также представлением на их основе условий для развития тех сторон личности, для которых есть объективные и субъективные условия [1, 224–226]. С точки зрения Г.И. Лёгенького, под всесторонней развитостью личности подразумевается её цельность и ценностная направленность [1, 13]. Однако ценностные ориентации

и установки носят исторический характер. Как справедливо заметил А.Я. Гуревич, в разные эпохи и в различных культурах люди воспринимают и осознают мир по-своему, на собственный манер организуют свои впечатления, знания, конструируют свою особую картину мира [2, 7]. Мотивация и направленность поведения людей зависит от эпохи и среды.

Анализ философско-педагогических произведений восточнославянских просветителей X–XIII вв. позволяет сделать вывод о том, что цели воспитания воплощались в идеале нравственности. Все педагогические усилия, с точки зрения древнерусских мыслителей, должны быть подчинены главной цели воспитания – приобщение к идеалу нравственности, формирование высокоморального индивида. В рамках данного исследования мы допускаем вывод, что цели нравственного воспитания могут быть тождественны идеалу нравственности.

Феодосий Печерский считается создателем так называемой Печерской идеологии. Цель воспитания он видит в формировании высоконравственной личности, которая достигает спасения собственной души. Главную проблему нравственности, т.е. проблему спасения человеческой души, Феодосий призывает решить через подавление в человеке изначально присущего ему греховного, плотского естества. Феодосий отстаивал теорию аскезы, т.е. отречения от всего земного. Эта теория заставляла Феодосия пристальнее вглядываться в самую душу человека, искать её высокое предназначение. Высокоморальный индивид должен посвятить свою жизнь Богу, а служение Богу проявляется в «деятельных делах» – в терпении и страдании, милости и любви [3, 154]. Именно добрые дела – это то, что человек должен внести в мир. Феодосий Печерский сформулировал очень важную проблему, которая станет одной из доминирующих в морально-этической мысли восточнославянских земель: «... Какими же достойными должны быть мы, убогие? Или не горит в нас сердце?.. Не вослед ли похотей своих шли?..» [3, 155]. Далее печёрский старец делает вывод о том, что приблизиться к нравственному идеалу может не каждый христианин, а лишь аскет, подвижник или тот, за кого он заступится перед Богом своими молитвами. В качестве идеала высокоморальной личности Феодосий предлагает инока. По мнению Феодосия Печерского, «иноки – наследники чести неизреченной», а «миряне – временны, а слова их с животом заканчиваются» [3, 159]. Иночество – своего рода горнило, «совлекающее с человека ветхого Адама, и преобразующее его в Христова избранника» [3, 159]. Тем самым мыслитель как бы акцентирует внимание своей аудитории на непреходящем характере, вечности духовного и на сиюминутности, бесполезности земного. В Печерской идеологии земная жизнь отвергается, а возвеличиваются страдание и терпение.

Определяя идеал нравственной личности, Кирилл Туровский также рассуждает о соотношении в человеке духовного и телесного начал. Анализируя природу человеческих чувств, роль души и сознания в личности, Кирилл стоит на чётко выраженных воинственно-монашеских позициях. Смысл человеческой жизни для него – в полном отказе от мирских, плотских наслаждений, в уходе от суетного и повседневного к вечному. Идеал нравственности – монах-отшельник. Кирилл называет и главные добродетели, характерные для высокоморальной личности – смирение, послушание, полный отказ от воли. «Ты, как свеча, волен в себе до церковных дверей, а потом не смотри, как и что из тебя сделают», – говорит он в «Сказании о черноризческом чине» [5, 204]. Вслед за Феодосием Печерским Кирилл Туровский считает, что именно инок, иночество является идеалом нравственности. В «Повести о белоризце-человеке и о монашестве» мыслитель отмечает, что «внутренние добродетели иноков сияют чудесами» и что всякий, кто стал на пути аскезы и монашества «жизнь вечную наследует» [6, 208]. Важно отметить, что, рассуждая далее о нравственных добродетелях, просветитель относит их прежде всего к монашеству, а не к мирским людям. Но, в отличие от печёрского старца, Туровский епископ в своих трудах выходит на более широкую аудиторию. То, что у Феодосия могло показаться лишь практической рекомендацией монашеского жития, у Кирилла звучит как нравственный призыв, обращённый ко всему обществу. Мыслитель обращается не только к инокам, но и к душе и совести каждого, тем самым привнося новые подходы в развитие теории и практики нравственного воспитания.

Суровые аскетические построения рассмотренных выше авторов, особенно Феодосия Печёрского и Кирилла Туровского, не всегда находили отклик в светской среде Древней Руси. Нравственные требования представителей византийского направления были чересчур высоки и практически маловыполнимы. Поэтому не случайно широкое распространение в X–XIII вв. на восточнославянских землях получили идеи, опирающиеся на античное и кирилло-мефодиевское наследие.

Игумен Новгородского Антониева монастыря Моисей и епископ Белгородский Григорий являются авторами поучений, главной идеей которых выступает переосмысленный ими аристотелевский принцип «золотой середины» – понятие «умеренности», трактуемое как «всему своё время и мера, а что сверх меры – то грех» [8, 213]. Моисей пишет о том, что «Бог вложил человеку любое желание духовных и плотских поступков» [8, 214]. Дуализм души и тела присутствует, но автор ничего не говорит о необходимости «умерщвления плоти», аскетизм, по его мнению, является противоестественным. Высокоморальный индивид тот, кто живёт в миру, выполняет общие предписания церкви и, самое главное, – во всём знает меру. В «Поучении о чрезмерном пьянстве» Моисея говорится:

«Пусть каждый, веры достойный, обычая держится так: желанью – время, а на избыток желания узду налагать воздержанья; если же будет желание в пору, то делай, что хочешь – но в меру, а не безмерно» [8, 214].

Такой подход обогащал цели, содержащиеся в восточнославянской педагогической традиции X–XIII вв., придавал им более прагматичный оттенок, что, в свою очередь, способствовало более эффективному осуществлению воспитательного процесса как в изучаемый период, так и в последующие эпохи.

Список основных источников

1. Лёгенький, Г.И. Цель и способы воспитания / Г.И. Лёгенький. – М.: Педагогика, 2003. – 136 с.
2. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1992. – 350 с.
3. Федосий Печерский. Слово о терпении и о любви // Златоуструй. Древняя Русь X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 154–156.
4. Илларион, митрополит Киевский. Слово о законе и благодати // Златоуструй. Древняя Русь X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 106–121.
5. Кирилл Туровский. Притча о человеческой душе и теле // Златоуструй. Древняя Русь X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 193–202.
6. Кирилл Туровский. Повесть о белоризце-человеке и о монашестве // Златоуструй. Древняя Русь X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 202–208.
7. Владимир Мономах. Поучение // Златоуструй. Очерки древнерусской духовности. – М.: Молодая гвардия, 1991. – С. 164–167.
8. Моисей Новгородский. Поучение о чрезмерном пьянстве // Златоуструй. Древняя Русь X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 214.

КІЕЎСКАЯ МІТРАПОЛІЯ Ў ПОЗНІМ СЯРЭДНЯВЕЧЧЫ: ЦЭНТРАБЕЖНЫЯ ТЭНДЭНЦЫ І БАРАЦЬБА ЗА АДЗІНСТВА

С.А. Чаропка

УА ГДУ ім. Ф. Скарыны

У Беларусі, як і ў многіх іншых еўрапейскіх краінах, хрысціянская царква ўжо на працягу тысячагоддзя ў тым ці іншым выглядзе з'яўляецца неад'емнай часткай жыцця грамадства. Хрысціянства аказала велізарны ўплыў на светапогляд нашых продкаў, сфарміравала пэўныя культурныя стэрэатыпы і вызначыла жыццёвыя каштоўнасці, якія да сённяшняга дня ўплываюць на жыццё практычна любога чалавека. Гісторыя царквы традыцыйна выклікае цікавасць грамадства і нягледзячы на тое, што пазначаная праблематыка ў тым ці іншым ракурсе ўжо не раз падвяргалася вывучэнню сур'ёзнымі даследчыкамі, патэнцыял гэтай праблемы яшчэ застаецца велізарным [1].

На наш погляд, вывучэнне няпростага шляху развіцця праваслаўнай царквы на Русі, а таксама асобных яе аспектаў, уяўляецца даволі актуальнай задачай як з грамадска-палітычнага, так і з навуковага пункту гледжання. Адзначым, што ў дадзенай працы пад “рускімі” землямі мы разумеем дзяржавы і тэрыторыі, якія ўтварыліся ў ходзе распаду

Старажытнарускай дзяржавы і населення людзьмі, якія сталі этнічным базісам для фарміравання такіх сучасных нацый, як беларусы, украінцы і рускія.

Важным момантам у гісторыі праваслаўнай царквы на Русі стала мангола-татарскае нашэсце. У новых палітычных умовах кіраўніцтва царквы вымушана было зрабіць выбар: прыстасоўвацца да мангола-татараў або стаць на шлях барацьбы з імі, абапіраючыся на падтрымку заходніх краін, што абавязкова паставіла б пытанне аб царкоўнай уніі. Абраны ў 1242 годзе мітрапаліт Кірыл асноўным вектарам сваёй палітыкі выбраў супрацоўніцтва з Ардой. У самой жа Русі да 1251 года мітрапаліт абапіраўся на галіцка-валынскага князя Данілу, аднак, пасля разгортвання ім праходнай палітыкі, Кірыл пераарыентаваўся на падтрымку лаяльнага да мангола-татараў уладзімскага князя Аляксандра Неўскага. Мітрапаліт перабраўся ва Уладзімір-на-Клязьме, а кіеўская кафедра апусцела. Пасля смерці Кірыла з Канстанцінопаля на Русь у 1283 г. прыбыў мітрапаліт Максім. У 1299 г. ён канчаткова перанёс рэзідэнцыю мітрапаліта з Кіева ва Уладзімір.

Аднак перамяшчэнне рэзідэнцыі кіеўскага мітрапаліта ва Ўладзімірскую зямлю выклікала галіцка-валынскага князя Юрыя Львовіча, які меў патрэбу ў антыардынскай царкоўнай іерархіі. Па яго просьбе патрыярх Афанасій Гліке ў 1303 (1305) г. узвёў у сан мітрапаліта галіцкага біскупа Ніфонта. Гэта падзея стала пачаткам раскола Кіеўскай мітраполіі на дзве асобныя царкоўныя структуры: мітраполіі Малой Русі і Вялікай Русі [2, с. 28]. Пасля смерці Ніфонта ў 1307 г. Юрый Львовіч вылучыў свайго прэтэндэнта на Галіцкую кафедру – ігумена Пятра. Аднак у гэты час ва Ўладзіміры памёр кіеўскі мітрапаліт Максім і Пётр ў 1308 г. стаў новым не галіцкім, а кіеўскім мітрапалітам. У 1325 г. ён пераехаў з Уладзіміра ў Маскву.

Аднак поўнага аб'яднання Кіеўскай мітраполіі дамагчыся не ўдалося. На непадкантрольнай мангола-татарам тэрыторыі ВКЛ паўстала патрэба ва ўласнай праваслаўнай іерархіі. У ВКЛ паралельна Маскве пачала фармавацца мітраполія з цэнтрам у Наваградку. Відавочна, што для вызваленых ад Арды праваслаўных земляў патрабаваўся незалежны ад яе духоўны лідэр, а кіеўскі мітрапаліт, які знаходзіўся ў праардынскай Маскве, адыгрываць такую ролю не мог.

У 1317 г. была створана Літоўская мітраполія з цэнтрам у Наваградку [3, р. 72, 143]. У 1328 г. у Навагрудку адбыўся сабор, які сведчыць аб уваходжанні у Літоўскую мітраполію Перамышльскай, Луцкай, Тураўскай, Холмскай, Уладзімірскай і Галіцкай епархій. [4, с. 52–56]. Пасля смерці ў 1326 г. кіеўскага мітрапаліта Пятра новы мітрапаліт Феагност ў 1328 г. з Канстанцінопаля накіраваўся адразу ў Маскву, што абумоўлена інтарэсамі знешняй палітыкі Візантыі. Пасля смерці Феафіла новы літоўскі мітрапаліт ня быў прызначаны.

Аднак адзінства царкоўнай структуры ўсё ж зноў не было ўстаноўлена. У Галічы быў абраны мітрапалітам Гаўрыіл, што стала прадвеснікам адраджэння Галіцкай мітраполіі. У сярэдзіне 1340-х г. адміністрацыйны падзел мітраполій праходзіў наступным чынам. Белградская, Чарнігаўская, Полацкая, Уладзімірская, Турава-Пінская, Смаленская, Галіцкая, Перамышльскага, Холмская, Луцкая і Бранская епархіі ўваходзілі ў Галіцкую мітраполію Малой Русі. У складзе Кіеўскай мітраполіі знаходзіліся Уладзіміра-Суздальская мітрапаліцкая вобласць, Растоўская, Разанская і Сарайская епархіі. За Наўгародскую і Цвярскую епархіі, а таксама Пскоўскую рэспубліку працягвалася барацьба.

У верасні 1347 г. у Візантыі адбыліся сур'ёзныя палітычныя змены. На чале імперыі стаў Ян VI Кантакузін, дзякуючы якому кіеўскаму мітрапаліту Феагносту удалося атрымаць буйную дыпламатычную перамогу. Імператар, які, імкнуўся аб'яднацца на саюз з татарамі, абвясціў аўтарытэтнага ў Ардзе Феагноста мітрапалітам Кіеўскім і ўсяе Русі. Аднак для вялікага князя літоўскага Альгерда, які актыўна праводзіў палітыку вызвалення рускіх зямель ад татараў, а гэта значыць выводзіў з-пад кантролю маскоўскіх князёў значныя тэрыторыі, важна было мець падтрымку з боку праваслаўнай царквы. На праардынскага Феагноста Альгерд не мог разлічваць. У сувязі з гэтым для князя было неабходна адрадзіць праваслаўную мітраполію ў Літоўска-Рускай дзяржаве.

Па даручэнні Альгерда у 1352 г. у расколатую грамадзянскай вайной Візантыю прыбыў як кандыдат ад Вялікага княства Літоўскага на кафедру мітрапаліта Русі Феадарыт [3, р. 350–351]. Канстанцінопальскай ўрад Яна VI Кантакузіна, адмовілася зацвердзіць Феадарыта, аднак ён быў падтрыманы партыяй прыхільнікаў Яна V Палеолага. У 1354 годзе, праз год пасля смерці Феагноста, урад Кантакузіна прызначыў мітрапалітам маскоўскага вучня Феагноста ўладзімірскага епіскапа Алексія. У сваю чаргу Тырновскі патрыярх, які падтрымліваў Яна Палеолага ў 1355 годзе ўзвёў на літоўскую кафедру Рамана.

Паміж мітрапалітамі Раманам і Алексіем пачалася барацьба за Кіеўскую кафедру. У выніку патрыярх Каліст ўзаконіў існаванне двух царкоўных структур на Русі. За Раманам ён замацаваў тры літоўскія епархіі (Малога Ноўгарада, Полацка і Турава), «яшчэ і епархіі Малой Русі», а за Аляксіем Кіеў, Бранск і Вялікую Русь [2, с. 28; 4, р. 441]. Праціборства мітрапалітаў скончылася са смерцю Рамана ў 1362 г., пасля чаго усе рускія епархіі былі зноў аб'яднаны кіеўскім мітрапалітам з Масквы. У 1371 г. Альгерд, скардзіўся патрыярху на варожасць мітрапаліта Аляксія, і прасіў патрыярха даць яму асобнага мітрапаліта «на Кіеў, Смаленск, Цвер, Малую Русь, Навасіль і Ніжні Ноўгарад» [5, с. 32; 6, с. 806].

Вызваленне Альгердам Кіева ад татараў закрыла дарогу кіеўскаму (рэальна – маскоўскаму) мітрапаліту Алексію шлях у гэты старажытны

культурна-рэлігійны цэнтр Русі. Для разбору сітуацыі ў 1373 г. патрыярх Філафей накіраваў на Русь свайго эклісіярха Кіпрыяна, які пачаў праводзіць палітыку прымірэння літоўскіх, смаленскіх і цвярскіх князёў з мітрапалітам Алексіем. Аднак намаганні Кіпрыяна апынуліся марнымі, у сувязь з чым 9 чэрвеня 1376 г. ён быў прызначаны патрыярхам кіеўскім мітрапалітам, але і Алексій не адмовіўся ад тытула. Зноў узнікла дзве юрысдыкцыі на Русі – у Літве і Масковіі, аднак у параўнанні з мінулымі часамі сітуацыя была іншай. Цяпер мітрапаліт, які афіцыйна меў статус “кіеўскага” быў у Вялікім княстве Літоўскім, а не Маскоўскім.

Пасля смерці Алексія ў 1378 Кіпрыян, згодна з рашэннем патрыяршага сабору 1375 г., паспрабаваў аб’яднаць Кіеўскую мітраполію, аднак сутыкнуўся з упартым супрацівам маскоўскага князя [6]. Дзмітры Данскі жадаў мець залежнага ад сябе першаіерарха. Аднак спроба «правесці» на мітраполію Міцяя праз Памесны сабор не ўдалася. Для разбору гэтай сітуацыі Кіпрыян і Міцяй адправіліся ў Канстанцінопаль, аднак маскоўскі прэтэндэнт памёр па дарозе і яго замяніў адзін з удзельнікаў дэлегацыі Пімен.

Вынік патрыяршага суда быў наступным – Кіпрыян застаўся мітрапалітам Літвы і Малой Русі, з той умовай, што пасля яго смерці Пімен распаўсюдзіць сваю ўладу і на літоўскія епархіі. У лютым 1389 г. новы патрыярх Антоній, аднавіў Кіпрыяна ў статусе мітрапаліта Кіеўскага і ўсяе Русі, т.ч. Пімен апынуўся па-за законам. Спробы Пімена змяніць рашэнне патрыярхіі апынуліся беспаспяховымі [7].

6 сакавіка 1390 г. Кіпрыян прыбыў у Маскву. Аднак адзінства мітраполіі аказалася хутчэй фармальным, чым рэальным. Па-за рэальнай юрысдыкцыяй Кіпрыяна заставалася Галіцкая епархія, якая знаходзілася ў складзе Польшчы, акрамя таго фактычна незалежным заставаўся наўгародскі архіепіскап.

Пасля смерці Кіпрыяна у 1408 г. патрыярх Мацей высвяціў у мітрапаліта Кіеўскага і ўсяе Русі Фоція. Ва ўмовах суперніцтва паміж Літоўска-Рускай і Маскоўскай дзяржавамі адназначная падтрымка Фоціем апошняга выклікала канфлікт мітрапаліта з вялікім князем Вітаўтам. Вялікія зборы з духавенства і вываз іх у Маскву таксама не падымалі аўтарытэту Фоція ў Літоўскай Русі. Зыходзячы з інтарэсаў Вялікага княства Літоўскага і Рускага Вітаўт у 1412–1414 гг. фактычна выгнаў Фоція з Кіева. 15 лістапада 1415 г. Вітаўт правёў сабор у Наваградку, на якім удзельнічалі як прадстаўнікі духавенства, так і свецкія праваслаўнага веравызнання. Была падпісана Саборная грамата аб абранні малдаўска-ўлахійскага епіскапа Рыгора Цамблака і прысвячэнне яго ў мітрапаліта Кіеўскага і ўсяе Русі. У 1416 г. Рыгор, пасля набегу крымскіх татараў на Кіеў, перанёс кафедру ў Вільню, а сваёй рэзідэнцыяй выбраў Навагрудак. У 1418 г. мітрапаліт з вялікім пасольствам, якое складалася з 300 прадстаўнікоў Літоўскай Русі, Ноўгарада, Малдовы, адправіўся на

Канстанцкі сабор, дзе, між іншым, правёў набажэнства, якое сведчыць аб выкарыстанні праваслаўнай царквой ВКЛ траяперсця [8, с. 361–370].

Пасля смерці Рыгора праваслаўныя епархіі Літоўскай Русі зноў апынуліся пад уладай мітрапаліта Фоція, аднак з яго смерцю ў ліпені 1431 г. зноў паўстала пытанне аб прызначэнні новага мітрапаліта. У Маскоўскай дзяржаве фактычным кіраўніком царквы становіцца епіскап разанскі і мурамскі Іона. З 1432 г. ён стаў называцца «наречённым в святейшую митрополию Русскую». Аднак патрыярх Іосіф II не зацвердзіў Іону, а прызначыў мітрапалітам Кіеўскім і ўсяе Русі «літоўскага» кандыдата Герасіма. Кананічная ўлада Герасіма распаўсюджвалася акрамя Літоўскай Русі таксама на Ноўгарад і Пскоў. Герасім трагічна загінуў у 1435 г. падчас грамадзянскай вайны ў ВКЛ, таму ў 1436 г. мітрапалітам стаў адзін з найбольш адукаваных прадстаўнікоў візантыйскага духавенства – Ісідар, што не прызналі ў Маскоўскай дзяржаве. Актыўны ўдзел Ісідара ў справе аб'яднання хрысціянскіх цэркваў на Фларэнційскай саборы паставіла яго фактычна па-за законам у ВКМ. Калі ён, ужо будучы канстанцінопальскім патрыярхам, у 1458 г. прызначыў мітрапалітам Кіеўскім і ўсяе Русі Рыгора Балгарына, працэс выдзялення Маскоўскай мітраполіі актывізаваўся.

У 1459 г. у Маскве прайшоў сабор, на якім канстатавалася, што маскоўская мітраполія канчаткова вылучылася з Кіеўскай і такім чынам скончыўся складаны, але гістарычна заканамерны працэс афармлення двух царкоўных структур для двух дзяржаў, якія спрачаліся за спадчыну Старажытнай Русі.

Спіс асноўных крыніц

1. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн.2: История России с древнейших времен. Т. 3–4 / С.М. Соловьев. – М.: Голос, 1993. – 768 с; Карташев, А.В. Очерки истории Русской церкви / А.В. Карташев. – Париж: YMCA, 1959. – Т.1. – 685 с.; Никольский, Н.М. История русской церкви/ Н.М. Никольский. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1985. – 448 с.;
2. Соловьёв, А.В. Великая, Малая и Белая Русь / А.В. Соловьёв // Вопросы истории. – № 7. – 1947. – С. 24–38.
3. Miklosisch, F. Acta et diplomata Graeca mediae aevi / F. Miklosisch, I.Müller. V. 1. T. 1. – Vindobonae, Carolus Gerold, 1860. – 607 p.// <http://anemi.lib.uoc.gr/>
4. Regel W. Analecta Byzantino-Russica. Petropoli; Lipsiae–1891. – P. XXXII–XXXVII.
5. Грамота литовского князя Ольгерда к патриарху Филофею, (1371 год)// Мейендорф, И., Византия и Московская Русь. – Paris: YMCA-PRESS, 1990. – С. 805-806.
6. Грамота митрополита Киприана // Памятники древнерусского канонического права // РИБ, Т. VI. – СПб., 1880. – Ч. I. – С. 173-187.
7. Прохоров, Г.М. Летописная повесть о Митяе / Г.М. Прохоров // <http://odrl.pushkinskiydom.ru/>
8. Успенский, Б. Этюды о русской истории / Б. Успенский. – СПб: Азбука, 2001. – 480 с.

Секция 3
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

“КАЛІНОЎШЧЫНА” Ў РАННЯЙ ПРОЗЕ У. КАРАТКЕВІЧА
І Л. РУБЛЕЎСКОЙ

А.В. Герцык

УА МДПУ ім. І.П.Шамякіна

Аналіз ранняй прозы абодвух аўтараў выяўляе любоў да гісторыі беларускага народа, яго духоўнасці і таленавітасці. У 1952 годзе на беларускай мове напісана апавяданне У. Караткевіча “Паляшук”, упершыню апублікаванае на старонках газеты “Літаратура і мастацтва” ў 1987 годзе. Яно вяртае нас да часоў разгрому паўстання Каліноўскага напачатку 60-х гадоў XIX стагоддзя. Эпіграф, якім пачынаецца твор, падводзіць чытачоў да таго, што аповед пойдзе пра трагічныя і драматычныя лёсы ўдзельнікаў паўстання.

Пачатак апавядання “Паляшук” уражвае эмацыйнасцю і напружанасцю аўтарскага апаведу: “Край дагараў, і разам з тым выпаўзала на свет тое, што раней старанна хавалі: здрада, падлога і мярзотны жах. Усе падонкі людства пачалі сваю мышынную вазню ля гожага нават зараз трупа Паўстання. Махровымі кветкамі ўзраслі лжывыя даносы, шантаж, правакацыя. Спуджаныя бюргеры выкладвалі з кішэняў столькі грошай, сколькі жадаў агаворшчык, абы толькі потым, пры вобыску, не знайшлі дзесьці ў доме альбо ў адрыве падкінутай зброі” [1, с. 72]. Пісьменнікам досыць умела спалучаюцца розныя стылі: вайсковы загад і эмацыйная характарыстыка здраднікаў, рамантычна ўзвышаны вобраз Паўстання суседнічае с людскай мярзотай і супрацьстаіць ёй.

Рух сюжэту вызначаецца супрацьстаяннем капітана Румянцава і палешука, імя якога не называецца, відаць свядома і падкрэслена такім чынам тыповасць вобраза. Румянцаў падцягнуты, вопытны вайсковец, але яго душа не знаходзіць спакою, бо яе раз’ядае знутры асэнсаванне таго, што робіцца не тое, што трэба. Паляшук паказаны такім, які ён ёсць: бедны, у простым адзенні, непрыгожы і знясілены, але ўнутрана моцны і непакісаны: “Ён быў данельга брудны, з амаль бязвусым тварам, і таму цяжка было станоўча сказаць, стары ён ці малады. Нізенькі, у нязменных поршнях і кажуху, з голаю галавою, ён стаяў перад афіцэрамі, шчыльна сціснуўшы сківіцы. Выцягнутая з-за паяса сякера і старая стрэльба, а таксама вагніва і кремень у скураной торбачцы былі ўлікамі” [1, с. 72–73]. Але у сваю апошнюю хвіліну ён робіцца нібыта вышэйшы ростам: яго выпрамяе вялікая ідэя свабоды, якая прагучала ў яго апошніх словах: “Гэта я падпаліў, – сказаў ён. – Вы мяне заб’яце, але я сваё імя перадаў іншаму, і ён вас таксама падпаліць і заб’е, бо кроў бедных людзей... І вы

прыйшлі ў гэты лес, не паклаўшы хлеба на пень, і ён вас не выпусціць адсюль. Вы тут памраце, бо вы кепскія людзі, і я вас сапсаваў” [1, с. 76].

І побач з гэтай сцэнай у апавяданні змешчаны не менш драматычны эпизд, калі з’яўляецца жонка палешука з дзецьмі. Яе партрэт выпісаны таксама падкрэслена рэалістычна, ён арганічна перагукваецца з партрэтам яе мужа: “...ля самай дарогі стаяла нейкая жанчына ў лахманах, са змрочным тварам, падобным на твар заморанай разумнай жывёліны. Двое дробных дзяцей трымаліся за яе падол, трэці вісеў у нейкім лянтуху за плячыма. У яе былі сурова нахмураныя бровы і глыбока праваленыя вочы, якія глядзелі некуды ў бок паляны” [1, с. 175]. Кожная с мастацкіх дэталю вельмі красамоўная, усе разам падкрэсліваюць драматызм становішча жанчыны, якая толькі што стала ўдавой. Раптам і Румянцаў, і Ратч, якія прычынліся да расстрэлу ні ў чым не павіннага чалавека, пачулі яе лямант-вой. Плач жанчыны так падаецца пісьменнікам, што ўзнікае адчуванне распачнага смутку-жалобы самой зямлі.

Апавяданне “Паляшук” – гэта, як нам бачыцца, першая мастацкая апрабацыя тых ідэй і вобразаў, якія складуць аснову канцэптуальнай сутнасці, якой вызначаецца пралог да рамана “Нельга забыць”. І хоць асноўная ўвага аўтара скіравана на трагедыю сялянства, якое традыцыйнай гістарычнай навукай лічылася асноўнай рухаючай сілай паўстання, аднак выклікаюць пэўную цікавасць і вобразы афіцэраў рускай арміі, якія кіравалі карнымі акцыямі на мяцежных ускраінах расійскай імперыі. Асабліва вобраз Ратча. Па нараджэнні ён ліцвін, шляхціц, а па адукацыі і запатрабаваннях – бліжэй да расійскай культуры. Гэтая супярэчнасць этнічнага і культурнага вызначае сутнасць яго паводзін. Ён разумее гэтага непісьменнага палешука лепш за астатніх сваіх саслужыўцаў; Ратч адчувае тое, што яны не ў стане адчуць: “Ратчу падабаўся гэты дзікун, нягледзячы на тое, што гэта была жывёла, тупая і знікаючая з кожным пакаленнем. Бачная была ў гэтай жывёле нязломнасць. Калі паляшук глядзеў на пушчу – Ратчу здавалася, што гэта арал, пасаджаны ў клетку, пазірае на высокія, залітыя сонцам горы. Там шмат часу трымаецца святло, а тут, па лагчынах, ужо ляжыць цемра і імгла, і ніколі ўжо не прашумець яму на верхавінах магутнымі сваімі скрыдламі. Ратч любіў селяніна сваіх беларускіх абшараў, пакорнага, рэлігійнага, набітага забабонамі да мазга касцей і, разам з тым, моцнага, вытрымлівага” [1, с. 74]. Пісьменнік падводзіць чытача да разумення традыцыі быцця беларускай шляхты, што аказалася на дзяржаўнай службе ў статусе расійскага вайсковага чыноўніка.

У пралогу да рамана “Нельга забыць” вобразы Сорава і Пору-Леановіча шмат у чым нагадваюць афіцэраў з апавядання “Паляшук”. Пры гэтым на новым канцэптуальна-эстэтычным узроўні выяўляецца прысутнасць беларускай шляхты ў гісторыі паўстання 1863 года.

Праз некалькі дзесяцігоддзяў і Людміла Рублеўская ў сваіх “Шляхецкіх апавяданнях” таксама звяртаецца да гісторыі паўстання 1863

года. На пачатку апавядання “Слова гонару” яна малюе партрэт стомленага маладога шляхціца Андруса, які хаваецца ад жандараў, што ідуць па ягоных слядах: “Пачыналіся цёмныя лістападаўскія ночы – бяззорныя, чорныя, быццам сама безнадзейнасць, перавітая жалобнымі стужкамі смугі. Андрусь слабеў. Кожны крок даваўся з цяжкасцю – усё-ткі застудзіўся тады, у халоднай, засыпанай срэбнай восеньскай расой лагчыне. Коні жандараў тупаталі наверх, на ўзгорку, і нельга было нават паварушыцца, каб адчуць знямелае ад холаду цела – нібыта яно само ўжо з туману і мокрай зямлі” [2, с. 321].

Як і ў ранняга У. Караткевіча, у апавяданні яго паслядоўніцы адчувальны той жа трагедынны пафас: прырода прымае на сябе жалобную адзнаку безнадзейнасці, марнасці спадзяванняў персанажа на магчымае ўратаванне. Толькі як творца Л. Рублеўская прадстаўляе іншы час. Быў вопыт У. Караткевіча, былі новыя матэрыялы (архіўна-дакументальныя, навуковыя) наконт гісторыі паўстання і лёсу паўстанцаў. І найперш лёсу і ролі ў паўстанні беларускай шляхты. Невыпадкава герой яе апавядання – малады шляхціц. Ці не следам за Караткевічам яна надзяляе і адпаведным іменем – Андрусь. У творах яе літаратурнага папярэдніка часта сустранем імя Андрэй: у “Дзікім паляванні караля Стаха” – гэта Андрэй Беларэцкі і Андрэй Свеціловіч, у рамане “Нельга забыць” – Андрэй Грынкевіч.

Значым, што пры некаторым знешнім падабенстве у Л. Рублеўскай адчуваецца свой падыход да той гістарычнай эпохі. Сюжэт, у прыватнасці, набывае камерны характар, галоўнай робіцца гісторыя няўдалага кахання Андруса і Анэлі, якая ахвяравала сваім шчасцем, каб выратаваць жыццё каханага. Рэалізм мастацкіх дэталей, лаканічная манера аповеду, уласцівая для караткевічаўскага твора, у Л. Рублеўскай набывае іншы характар: публіцыстычныя адступленні ў тэксце “Слова гонару” вытрыманы ў прыгожым, умоўна-кніжным стылі: “Гэта здарылася якраз два гады таму. Магічнае слова “воля” яднала людзей, і перамога, здавалася, вось-вось спусціцца да іх па срэбных аблачынках, і пратрубіць у залатую трубу, і ўзмахне празрыстымі крыламі над іхняй зямлёй, назаўжды вольнай” [2, с. 323].

Калі ў Караткевіча ворагі палешука намаляваны мярзотнымі нягоднікамі, то Валянцін і Андрусь не саступаюць адзін аднаму, расіянін таксама трымае слова гонару, як і Андрусь – вернасць паўстанню. Самае складанае становішча, безумоўна, у Анэлі, якая больш абвострана ў параўнанні з мужчынамі ўспрымае падзеі. Не трэба забывацца, што Л. Рублеўская – сама жанчына, таму і надала сваё, жаночае, бачанне маральнай калізій апавядання.

У. Караткевіч таксама спалучыў тэму кахання і барацьбы супраць расійскага самаўладдзя ў апавяданні “Кніганошы”. Расійскія рэвалюцыянеры-дэмакраты карыстаюцца пракламацыямі і літаратурай, якую выдаюць за мяжой, а праз мяжу яе носяць кантрабандысты-кніганошы. Пісьменнік у экспазіцыйнай частцы апавядання з іроніяй

малое грамадска-палітычную сітуацыю пасля забойства Аляксандра II: “Бо нейкія людзі, у парыве сыноўскай удзячнасці, кінулі дзве бомбы ў цара-вызваліцеля і разнеслі яго ў шматкі. Гэта было нечувана і супраціўна Богу. Таму забойцаў павесілі, а на месцы замаху пабудавалі храм з чырвонага граніту.

Але нішто не змянілася. Пакутнік спачываў у Бозе, або ў фамільнай царскай магільні, а змусцілі баламуцілі і падбухторвалі людзей. І вось таму пагранічнай варце даводзілася мала спаць: з-за мяжы насілі крамолу – літоўскую, рускую, польскую, а за апошні час – як невыразна казалі пагудкі – яшчэ і нейкую мясцовую, тутэйшую” [1, с. 261]. Апошняя фраза датычыцца першых спроб выдання кніжак на роднай, беларускай, мове.

Галоўных герояў два: абруселы немец Фердзі Вольке і прапаршчык Алег Буткевіч, беларус, сын эканомы з невялікага маёнтка, які марыць пра подзвігі і славу, а яшчэ і пра каханне: “Значыць – подзвіг і каханне. Другую частку свае жыццёвае праграмы прапаршчык нядаўна пачаў выконваць: выпадкова сустрэў на месчачковым кірмашы сялянскую дзяўчыну і вось ужо восьмы раз хадзіў за сям вёрст у мястэчка, каб убачыць яе. Імя ў яе было цудоўнае – Гануся, ды і ўся яна як найлепш падыходзіла для будучай рамантычнай гісторыі: сінявокая, ціхая, сціплая, але ў кожным руху стрыманая сіла. А пра хаду і казаць не трэба. Дзіва, а не хада! Лебедзь плыве, а не дзяўчына ідзе! Словам, у гэтым сэнсе Буткевіч быў цалкам давольны сабою” [1, с. 264]. Душа Алега поўніцца рамантычнымі марамі, але жыццё хутка не пакідае ад іх нічога: у сакрэце пагранічнікі застрэлілі спачатку брата, а потым і бацьку Ганусі. І толькі пасля гэтага яна прызналася, што з’яўляецца дачкой славутага кантрабандыста Карча, а потым праклінае юнака: “ – Ён не ведаў, – сказала яна. – Дык ведай: і татка... і брат... мае... Думаеш – не плакала, дык і не мае. Гонару многа яшчэ перад вамі плакаць. Нашы гэта ведаюць. <...> – Ідзі адсюль. Духу каб твайго не было” [1, с. 275].

Буткевіч знаходзіць у сабе сілы, каб адмовіцца ад мар пра вайсковую славу і подзвігі. Цаной маральных пакут ён знаходзіць сваё месца ў жыцці: “Заўтра я падам у адстаўку, Вольке. І вы падтрымаеце мяне. І няхай суд, а я з’еду з кардона зараз, цяпер” [1, с. 275].

Падобная ж сітуацыя разгорнута ў апавяданні Л. Рублеўскай “Цені забытага карнавалу”. Наста і Стась пакахалі адно аднаго, але яны нічога не ведаюць пра мінулае. Справа ў тым, што бацька Стася ўзначальваў карны атрад, які вынішчаў паўстанцаў і іх памочнікаў, ад яго пацярпелі пан Міхал і Магда Карвары, бацькі Насты. Мінула дваццаць гадоў, дзеці падраслі, і здарылася непазбежнае: яны казалі адно аднаму пра свае пачуцці. Здаецца, што “шчасце так блізка, так магчыма”, але мінулае ўварвалася ў гэту ідылію і літаральна праз хвіліну страшная праўда паўстала перад імі. Міхал Карвар схільны ўсё дараваць, але Магда, яго жонка, дараваць не хоча нікому і нічога: “Дараваць і забываць – гэта мы, беларусы, умеем. Ты

ўжо забыўся, што Залесе належала тваім продкам на працягу пяці стагоддзяў? Ты забыўся, што трыццаць сем'яў з Залесея панам палкоўнікам, цяперашнім гаспадаром, былі высланыя ў Сібір, за дапамогу бунтаўшчыкам – былым іхнім панам? А мужчыны перад гэтым пакаштавалі бізуна. І ніхто з сасланых не вярнуўся. А цяпер на грошы, сабраныя з палескіх сялян, вучыцца гэты высакародны паніч. Які таксама збіраецца сялян вызваляць... Няхай бы вызваліў хоць аднаго з тых, сасланых ягоным бацькам! <...> І ты дапусціш, каб твая дачка, а ў мяне ёсць такія падазрэнні, пакахала сына падлюгі і ката, чалавека, які колісь гнаў цябе ў каменным лёху і загадваў карміць сялёдкай і не даваць вады, каб змусіць прадаць братоў? А табе было ўсяго васьмнаццаць, і яны не мелі ніякіх доказаў, што ты быў інсургентам... І калі я дабілася спаткання, ты быў увесь спухлы і скусаны пацукамі і вошамі і не мог трымацца на нагах... А калі цябе пацягнулі назад, я бачыла, як гэты... чалавек... ударыў цябе па твары, напярэдні надзеўшы скураную пальчатку. Як быццам выконваў непрыемную, але карысную і патрэбную працу. Я не магу гэтага забыць, Міхал..." [2, с. 376]. І калі ў апавяданні Караткевіча Алег Буткевіч знайшоў у сабе сілы перажыць эмацыйны катарсіс і вярнуцца да свайго народа, да сваіх братоў, то Стась такога выйсця знайсці не здолеў і таму скончыў жыццё самагубствам. Юнак з апавядання Л. Рублеўскай мусіць таксама беларус, бо імя "Стась" (Станіслаў) не расійскае. Апроч таго, носьбіткай родавай памяці ў пісьменніцы з'яўляецца жанчына, маці, Магда Карвар, тады як Міхал здольны дараваць свайму ворагу мінулае і не супраць кахання Насты і Стася.

Ёсць і яшчэ адзін аспект, які яднае абодва апавяданні, – гэта матыў кахання дзяцей, чые бацькі з'яўляюцца ворагамі. Гэты матыў прадстаўлены ў сусветнай літаратуры трагічнымі вобразамі Рамэа і Джульеты з аднайменнай трагедыі У. Шэкспіра, а таксама вобразамі Агнесы і Атакара з трагедыі Генрыха фон Кляйста "Сям'я Шрофенштэйн". Гэта яшчэ адзін доказ таго, што беларускае прыгожае пісьменства паспяхова развіваецца ў рэчышчы сусветнай мастацкай культуры, а творчасць У. Караткевіча і яго паслядоўнікаў – выдатны доказ таго, што наша літаратура, мастацтва даўно пазначана не толькі праявамі тутэйшасці (праява нацыянальнай адметнасці), але і таленавітым узбагачэннем сусветнай літаратурнай традыцыі.

Спіс асноўных крыніц

1. Караткевіч, У. Поўны збор твораў у 8-мі тамах / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1988. – Т. 3: Проза. – 512 с.
2. Рублеўская, Л.І. Ночы на Плябанскіх млынах: раман, аповесць, апавяданні / Л.І. Рублеўская. – Мінск: Маст. літ., 2013. – 526 с.

ОЛИМПИАДА ПО ИСТОРИИ В ШКОЛЕ: МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ТУР

С.А. Жук

УО БрГУ им. А.С. Пушкина

Изучение истории в школе – не только работа с текстом учебного пособия и историческими документами, но и знакомство со средствами наглядности. Средства наглядности позволяют более полно изучить темы по предмету, способствовать росту интереса учащихся к истории, формировать образное нестандартное мышление, научное мировоззрение, способствовать выработке нравственных оценок. Средства наглядности привлекают учащихся как необычная форма работы на уроке и факультативных занятиях. Поэтому неслучайно в структуру олимпиады по истории в Республике Беларусь стали включаться задания, связанные с работой с иллюстративным материалом. Проанализируем динамику включения таких заданий в структуре третьего и заключительного этапов Республиканской олимпиады. В олимпиадных заданиях 1998–2004 учебных лет такие задания не встречается [5], в заданиях 2005–2007 учебных лет составляет 5–10%, в 2008/2009 учебном году – 18%. Таким образом, видна динамика поэтапного увеличения удельного веса заданий с использованием иллюстративного материала. Дальнейший рост таких заданий количественно в структуре олимпиады был невозможен. Подспорьем в решении данной проблемы стала программа «Комплексной информатизации системы образования Республики Беларусь на 2007–2010 годы», которая создала все условия применения электронных средств обучения, как на учебных занятиях, так и во внеаудиторном процессе. Таким образом, с 2013/2014 учебного года в структуру олимпиады был включен мультимедийный тур, который включает в себя работу исключительно с фото- и видеоматериалами. На современном этапе общий удельный вес таких заданий достигает 30–35% [6].

Мультимедийный тур значительно “подогревает” интерес учащихся к олимпиаде, способствует многоаспектной подготовке как к нему, так и к олимпиаде в целом. Для составителей и организаторов также стало проще включать иллюстрационные задания в олимпиаду, была значительно (25–30% – подсчитано автором) снижена себестоимость распечатки бланков заданий.

Остановимся подробнее на методике подготовки и составления заданий с использованием фото- и видеоматериалов. К заданиям с использованием иллюстративного материала относятся: репродукции исторических картин; исторических памятников; портреты исторических деятелей; плакаты и карикатуры [5, с. 3, 8, 15, 56].

Содержание исторических картин способствует формированию представлений учащихся о прошлом, помогает осознать ход исторического процесса. Работа непосредственно с картиной проходит три стадии:

1. Первичное, общее восприятие картины в целом; локализация изображения в историческом времени-пространстве.

2. От общего, привычного восприятия картины, осуществляется переход к осмыслению сюжета.

3. Ответ на поставленный вопрос, решение предложенной проблемы.

Проиллюстрируем данный алгоритм на примере учебной картины художника В.А. Малышева “Сожжение Джордано Бруно” [5, с. 51]. Прежде всего, следует обратить внимание на фон изображенного события: классическая западноевропейская площадь с типичными для XVI в. домами и храмами, вдали даже виден купол собора, который можно идентифицировать как собор святого Петра, перестроенный в барочном стиле. Таким образом, событие произошло в Риме в конце XVI – начале XVII века. Центральное место на картине занимает казнь еретика – аутодафе, рядом с ним изображены палач и священник, поодаль – Папа Римский и кардиналы. В итоге, учащиеся вспоминают изученные материалы по теме “Утверждение новой культуры” и определяют главного героя картины – Джордано Бруно. Достаточно часто в задании иллюстративный материал соединяется в блоки, связанные одной темой. Приводим основные варианты вопросов, которые могут включаться в олимпиадные задания:

1. Какое событие представлено на иллюстрации?
2. Кто изображен на иллюстрации?
3. Когда произошло это событие?
4. Где происходит это событие?
5. Укажите значение данного события или личности.

При подготовке к олимпиаде представляется целесообразным строить вокруг иллюстрации (иллюстративного ряда) работу по теме. Это позволит создать в представлении учащихся устойчивую ассоциацию “тема – иллюстративный материал”. Здесь очень важно не сводить все к одной картине, фотографии, чтобы, встретив незнакомую иллюстрацию, учащийся не запаниковал и не пропустил задание. Работая с различными изображениями, учащиеся смогут глубже вникнуть в суть событий, что приведет к повышению качества знаний. Стоит создать иллюстративный ряд важнейших (эпохальных) исторических событий по следующему алгоритму:

Эпоха			
Событие	Дата	Иллюстрация	Автор (если есть)

Репродукции исторических памятников, прежде всего, нужны для изучения вопросов культуры. Работа с иллюстративным материалом по темам культуры должна быть систематической и органично вписываться в структуру дополнительных занятий. Логичным представляется составление таблиц по истории культуры:

Наука			
Изобретение/достижение	Автор	Изображение	Значение
Литература			
Автор	Произведение	Стиль/значение	Связанные иллюстрации
Архитектура			
Архитектурный памятник	Архитектор	Изображение	Стиль Связанные исторические события
Искусство			
Произведение искусства	Автор	Изображение	Стиль/особенности
Музыка			
Автор	Произведение		

Данная таблица в принципе является универсальной и может быть использована при изучении вопросов культуры.

Остановимся подробнее на некоторых архитектурных стилях. Западноевропейские архитектурные стили – романский и готический. Храм-замок X в. в Эйбенсдорфе расположен на высокой скале и окружен крепостной стеной. Культовое значение храма тесно связано с его оборонительным характером. В нем легко рассмотреть черты романского стиля: он представляет собой тип римской базилики, узкие окна размещены высоко под крышей. Собор Парижской богородицы, построенный в XIII веке, является классическим образцом готического стиля [6, с. 49–52]. Наиболее эффективным способом запоминания является рассмотрение архитектурного памятника с разных ракурсов. Было бы полезным установление внутрипредметных связей на уровне архитектурный памятник как фон эпохальных событий.

К изобразительным наглядным пособиям также относятся портреты исторических деятелей, деятелей культуры. Рассматривая портретное изображение того или другого исторического деятеля, учащиеся хотят подробнее узнать его биографию, познакомиться с его деятельностью, эпохой. Портрет нередко раскрывает моральный облик исторического деятеля. Работа с портретом помогает учителю решать этические проблемы: формировать у учащихся гуманистическое мировоззрение, давать оценку деятельности исторических деятелей прошлого и настоящего. Следует также отметить, что использование ЭСО значительно упрощает работу с портретными материалами. Вместе с тем, не стоит выделять портреты в отдельную категорию. Наиболее рациональным способом является комбинирование текста, опорных схем и иллюстраций.

Плакат и политическая карикатура всегда были одним из важнейших средств наглядной агитации. Карикатуры следует использовать не отдельно, в отрыве от изучаемой темы, а в комплексе. Художественные средства, прежде всего гротеск, помогут учащимся глубже понять место данного исторического события в системе изучаемого курса, определить главных действующих лиц, понять причинно-следственные связи [4, с. 129]. В курсе истории Нового времени политическая карикатура широко

используется при изучении Реформации и крестьянской войны в Германии, а также истории Нидерландской революции. Но действительно “идеологическим оружием” плакат стал только с начала XX столетия, поэтому в структуре олимпиады, скорее всего, будут использованы именно плакаты этого периода. Прежде всего, стоит отметить “Окна РОСТА”, агитационные плакаты времен Второй мировой войны. Хорошим методом работы с данным видом иллюстраций является сравнительный анализ, например, советских и коллаборантских плакатов времен Великой Отечественной войны.

В наших предыдущих разработках были предложены варианты заданий с использованием видеофрагментов [1, с. 59, 64; 2, с. 65–66]. С одной стороны, такие задания многим кажутся слишком сложными, с другой стороны, современные школьники в большинстве гораздо чаще работают в Сети, чем читают книги. Все важнейшие события мировой и белорусской истории либо сняты на кинохронику, либо имеют киновоплощение. Много видеоматериалов находится на каналах видеохостинга www.youtube.com.

Не стоит сводить всю подготовку к механическому просмотру и анализу многочисленных видеофрагментов. Гораздо эффективнее работает методика комбинированной работы с текстом и видео- и фотоматериалами. Олимпиадные задания предполагают владение материалом школьного курса предметов “Всемирная история” и “История Беларуси”. Безусловно, в первую очередь стоит обращать внимание на события, которые есть в данных курсах.

Также хорошим подспорьем в подготовке к олимпиаде является увлеченность многих учащихся компьютерными играми. Учителем Шумской О.А. предложен список компьютерных игр, способствующий развитию интереса к истории. В него входят игры “Цивилизация”, “Цезарь”, “Тропико” [7, с. 68]. К этому списку стоит добавить серию игр Total War: Medieval: Total War, Rome: Total War и др.; а также серии игр Age of Empires:

В данных играх можно почерпнуть достаточно большой материал по вышеуказанным периодам. Эффективность использования компьютерных игр может быть при работе с различным контингентом учащихся. Материал, который был изучен при помощи игры, усваивается не как массив однотипной абстрактной информации, а как фон, на котором происходили игровые события.

Таким образом, мультимедийный тур в олимпиаде по истории полностью соответствует основным направлениям развития образования в Республике Беларусь в школе. Он стал уже традиционным. Существуют некоторые методики составления заданий, определены основные типы вопросов. Нами были проанализированы возможные задания и выдвинуты основные методики подготовки к ним.

Список основных источников

1. Жук, С.А. Примерные вопросы и задания для подготовки к республиканской олимпиаде по истории 9, 10 класс / С.А. Жук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – №5. – С. 54–66.
2. Жук, С.А. Примерные вопросы и задания для подготовки олимпиаде по истории 8 класс / С.А. Жук, В.В. Демчук // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2015. – №12. – С. 40–53.
3. Никифоров, Д.Н. Методическое руководство к картинам по истории Средних веков / Д.Н. Никифоров. – М., 1987. – 55 с.
4. Никифоров, Д.Н. Наглядность в преподавании истории и обществоведения / Д.Н. Никифоров, С.Ф. Скляренко. – М.: Просвещение, 1978. – 319 с.
5. Олимпиады по истории для школьников и абитуриентов / А.А. Яновский, Н.Н. Ганущенко – Минск: Юнипрес, 2002. – 288 с.
6. Олимпиады по истории: Всемирная история, история Беларуси / А.А. Прохоров, Н.Н. Ганущенко. – Минск: Аверсэв, 2013. – 320 с.
7. Шумская, О.А. Из опыта подготовки учащихся к участию в олимпиадах по истории / О.А. Шумская // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – №5. – С. 67–78.

ГОТОВНОСТЬ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Л.В. Исмаилова

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

Повышение эффективности деятельности воспитательных институтов общества зависит от множества факторов, одним из которых выступает качество подготовки специалистов по воспитательной работе. Не случайно проблемы развития и саморазвития учителя, формирования готовности выпускников педагогических вузов к профессиональной деятельности в целом и различным ее видам активно исследуются. В работах ученых рассматриваются методологические и теоретические основы формирования профессиональной готовности, анализируются факторы, влияющие на понимание сущности этого понятия, описываются структура и уровни готовности (О.А. Абдуллина, Б.Г. Ананьев, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Я.Л. Коломинский, Б.Ф. Ломов, В.А. Сластенин, А.И. Щербаков и др.).

Однако изучение литературы и анализ вузовской практики позволяет сделать вывод о том, что содержание и существующие технологии педагогического образования недостаточно ориентированы на формирование готовности будущего учителя к осуществлению воспитательной деятельности. До настоящего времени не преодолены противоречия между возрастающей сложностью профессиональных функций, особенно в сфере воспитания, и уровнем готовности выпускников вуза к их реализации.

Деятельность учреждений образования по воспитанию обучающихся, формированию у подрастающих поколений гражданской ответственности, патриотизма, духовно-нравственных ценностей

справедливо названа одним из основных направлений государственной политики в сфере образования, а цель воспитания определена как формирование разносторонне развитой, нравственно зрелой, творческой личности обучающегося [1].

Реализовать названные цели и задачи призваны прежде всего педагогические коллективы учреждений общего среднего образования. В соответствии с требованиями, предъявляемыми образовательными стандартами высшего образования к компетенциям специалиста, выпускник педагогического вуза должен обладать качествами гражданственности, уметь использовать оптимальные методы, формы и средства воспитания, осуществлять оптимальный отбор и эффективно использовать технологии воспитания, осуществлять профилактику девиантного поведения обучающихся [2].

Целью и результатом высшего образования выступает сформированная готовность специалиста к деятельности. Готовность как сложное интегративное свойство личности представляет единство ценностного отношения, теоретической и практической подготовки к воспитательной деятельности. При этом следует учитывать, что знания и умения образуются на фоне и в структуре целостной совокупности личностных качеств (Б.Г. Ананьев). Высокий уровень развития профессионально-личностных качеств является важнейшим субъективным условием успешной педагогической деятельности (Н.А. Андреева, Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин). Анализ различных теоретических подходов (Л.Г. Ахтариева, В.А. Сластенин, Н.Е. Мажар, В.Ш. Масленникова) и опыта подготовки студентов позволяет выделить в структуре готовности к воспитательной деятельности следующие компоненты:

1. Мотивационно-ценностный: личностно-значимые мотивы, профессиональные установки, ценностные ориентации, интересы, педагогическая и профессионально-гуманистическая направленность личности, наличие потребности в решении задач воспитания и социализации личности, ценностное отношение к воспитательной работе, сформированные на этой основе профессионально-личностные качества.

2. Содержательный: сформированность педагогического мышления, наличие системы методологических, теоретических и методических знаний, имеющих личностный смысл, в области теории и практики воспитания;

3. Деятельностный: система профессионально-педагогических умений, необходимых для успешной реализации профессиональных функций (планировать, проектировать, осуществлять и анализировать воспитательную работу, диагностировать уровень воспитанности школьников и воспитательного потенциала коллектива и семьи, изучать личность ребенка и определять перспективы личностного развития детей различного возраста).

Анализ учебных планов педвузов показал, что система профессиональной подготовки студентов предполагает формирование системы знаний по теории и практике воспитания. На это нацелены прежде всего дисциплины “Введение в педагогическую профессию”, “Педагогика”, “Психология”, “Методика воспитательной работы в детском летнем оздоровительном лагере”, “Технология работы классного руководителя”, “Внеклассная работа по литературе”.

Изучение удовлетворенности молодых специалистов и работодателей качеством подготовки студентов в УО МГПУ им. И.П. Шамякина позволяет отметить необходимость усиления практической направленности вузовского обучения, прежде всего в овладении студентами современными технологиями воспитательной работы, ведении документации классного руководителя, организации взаимодействия с семьей.

В этих целях в нашем опыте в процессе изучения психолого-педагогических дисциплин широкое применение получили тренинги, деловые, имитационные игры, работа в микрогруппах, индивидуальные творческие задания. Содержание индивидуально-творческих заданий включает изучение и анализ психолого-педагогической литературы; изучение опыта работы, проведение исследовательской работы. Примеры заданий, предлагаемых студентам: анализ особенностей социализации в регионе проживания студентов; составление характеристики классного коллектива; разработка рекомендаций для учителя по взаимодействию с родителями учащихся; разработка и защита проектов воспитательных мероприятий.

Использование игровых форм учебно-познавательной деятельности студентов способствует развитию активности и самостоятельности студентов, их интереса к предмету и будущей деятельности. Например, при изучении темы «Содержание и формы совместной деятельности семьи и школы» предлагаются имитационные игры «Родительское собрание», «Консультация для родителей», «Посещение семьи школьника», в основе которых – имитация условий реального педагогического процесса, деятельности и отношений его участников. В ходе игры развиваются способности каждого студента к рефлексии, установлению деловых и личностных отношений, творческому поведению в учебно-воспитательных ситуациях; происходит осознание студентами значимости профессиональных знаний и умений.

Процесс формирования профессиональной готовности предполагает органичное сочетание теоретической и практической подготовки спрфессионально-личностным развитием специалиста. В этих целях на филологическом факультете уделяется первостепенное внимание формированию политической культуры студентов, их гражданской позиции и социальной активности. Неотъемлемой частью учебно-

воспитательного процесса стало проведение гражданско-патриотических акций. Динамично развивается студенческое самоуправление, работает студенческий совет, проводятся Дни самоуправления, Недели факультета, конкурсы риторического и профессионального мастерства, встречи с мастерами педагогического труда, интеллектуальные турниры, благотворительные акции, участие в которых может принять каждый студент.

Важная роль в формировании системы ценностей будущего учителя принадлежит, на наш взгляд, участию студентов в реализации волонтерских проектов. Здесь они получают возможности для развития профессионально-творческих способностей, освоения новых видов деятельности, необходимых для дальнейшего обучения и выполнения профессиональных функций. Основными направлениями деятельности волонтеров факультета являются: помощь воспитанникам интернатных учреждений, инвалидам, ветеранам войны и труда. Работа студентов-волонтеров связана как с оказанием конкретной помощи нуждающимся, так и проведением массовых мероприятий и акций, тренингов, консультаций. Совместно с городским центром социального обслуживания семьи волонтерами университета реализуются программы «Профилактика ВИЧ/СПИД», «Учимся договариваться», «Предотвращение торговли людьми». Студенты-волонтеры сотрудничают с Мозырским советом ветеранов, Мозырским комитетом Красного Креста, Мозырской и Гомельской епархиями БПЦ. Так, одним из значимых волонтерских проектов стала работа по сбору воспоминаний ветеранов войны, тружеников тыла, проживающих в Мозыре, и издание при поддержке Гомельской епархии к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне книги «Солдаты Победы».

Таким образом, профессиональная готовность к воспитательной деятельности, являясь интегративным качеством личности, представляет органичное единство мотивационно-ценностного, содержательного и деятельностного компонентов. К психолого-педагогическим условиям формирования данного вида готовности в вузе относятся: совершенствование содержания и объема подготовки студентов к воспитательной деятельности; реализация практикоориентированного подхода; стимулирование становления субъектной позиции студентов в процессе обучения.

Список основных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании. – Минск: Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь, 2011.
2. Образовательный стандарт высшего образования. Первая ступень. – Минск: Министерство образования Республики Беларусь, 2013.

МАСТАЦКАЯ КАНСТРУКЦЫЯ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ВОБРАЗА СВЕТУ Ё АПОВЕСЦІ Ф.СІЎКО “УДОГ”

П.Р. Кошман

УА МДПУ імя І.П. Шамякіна

Мастацкі свет літаратурнага твора, узнікаючы праз успрыманне і творчае ўзнаўленне свету рэальнага, змяшчае ў сабе адбітак як уяўленняў аўтара, так і таго жыццёвага матэрыялу, з якім ён працуе. Выдуманнае і сапраўднае, творчае і рэальнае – гэтыя катэгорыі маюць зменлівыя суадносіны ў розныя перыяды развіцця літаратуры. Так, у параўнанні з літаратурнай класікай XX ст., набыткі якой звязваюцца найперш з выяўленнем праўды жыцця, сучасная беларуская проза ўсё часцей сцвярджае права аўтара будаваць мастацкі вобраз свету згодна з уласнымі творчымі планами.

Яркі прыклад такога свабоднага падыходу да мастацкага канструявання рэчаіснасці прадстаўляе аповесць “Удог” Ф. Сіўко. Адметнае ў гэтым творы тое, што ў ім надзвычай арыгінальна, цалкам у духу сучаснасці, раскрываюцца тыя пытанні, якія ў беларускай мастацкай традыцыі ўстойліва пазначаны маркёрам нацыянальнага пачуцця. Звязаны з ім і добра вядомы айчыннаму чытачу набор злабаздэнных праблем пісьменнік разглядае ў святле своеасаблівай канспіралагічнай тэорыі змовы чужынцаў супраць беларускасці. Перад чытачом паўстае хроніка быцця беларускага народа, трагічныя старонкі якой тлумачацца існаваннем удога – чужаземнага дрэва, якое здаўна культывуецца на нашай зямлі, каб атручваць-п’яніць сваімі крывава-чырвонымі ягадамі мясцовы люд.

Адаптацыя арыгінальнай аўтарскай задумкі да падзей беларускай гісторыі заўсёды ставіць перад пісьменнікам асаблівыя патрабаванні да таго, каб спалучэнне выдуманнага і сапраўднага, фантазіі і факта выглядала гарманічным, было ўзгоднена паміж сабой. Свой апавед пра ўдога Ф. Сіўко разгортвае ў тых прасторава-часавых каардынатах, якія ў айчыннай мастацкай свядомасці з’яўляюцца класічнымі адзнакамі Бацькаўшчыны. Перад намі раскрываецца не раз апрабаваная ў беларускай літаратуры прасторавая мадэль нацыянальнага свету, у цэнтры якой вобраз-локус дома, панскіх пакояў, а калі крыху шырэй, то і ўсёй вёскі. Скурпулёзна адзначаючы змены ў знешнім выглядзе гэтага лакальнага свету, аўтар паказвае, як размераны ўклад жыцця беларуса мяняецца пад уздзеяннем часу. Яго стыхія, акрэсленая таксама знакавымі датамі беларускай гісторыі: 1570 г. – Лівонская вайна, 1831 г. – шляхецкае паўстанне, 1939 г. – пачатак Другой сусветнай вайны – мае важнае значэнне ў структуры твора. Разам з запісамі і лістамі герояў-відавочцаў, устаўленых у сюжэт запісах і лістах, дакладнае ўказанне на час надае эфект дакументальнасці, а значыць і пераканаўчасці, мастацкай гісторыі пра створанае аўтарскай фантазіяй дрэва ўдог.

З мастацкага пункту гледжання вобраз удога атрымаўся вельмі значным, ёмістым. Заўважаныя ў яго знешнім выглядзе дэталі (іголки па краях лісцяў, моцныя галіны, роўны і слізкі ствол) і звышнатуральная прага жыцця перадаюць агрэсіўную ўнутраную сутнасць гэтага дрэва, што ўвасабляе ў творы крыніцу зла. У прыродзе аналагам удога з'яўляюцца расліны інвазіўнага віду, якія запраграмаваны асвойваць новыя тэрыторыі і змяняць мясцовую экасістэму пад свае патрэбы. Урэшце, і ўдог спраўляецца з гэтай захопніцкай місіяй, што адзначае ў канцы аповесці вясковая цётка Польша: “Тут во: уперад адно было, а цяперака вун якія зараснікі. З насёна расцець. І ўсюдых так. Днямі сястры маёй Фэлі дачка з-пад Гродны прыезджала. І там ужэ поўна гэтых дзераваў. Як наўмысна хто сеець” [1, с. 168].

Вобраз удога вельмі сімвалічны. У аповесці акцэнтуюцца ўвага на тым, што, падобна экалагічным нішам, чужародная сутнасць запаўняе і духоўныя пустоты. У цэлым выяўлены ў творы вобраз дрэва бачыцца вельмі нетыповым для нацыянальнай мастацкай традыцыі, у якой пад уплывам міфалагічнай спадчыны раслінны свет звычайна меў станоўчую семантыку, сімвалічна афармляўся ў знакавых вобразах (папараць-кветка, васількі, шыршына і г.д.) і ніколі не надзяляўся агрэсіўнай, варожай сутнасцю. У аповесці Ф. Сіўко парушае нацыянальны літаратурны канон: удог – чужая расліна, але асабліва небяспечная менавіта тым, што ўжо даўно расце на нашай зямлі і стала для многіх за гэты час яе неад'емнай часткай. Адурманеныя яе ягадамі, мясцовыя жыхары не толькі страчаюць прыродны інстынкт самазахавання, актыўна губяць сябе і свой свет, але і пачынаюць цаніць дрэва за яго такія-сякія выгоды: “Улетку ад слонца схувацца і паесць тэж. У вайну ягадамі ратаваліся. Расцець бо велькае і ягад многа” [1, с. 18].

Злавесна-жудасная сутнасць удога, так відавочная чытачу, не усведамляецца большасцю герояў аповесці. Паказваючы, як буйнее гэтае дрэва на роднай зямлі, пісьменнік сімвалічна адлюстроўвае глыбіню крызісу нацыянальнай самасвядомасці, абсурднасць той сітуацыі, калі завезенае зло прызнаецца сваім, лічыцца неблагім набыткам, пра які варта клапаціцца. Тым самым статус роднага вызначаецца ў аповесці дастаткова нязвыкла: акрэсліваецца ў аповесці не фармальнай прыналежнасцю да тутэйшай зямлі, не гістарычным вымярэннем даўнасці прысутнасці на ёй, а толькі аўтэнтчным паходжаннем.

Традыцыйная для беларускай літаратуры праблема страты родных карэнняў набывае ў аповесці Ф. Сіўко новы аспект. Прычыны нацыянальнай трагедыі беларускага народа аўтар бачыць не ў адкрытай экспансіі знешніх варожых сіл, а ў той сітуацыі, калі адбываецца паступовая падмена ўнутранага зместу Радзімы. На прыкладзе перайменавання вёскі Дубраўка, якая, атрымаўшы новую назву –

Падкрайна, губляе самастойны спрадвечны статус, пісьменнік засцярожвае чытача аб небяспецы перайначвання асноў нацыянальнага светаразумення.

Відавочна, што жанравыя магчымасці аповесці не дазваляюць прэтэндаваць на эпічную распрацоўку аўтарскай міфалагемы нацыянальнай бяды, увасобленай у вобразе ўдога. Аднак у творы застаецца адкрытым і фінал, і сам сюжэт. Прапанаваная аўтарам канструкцыя мастацкага свету дазваляе пры жаданні ўключыць у існуючую хроніку новыя эпізоды, надаць аповеду большую паслядоўнасць, дапаўняючы яго іншымі важнымі гістарычнымі датамі.

Абраная аўтарам сюжэтная лінія абумоўлівае спецыфіку мастацкага спасціжэння мінулага, дзе на першае месца выходзіць не столькі лагічная рэканструкцыя, колькі рэміфалагізацыя. Вобразам удога пісьменнік апелюе не да розуму, а да тых пачуццяў чытача, якія знаходзяцца на глыбінным узроўні, да тых архетыповых вобразаў свой – чужы, якія закладзены ў аснове нацыянальнага светаразумення. У гэтым кантэксце твор Ф. Сіўко выклікае прамыя асацыяцыі са зместам аповесці Я. Баршчэўскага “Шляхціц Завальня”. Сувяз паміж імі, якая адзначаецца ў адзінстве аўтарскіх ідэй, часе і месцы дзеяння, настолькі моцная, што герояў кнігі XIX ст. можна лічыць не толькі папярэднікамі персанажаў сучаснага аўтара, але і іх прамымі родзічамі.

Такім чынам, аповесць Ф. Сіўко “Удог” характарызуецца распрацоўкай мастацкага свету, арыгінальнасць і значнасць якога асабліва ярка паўстае ў кантэксце нацыянальнай мастацкай традыцыі.

Спіс асноўных крыніц

1. Сіўко, Ф.І. Эдэм: Прыпавесці, апавяданні, эсэ / Франц Сіўко. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2014. – 239 с.

КТО ОНИ ТАКИЕ – РУССКИЕ? (ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ В КНИГЕ В. ПОЗНЕРА «ПРОЩАНИЕ С ИЛЛЮЗИЯМИ»)

М.Г. Лобан, Т.В. Лобан

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

Загадочная русская душа... В чем ее неповторимость и уникальность? Хотя уже написано много трудов и научного, и художественного характера, однозначного ответа до сих пор нет. До сегодняшнего дня мы задумываемся над тем, почему пейзаж русской земли соответствует «пейзажу русской души» (Н.А. Бердяев). Отмечая непознаваемость, непредсказуемость, незапрограммированность русского характера, на ходу вспоминаем строки Ф.И. Тютчева: «Умом Россию не понять...»

Попытки объяснить русский менталитет чаще всего предпринимаются с помощью пословиц и поговорок: народная мудрость точнее всего подмечает особенности русского самосознания (француз

боек, да русский стоек; русский в словах горд, в делах тверд; русские медленно запрягают, но потом быстро скачут; русский ум – хитроум; русскому здорово, а немцу смерть; русский человек добро помнит; русский ни с мечом, ни с калачом не шутит; русский терпелив до зачина и др.).

В учебнике «Русская культура: диалог со временем» (2013) предлагается следующее пояснение для иностранных студентов, изучающих русский язык: «Несомненно, некоторые особенности русского характера связаны с географическим положением России. Страна находится между двумя континентами, двумя цивилизациями – Европой и Азией, Западом и Востоком. Русская культура сочетает в себе черты как культуры Запада, так и культуры Востока, но при этом самобытна».

Развитие России было похоже на колебание маятника в часах. Можно сказать, что в начале своего становления Русь была частью европейской цивилизации, Московская Русь – восточной. Реформы Петра I сдвинули Русь в сторону Запада, а потом снова она повернулась в сторону Востока. Отмена крепостного права и реформы конца XIX века носили западнический характер. После революции 1917 года усилились восточные черты. Они проявились в особенностях политического режима, структуре власти, социальной иерархии. Перестройка 1985 года обратила страну к западным ценностям. Историческая и культурная жизнь России всегда отличалась нестабильностью, она постоянно изменялась, часто была непредсказуемой» [2, с. 30].

История создания книги Владимира Владимировича Познера «Прощание с иллюзиями. Моя Америка. Лимб. Отец народов» (2015 г.) подобна колебанию маятника на часах: написанная двадцать один год назад по-английски, она была отдалена от русского читателя, ибо ждала своего второго рождения – перевода на русский язык. «Уж слишком трудно она далась мне, чуть подожду», – успокаивал себя автор [3, с. 2]. «Прошло восемнадцать лет, и вот наконец я книжку перевел. Дав ей отлежаться некоторое время, я с чувством выполненного долга стал читать русский вариант... и ужаснулся: я понял, что в таком виде она выйти не может. Столько всего произошло в моей жизни за эти восемнадцать лет, столько изменилось в моих взглядах, столько из того, что казалось мне верным тогда, сегодня верным не кажется... Как быть? Можно было, конечно, «осовременить» текст, так сказать, подправить его, и тогда мой читатель поразился бы тому, что я еще восемнадцать лет назад был необычайно прозорлив...

Я решил оставить книжку такой, какой она была. Но при этом снабдить каждую главу своего рода комментариями к написанному, комментариями, отражающими мои сегодняшние взгляды, – эдаким хождением взад-вперед во времени» [3, с. 8].

«Впервые в русской литературе XXI века автор решается честно порассуждать о вопросах национального самосознания, вероисповедания,

политики и особенностях русского менталитета, – сообщает русскому читателю издатель в аннотации и искренно добавляет: – Отчаянно желая стать русским, он до сих пор пытается разобраться, кто же он и где его настоящая Родина» [3, с. 2]. В заглавии, в композиции мемуаров четко просматривается принцип «маятника Фуко»: путешествие во времени начинается с описания «американского периода» автора, затем идет подробное воспоминание о западноевропейском «лимбе» – существовании между, «не там и не здесь», потом презентуется осознание чувства восторга от того, что поезд «Берлин – Москва» уносит от какого-то кошмара во «время прекрасного сна» [3, с. 267]. «Мучительная боль, ностальгия по будущему, невыносимое состояние человека, зависшего в пространстве, находящегося и не здесь, и не там, ожидание, молчаливая мольба – все это было позади. Наконец-то я возвращаюсь домой. Я никогда не пересекал порог этого дома, но дом тот я выстроил в своем воображении, и это был самый желанный дом во всем мире», – делится своими сокровенными мыслями с читателями В. Познер [3, с. 267].

Биография этого человека удивительна: он родился во Франции, детство провел в Нью-Йорке, а через 18 лет попал в Россию, страну, которую боготворил его отец.

Проблема идентификации русских исследуется автором со всей тщательностью и начинается с установления родословия Познеров: «Предки отца, испанские евреи, еще в пятнадцатом веке бежали от инквизиции и остановились, лишь достигнув города Познани, где и осели – отсюда фамилия Познер. Через несколько веков, уже после того, как Польша стала частью Российской империи, один из более предприимчивых представителей рода Познеров пришел к выводу, что в централизованном государстве выгоднее всего жить в центре, то есть в Санкт-Петербурге, и отправился туда... один из его не менее сообразительных потомков, прикинув, что в России явно лучше быть русским и православным, нежели евреем, стал выкрестом, тем самым одарив эту ветвь клана привилегией считаться русской и, что более существенно, освободив ее от традиционной для России дискриминации евреев» [2, с. 15].

Эту историю в семье Познеров старались чаще замалчивать, нежели вспоминать. Но именно она сформировала из автора яркого атеиста, который с улыбкой на устах рассказывает о заигрываниях с верой: «Эта готовность отмечать религиозные праздники по форме, но не по содержанию представляется мне вполне типичной чертой русской интеллигенции. Советские люди с энтузиазмом празднуют Пасху и по григорианскому календарю, по которому живет почти весь мир, и по юлианскому, по которому живет Русская православная церковь, не говоря о еврейском Пейсахе, и подобного я не встречал больше нигде. То же относится и к Рождеству, которое празднуется и 25 декабря, и 7 января. Понятно, что в стране атеистической эти религиозные праздники не

являются официальными, но большинство выпивающих и закусывающих по этим дням тоже не сильно верующие» [3, с. 24].

Весьма серьезные выводы делает мемуарист о взаимодействии церкви и демократических институтов советского государства, об их влиянии друг на друга. По мнению В.В. Познера, наиболее высокий уровень жизни встречается в протестантских странах, «за ними следуют страны католические, и на последнем месте – православные. Полагаете, это случайно?» [3, с. 29].

Идентификация (от лат *identificare* – отождествлять) – отождествление, уподобление, опознание, установление совпадения объектов [1, с. 400]. Многие исторические события мемуарист оценивает весьма откровенно, сравнивая социальные, культурные и бытовые взгляды русских, американцев и европейцев. Профессия политического обозревателя заставляет автора в проблемах идентификации быть объективным, а иногда и ироничным: «...многие намекали – мол, с фамилией Познер русским быть нельзя, и это было крайне неприятно, даже унижительно. Просто я ощущал, что по сути своей я – не русский. А что это значило конкретно? Ответить почти невозможно, потому что почти невозможно дать точное определение «русскости». В одной из моих телепередач Никита Михалков сказал, что русским может быть только тот, у кого чего-то нет, но нет не так, чтобы оно обязательно было, а так, что и хрен с ним. Допускаю... Но этот характер, склонный к взлетам восторга и депрессивным падениям, эта сентиментальность в сочетании с жестокостью, это терпение, граничащее с безразличием, это поразительное стремление разрушать и созидать в масштабах совершенно немислимых, это желание поразить и обрадовать всех криком «угощаю!» – при том, что не останется ни рубля на завтра и не на что будет купить хлеб для собственной семьи, эта звероватость вместе с нежностью, эта любовь гулять, будто последний раз в жизни, но и жить столь скучно и серо, словно жизнь не закончится никогда, эта покорность судьбе и бесшабашность перед обстоятельствами, это чиновничество и одновременно высокомерие по отношению к нижестоящим, этот комплекс неполноценности и убежденность в своем превосходстве, – все это не мое» [3, с. 60–61].

Отвергая всякого рода нестабильность, В.В. Познер стремится к открытости и свободному диалогу (чисто по-американски), он сохраняет сдержанность и корректность (по-европейски) и честно замечает: «Да, временами я мечтал о дне, когда смогу с гордостью сказать: «Я – русский!» Это было в Америке, когда Красная Армия громила Гитлера, это было потом, когда мы приехали в Берлин, это было, когда я получил настоящий советский паспорт, при заполнении которого мне следовало указать национальность – по маме (француз) или по папе (русский), и я, ни секунды не сомневаясь, выбрал «русский», это было тогда, когда исполнилось мое заветное желание и мы наконец-то приехали в Москву»

[3, с. 61]. Вся дальнейшая жизнь в России подтвердила высказывание эсесовского офицера, «на самом деле оказавшегося английским разведчиком»: «Знаете, нет ни одного народа в мире, который способен преодолевать трудности так, как это делаете вы, русские. Но к счастью для нас, нет ни одного народа в мире, который так умеет устраивать трудности самому себе. Прав был английский разведчик, прав» [3, с. 58].

Самым ярким во взрослении В. Познера стал «московский период»: прощание с иллюзиями проходило постепенно, так как постоянно наступали на пятки американское и европейское прошлое отца и матери, напоминало также еврейское происхождение. Этот этап был самым сложным еще и потому, что борьба за самоутверждение совпала с материальными трудностями, с постоянными конфликтами с отцом, со временем становления мужского характера и собственного мировоззрения.

В Россию приехал молодой человек с другим мировосприятием, умный, образованный, думающий. Он воспринимал окружающий мир и людей не так, как все, он мог сравнивать и делать выводы. Процесс идентификации проходил очень интенсивно.

Помогали этому перерождению и люди, с которыми знакомился Владимир Познер: Нина Павловна и Иосиф Давыдович Гордоны, Кирилл Викторович Хенкин и др. Смысловая цепочка «русскости» дополнялась новыми понятиями, новыми людьми, новым жизненным опытом, новыми традициями: русский – православный – красный – советский – homo sovieticus («новый человек»). Восхищали люди, умеющие в трудных условиях выстоять и не роптать, живя в коммуналках, люди, сумевшие пройти через лагеря ГУЛАГа и оставившие в душе человечность. «Можно провалить любой экзамен, кроме одного: экзамена зеркала. Каждое утро вы встаете и, глядя в зеркало, бреетесь. Так вот, не дай Бог, чтобы когда-нибудь вам захотелось плюнуть в свое отражение», – учил Владимира Кузьма [3, с. 346].

«Неполных пяти лет пребывания в Советском Союзе вполне хватило, чтобы понять, насколько реальность отличается от того, что я ожидал встретить. Но этого срока было достаточно, чтобы у меня возникло чувство глубокой привязанности к этой стране. Здесь чужая культура, чужой язык, которым я овладел лишь недавно. К тому же мой личный жизненный опыт привел к тому, что мой взгляд на Америку стал меняться», – таков был вывод автора [3, с. 351]. Вскоре последовал отъезд за границу. «Маятник Фуко» вернулся в прежнее состояние.

Таким образом, книга В.В. Познера «Прощание с иллюзиями» стала еще одной страницей в формировании междисциплинарного контекста «идентичности», так как в ней автор продолжил европейскую традицию дискурсов «различия», «инаковости», «аутентичности». Идя по пути от «идентичности» к «самоидентификации», мемуарист придает «акту самопонимания» публичный характер. Концепция «этически окрашенного

самоутверждения ответственной личности» постулируется автором: «...человек находит себя вне себя самого, в своем деянии и в этом отношении «делает себя» [1, с. 402].

Список основных источников

1. Новейший философский словарь. – 3-е изд., испр. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
2. Мошинская, Н.В. Русская культура: диалог со временем: учебное пособие для иностранцев, изучающих русский язык / Н.В. Мошинская, Н.М. Разинкина. – М.: Русский язык. Курсы, 2013. – 416 с.
3. Познер, В.В. Прощание с иллюзиями. Моя Америка. Лимб. Отец народов / В.В. Познер. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 384 с.

АНТИНОМИЧНОСТЬ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

О.М. Мижевич
УО БТЭУПК

В конце XIX века начался стремительный рост городского населения. Если в середине XIX столетия в городах проживало 3% населения земли, то к середине XX века – уже более 40%. [4]. Подобная мировая динамика сохраняется до сих пор. Стремительная урбанизация превращает город в преобладающую форму существования человека. Поэтому в настоящее время актуальным предметом научного исследования становятся социальные, демографические, экологические, экономические и духовные аспекты урбанизации. Для социально-гуманитарных наук наибольший интерес представляют исследования, связанные с изучением специфики «городской культуры» и ее влияния на духовный мир современного человека. До сих пор эта тема не была разработана достаточно хорошо, еще в начале XX века О. Шпенглер писал: «Факт, что все великие культуры – культуры городские, является абсолютно определяющим и в полном своем значении так и не оцененным» [6, с. 72].

Согласно данным археологов и историков, первые города появляются в 4 тысячелетии до н.э., радикально изменив вектор развития человеческой цивилизации. Являясь сложным социокультурным явлением, город менял свою структуру и сущность в зависимости от трансформации форм жизнедеятельности населявших его людей. Особая среда города создала специфическую городскую культуру, непосредственно влияющую на духовный мир человека.

Первоначально, в древневосточных цивилизациях, город был местом, в котором человек смог противопоставить себя природному, непредсказуемому миру. Местом, где человек почувствовал себя относительно безопасно и защищенно от природных катастроф. Именно в древневосточных городах впервые была закреплена функция руководства одного человека рядом социальных групп.

Античные города-полисы стали олицетворением высшей ценности и Блага, высшей формой объединения людей. Собственно сама античная культура носила городской (полисный) характер. Только в полисе древние греки достигали смысла своего существования, счастья и добродетельности, только в нем они чувствовали себя как дома. И только в полисе с его организацией и культурой, согласно Платону и Аристотелю, мог быть воспитан идеальный гражданин – всесторонне развитая личность, патриот, театрал, спортсмен и т.д., гармонично сочетающий в себе свободу и высокую гражданскую активность.

Иное предназначение несли в себе города Средних веков. Средневековые города ассоциируются у нас в первую очередь с цехами, купеческими гильдиями и первыми университетами, над которыми царил дух христианства. В раннесредневековых европейских городах античная гражданская свобода сменилась свободой духовной, а идеальным гражданином стал добродетельный христианин, смысл жизни которого сводился к воспитанию таких духовных качеств, которые помогли бы ему попасть в Град Небесный (Аврелий Августин). Позднее, в высоком Средневековье, началось противопоставление и противостояние города и деревни. Отличительной особенностью средневекового города и ее жителей стала свобода во всех ее проявлениях. Получив личную, экономическую, социальную и даже религиозную свободу, горожанин оказался включенным во все сферы жизни и получил свободу выбора. «Городской воздух делает свободным», – говорится в аксиоме Якоба Гримма.

Изменения, произошедшие в социальной, экономической и культурной сферах общества эпохи Возрождения не могли не изменить сущность и природу города и духовный мир горожанина. Постепенно средневековые ценности стали сменяться более земными и прагматичными установками Нового времени. Только прогресс в науке и технике смогут, по мнению мыслителей Нового времени, обеспечить достойное и удобное во всех отношениях существование человека. Стремительное развитие производства, средств коммуникаций привело к появлению городов нового типа, основными характерными чертами которого стали быстро растущее население, бытовой комфорт и высокая социальная мобильность его жителей. Наукоцентричный девиз Фрэнсиса Бэкона «Знание – сила!» сменило прагматичное и вполне современное высказывание Бенджамина Франклина «Время – деньги».

В постиндустриальную эпоху ряд крупных городов перестали быть национальным достоянием и превратились в точку пересечения мировой экономики, став современными Вавилонами. Превращение крупнейших городов мира в отдельные, самостоятельные экономические единицы, со своеобразной космополитической культурой стало основной чертой современного процесса урбанизации. «Современная Европа все более и

более состоит не из стран, а из городов» [1, с. 79]. Подобные наднациональные, надгосударственные образования (мегаполисы) изменили условия жизни огромного количества людей, погрузив их в новую культурную реальность, в корне меняющую духовный мир городского человека.

Живущий в современном городе человек разительно отличается от стремящегося к гармоничному развитию человека античного полиса, истово верующего средневекового бюргера-христианина и оптимистично настроенного горожанина-рационала Нового времени. Современный горожанин – это человек, который научился свободно ориентироваться в огромном потоке разнообразной информации. Его органы чувств и мозг постоянно воспринимают огромное количество раздражителей (шум, запахи, электромагнитное излучение, близость множества незнакомых людей и т.д.), которые могут свести с ума жителя сельской местности. Идеальный современный горожанин, если хочет чувствовать себя комфортно, должен обладать такими качествами, как образованность, коммуникабельность, толерантность, активность, поведенческая вариативность, индивидуализм. И вместе с тем, современный горожанин явно или неявно, но осознает свою зависимость от ряда неподконтрольных ему процессов, протекающих в городе.

Современное культурное городское пространство обладает рядом противоречивых характеристик, в нем причудливо переплетаются как конструктивные, так и деструктивные процессы, требующие серьезного осмысления в целях преодоления негативных тенденций.

Например, благодаря развитой системе образования, наличию большого количества музеев, театров, библиотек и т.д., городское пространство создает невиданные ранее возможности для развития культурного потенциала личности. В то же время города стали эпицентрами сильнейших антигуманных и варварских социальных конфликтов, в ходе которых погибло огромное количество людей. Несмотря на развитую культурную инфраструктуру, современный горожанин вместо того, чтобы развиваться духовно, постепенно превращается в человека-гедониста, ориентирующегося исключительно на удовлетворение телесных потребностей, «что проявляется в биологизации сознания (эротизации, гурманизации и других формах гедонизации» [4]. Данные гедонистические устремления находят свое отражение в сюжетных линиях современного искусства, тематических линиях СМИ и во всей индустрии развлечения.

Городское пространство открыло для человека новые разнообразные формы для активной коммуникации. Несмотря на это, город породил проблему тотального одиночества. И как следствие – рост числа самоубийств, психических заболеваний и отклонений. Городской человек более чем сельский житель, склонен к агрессивным реакциям и оценкам,

для него характерен высокий уровень тревожности. Приблизительно 1/8 часть лекарств, выписываемая врачами жителям крупных городов, приходится на антидепрессанты и транквилизаторы. С точки зрения психологии и психиатрии, современного человека можно назвать «человеком невротическим».

Первоначально город возник как определенная форма совместного, оседлого существования человека, обеспечивающая безопасность жизни, постоянство и стабильность. Однако именно в городе мы наблюдаем наибольшее количество смертей от несчастных случаев. Чувствовать себя безопасно в большом городе не может ни один человек.

Житель крупного мегаполиса практически не привязан к определенной территории, имея возможность при необходимости арендовать то жилье, которое ему удобно и выгодно в данный момент. В результате теряется чувство родного дома, малой родины. «Цивилизованный человек это интеллектуальный кочевник, он совершенно безроден и свободен духовно, как были чувственно свободны охотники и пастухи» [6, с. 92]. Отсутствие стабильности начало разрушать традиционные формы семьи и брака. Изменились функции семьи, трансформировались социальные роли мужчин и женщин, состоящих в браке, а также их ожидания, возлагаемые на брак и семейную жизнь. Меняется семья и в отношении детей: наблюдается падение рождаемости и откладывание рождения первого ребенка, возросло число семей, в которых есть только один ребенок.

Человек, застраивая поверхность земли зданиями, покрывая асфальтом почву, создал новый антропогенный ландшафт. Жизнь в городской искусственной среде, среди пластика, бетона и стекла, с минимальным количеством растительности и животных, с загазованным воздухом и хлорированной водой, серьезно влияет на психическое и физическое здоровье людей. Существование человека в подобной искусственной среде духовно обедняет горожанина, удаляет от его биологической основы, от природы. Для объяснения, что происходит с человеком в случае его отрыва от природных оснований, А. Лоуэн использовал следующую метафору: люди подобны деревьям, с одной стороны, они прочно укоренены в земле; с другой стороны кроной в небо. Высота кроны зависит от корневой системы – вырви дерево с корнем – и оно погибнет. И если человек оторвется от своих корней – его духовность станет пустой абстракцией [3, с. 140].

Городское культурное пространство представляет собой динамичное, противоречивое, эклектичное образование, неоднозначно влияющее на духовный мир человека. Городская цивилизация много дала человеку, но, как видим, еще больше требует. Для того, чтобы преодолеть все противоречия городской цивилизации, следует сформировать зрелую городскую культуру, реализовав весь ее потенциал.

Список основных источников

1. Вайль, П. Гений места / П. Вайль. – М.: КоЛибри, 2006. – 239 с.
2. Горнова, Г.В. Феномен города в духовном мире человека / Г.В. Горнова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/religio-vedenie/fenomen-goroda-v-duhovnom-mire-cheloveka.html>. Дата доступа: 29.04.2016.
3. Лоуэн, А. Психология тела: биоэнергетический анализ тела / А. Лоуэн. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2000. – 256 с.
4. Мартынов, В.Ф. Городской ареал: в поисках алгоритма общеевропейской судьбы / В.Ф. Мартынов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://repository.buk.by:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/1999/GORODSKOY%20AREAL.pdf?sequence=1>. – Дата доступа 28.04.2016.
5. Сапронов, П.А. Культурология: Курс лекций по теории и истории культуры / П.А. Сапронов. – СПб.: СОЮЗ, 1998. – 560 с.
6. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2-х т. / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1998. – Т. 2. – 606 с.

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ

Е.И. Рублевская, С.В. Телепень

УО «Мозырский государственный медицинский колледж»,

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

Современное гуманитарное образование находится в непрестом положении. В условиях постсоветской действительности оно является, как впрочем в целом педагогическое образование, наименее престижным.

Ситуацию еще более усугубляют последствия демографической ямы 90-х гг. (при возросшем перечне предложений в сфере высшего образования и увеличении числа факультетов и вузов) в сочетании со снижением уровня социальной защищенности выпускников факультетов педагогического профиля. Эти факторы свели к минимуму конкурс среди поступающих, сделав затруднительным качественный отбор при зачислении в вузы.

В сложившейся ситуации может возникнуть иллюзия того, что проблему можно решить применением каких-то совершенно новых психолого-педагогических методик, позволяющих из любого студента, в том числе поступившего в вуз со слабой школьной подготовкой, сделать настоящего специалиста. Однако никакая информатизация, никакие педагогические новшества не заменят тот энтузиазм в овладении профессией, все же встречающийся у современных студентов, который один лишь и может обеспечить компенсацию даже недостаточной школьной базы.

Вместе с тем возрастает роль самого вузовского педагога. С учетом специфики вузовского образования, предполагающего тесную связь обучения с научным творчеством, это должен быть прежде всего квалифицированный научный работник. Но именно в этом отношении в

ряде случаев наблюдается непростая ситуация. Она является общей как для российской провинции, так и для Украины и Беларуси в целом. Действительно, можно ли, например, говорить о полноценном историческом образовании, если целые направления не обеспечены специалистами?

Данная ситуация сложилась не вчера. Еще в бытность СССР в региональных вузах крайне редко можно было встретить специалиста в области истории древнего мира или средних веков. Как в БССР, так и в РСФСР и УССР на исторических факультетах и отделениях основной контингент «остепененных» вузовских преподавателей составляли те, кто защищался по «шифру» 07.00.02. Они вели все, включая такие непростые, требующие глубокой (в первую очередь языковой) подготовки, дисциплины, как история древнего мира и история средних веков. Но в ту историческую эпоху это было хотя бы частично оправданно. Страна была едина, единым было ее научное и образовательное пространство. Соответственно, немногие флагманы исторической науки (главным образом МГУ, ЛГУ и соответствующие институты АН СССР) имели легальную возможность оказывать влияние и даже через различные механизмы контролировать преподавание малообеспеченных специалистами исторических дисциплин на местах.

Распад СССР привел к тому, что в сущности дочерние по отношению к московской и петербургской научным школам научные (в частности антиковедческие) школы Украины и Беларуси оказались в ситуации все более усиливающейся дезинтеграции научных связей.

О провинциализме – по отношению к мировому антиковедению – самой российской науки говорится открыто и уже достаточно давно. Так в 2002 г. в ИВИ РАН состоялась научная конференция «Антиковедение в системе современного образования». На ней, в частности, одним из ведущих на постсоветском пространстве сарматологов С.М. Переваловым было замечено: «Российская наука об античности сегодня, безусловно, отстает от мировых стандартов, если учитывать не отдельные достижения наиболее ярких ее представителей, а общий уровень научных публикаций, требования к квалификационным работам (дипломы, диссертации), структуру образовательного процесса. Ситуация осложняется наличием – наряду с внешним (по отношению к миру) провинциализмом – провинциализмом внутри страны» [1, с. 13].

Можно было бы предположить, что данный провинциализм есть следствие развития негативных тенденций постсоветского «развала». Однако еще до крушения СССР с его системой подготовки кадров античников ситуация была практически такой же. Это хорошо видно по материалам дискуссии о положении дел в отечественном антиковедении, состоявшейся 28 января 1989 г. в ходе VI-х Сергеевских чтений на кафедре истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова, а также – по

содержанию публикаций на страницах «Вестника древней истории», выходявших по итогам дискуссии в конце 1990 – начале 1991 г. Общая мысль участников обсуждения состояла в том, что положение дел с подготовкой антиковедов далеко от идеального. Причем подразумевалась ситуация не только в провинции, включая столицы союзных республик, но также в МГУ и ЛГУ. Причины назывались разные, но общее мнение все же состояло в признании факта недостаточной языковой подготовки будущих студентов. На этот счет ведущим российским специалистом по проблеме греческого полиса Э.Д. Фроловым было замечено: «Первый негативный фактор – низкий уровень гуманитарного образования в средней школе, недостаточность исторической и филологической подготовки тех, кто поступает на исторический факультет университета» [2, с. 79]. Ту же самую мысль спустя одиннадцать лет озвучила на вышеупомянутой конференции («Антиковедение в системе современного образования») крупный специалист по истории поздней античности и раннего средневековья В.И. Удальцова [3, с.8].

И на VI-х Сергеевских чтениях, и на конференции 2002-го года («Антиковедение в системе современного образования») неоднократно говорилось о необходимости введения преподавания классических языков в средней школе.

Однако вряд ли современная российская, а тем более украинская и белорусская системы образования готовы к введению преподавания латыни (не говоря уже о греческом языке) в средней школе. Заметим, что филологов-классиков в Беларуси ныне готовит лишь филологический факультет БГУ. Причем наборы на специальность «Классическая филология» мизерные, а выпускники в большинстве случаев избегают работать по специальности даже в Минске и уж тем более – в белорусской провинции. В региональных университетах латинский язык в большинстве случаев преподают специалисты различных языковых профилей – от французского и испанского до белорусского, но только не филологи-классики. Поэтому сетования покинувшего нас в 1995 г. автора учебников латинского и греческого языков для историков Андрея Чеславовича Козаржевского по поводу того, что «на отделениях классической филологии слабо поставлено преподавание отраслевой методики, в силу чего выпускники этих отделений... механически переносят привычные методы, уместные в преподавательской работе на филологическом факультете, на преподавание языка историкам» [5, с. 80], сейчас могут вызвать у белорусских энтузиастов антиковедения лишь горькую иронию.

Драматичность ситуации в белорусском антиковедении состоит в том, что согласно новому типовому плану для исторических факультетов классических университетов, латинский язык вообще изъят из перечня обязательных дисциплин. Правда, латынь в качестве обязательной дисциплины оставлена на «педпотоках» исторических факультетов

(т.е. там, где ведется обучение по специальностям: «История. Иностранный язык», «История. Социально-политические дисциплины», «История. Религиоведение»). Чем объяснить подобный парадокс, когда как раз те студенты, которые специализируются на научной деятельности, оказываются «освобожденными» от необходимости изучать латынь? И опять-таки заметим, что ситуация и прежде была не блестящей даже в БГУ, впрочем игравшего в советское время роль дочернего по отношению к Москве и Ленинграду центра антиковедения. Так, на упоминавшемся заседании в ходе VI-х Сергеевских чтений ведущим белорусским антиковедом и медиевистом профессором В.А. Федосиком было отмечено: «У нас немало проблем с языковой подготовкой. Долгое время латинский, греческий и один из иностранных языков (славянский) изучались студентами, специализирующимися на кафедре (истории древнего мира и средних веков – Е.Р, С.Т.), факультативно» [4, с.88].

Утешает, что в некоторых региональных университетах (не во всех) преподавание латинского языка на исторических факультетах введено за счет часов, имеющихся в резерве совета факультета (или вуза). Однако в одних случаях количество аудиторных часов оказывается недостаточным (например, в ГГУ им. Ф.Скорины), а в других – изучение латыни переносится на четвертый курс (например – в Полоцком государственном университете), когда история древнего мира и средних веков уже давно пройдены.

Воистину «создается парадоксальное положение, когда науки об античном мире должны двигать вперед, пересматривая в чем-то достижения ученых прошлых поколений, новые люди, подготовленные, по крайней мере, в том, что касается древних языков, слабее, чем их предшественники» [6, с. 77–78].

Признавая кризисность сложившегося положения в белорусском антиковедении, по крайней мере в региональных университетах, мы должны ответить себе на вопрос: следует ли проигнорировать ситуацию или должно попытаться ее исправить? И каковы пути выхода из ситуации? Во-первых, жизненной необходимостью здесь является интеграция белорусской исторической науки в мировое интеллектуальное пространство, хотя бы через посредство «провинциальной» российской науки. Во-вторых, абсолютно необходимой видится реорганизация системы преподавания и изучения классических языков на исторических факультетах путем возврата в учебные планы хотя бы латыни и хотя бы в прежнем (до выхода образовательных стандартов 2008 года) объеме. В-третьих, следует наконец придать импульс в подготовке филологов-классиков. Наконец, в-четвертых, необходимо обратить внимание на издание учебников латинского языка, специально предназначенных для студентов-историков. В настоящее время наиболее массовым является в целом очень удачный, на наш взгляд, учебник Н.Л. Кацман и

З.А. Покровской [7]. Однако он предназначен главным образом для студентов, обучающихся на факультетах иностранных языков. Более рациональным видится переиздание учебника А.Ч. Козаржевского [8] и пособия Г.Г. Козловой, специально-предназначенного для историков [9].

Список основных источников

1. Перевалов, С.М. О провинциализме российского вузовского антиковедения / С.М. Перевалов // Антиковедение в системе современного образования: материалы научной конференции (Москва, 26-27 июня 2002 г.). – М.: ИВИ РАН, 2003 – С. 13–15.
2. Фролов, Э.Д. О преподавании и изучении древней истории и древних языков на историческом факультете ЛГУ / Э.Д. Фролов // Вестник древней истории. – 1990. – № 4. – С. 76–80.
3. Удальцова, В.И. Актуальные проблемы преподавания истории Древнего мира в современной школе / В.И. Удальцова // Антиковедение в системе современного образования: материалы научной конференции (Москва, 26-27 июня 2002 г.). – М.: ИВИ РАН, 2003. – С. 8–9.
4. О преподавании древней истории и классических языков в высшей и средней школе. Дискуссия // Вестник древней истории. – 1991. – № 1. – С. 82–90.
5. Козаржевский, А.Ч. Место древних языков в университетской подготовке историков-античников / А.Ч. Козаржевский // Вестник древней истории. – 1991. – № 1. – С. 80–82.
6. Зайцев, А.И. О преподавании латинского и древнегреческого языка для студентов филологов-классиков и историков Греции и Рима в ЛГУ / А.И. Зайцев // Вестник древней истории. – 1991. – № 1. – С. 82–90.
7. Кацман, Н.Л. Латинский язык: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Н.Л.Кацман, З.А.Покровская. – 6-е изд. – М.: «Владос». – 456 с.
8. Козаржевский, А.Ч. Учебник латинского языка для нефилологических гуманитарных факультетов университетов / А.Ч. Козаржевский. – М.: Высшая школа, 1971. – 312 с.
9. Козлова, Г.Г. Латинский язык: учебн.-метод. пособ. для студ.-заочн. истор. фак-в гос. ун-в / Г.Г. Козлова. – М.: Изд. МГУ, 1972. – 284 с.

«ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»

Н.В. ГОГОЛЯ: ПРОБЛЕМАТИКА И ИДЕЙНАЯ

НАПРАВЛЕННОСТЬ КНИГИ

И.Л. Судибор, Е.Н. Шиленок

УО МГПУ им. И.П. Шамякина

«Выбранные места из переписки с друзьями» были задуманы Н.В. Гоголем как единое, цельное произведение. В.А. Воропаев (российский литературовед, специалист в области русской литературы XIX века) отмечает, что архимандрит Феодор (Бухарев), едва ли не единственный, кто пытался рассмотреть предмет книги, определил что мысли Гоголя, «как они по внешнему виду ни разбросаны и ни рассеяны в письмах, имеют строгую внутреннюю связь и последовательность, а потому представляют стройное целое». Архимандрит Феодор выделяет в книге три идейно-тематических «отдела». Первый составляет общие и основные мысли – о бытии и нравственности, о судьбах рода человеческого, о Церкви, о России, о современном состоянии мира. Второй – это мысли,

касающиеся «искусства, и в особенности поэзии». Третий – некоторые личные пояснения автора о себе, о своих сочинениях и об его отношении к публике [1, с. 11]. Такое деление является условным, так как эти разделы можно перераспределить и в другие, например, о роли женщины в семье и обществе, об обязанностях сословий и каждого отдельного человека на своем поприще и т.д. Можно сказать, что главным содержанием книги Н.В. Гоголя является Россия и её духовное будущее. Рассмотрим проблематику «Выбранных мест...» более подробно.

Произведение открывается «Предисловием», в котором автор объявляет о своем намерении отправиться Великим постом в Святую землю. Он просит у всех прощения, так же, как и православные христиане в Прощенное воскресенье. Писатель просит своих соотечественников несколько раз внимательно прочитать книгу и помолиться о нем.

Далее следует «Завещание», напоминающее каждому о важнейшей христианской добродетели – памяти смертной. Эта глава раскрывает духовно-нравственный характер автора, его смиренное отношение к себе, которое «красной нитью» проходит через его произведение. «Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном. Кому же из близких моих я был действительно дорог, тот воздвигнет мне памятник иначе: воздвигнет он его в самом себе своей неколебимой твердостью в жизненном деле, бодреньем и освеженьем всех вокруг себя» [2, с. 219].

Письма, адресатами которых являлись женщины («Женщина в свете» и «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России»), различны по тону и лирическому сюжету, но единит их мысль об избранности женщин, которые посланы в мир, чтобы спасти, духовно излечить мужчину. Н.В. Гоголь писал, что душа жены – хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его с кривой на прямую; и, наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его навеки [2, с. 224].

Все вопросы жизни, бытовые, общественные, государственные, имеют для Н.В. Гоголя религиозно-нравственный смысл.

Идея воспитания христианских чувств и христианских добродетелей просматривается на протяжении всей книги в главах «Значение болезней», «О помощи бедным», «Христианин идет вперед», «Советы», третье письмо о «Мертвых душах», «Нужно любить Россию». «Принимайте же и вы покорно всякой недуг, веря вперед, что он нужен. Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами Его чудное значение и вся глубина Его высокого смысла» [2, с. 229]. Далее Н.В. Гоголь замечает: «Ум не есть высшая в нас способность. Его должность не больше, как полицейская: он может только привести в порядок и расставить по местам всё то, что у нас уже есть. Он сам не двинется вперед, покуда не двинутся в нас все другие

способности, от которых он умнеет. ... Есть высшая еще способность; имя ей – мудрость, и ее может дать нам один Христос» [2, с. 265].

Западная культура утверждает: человек создан для удовольствий и развлечений. Гоголь отрезвляюще отвергает этот постулат: «...Призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований. На битвы мы сюда призваны; праздновать же победу будем там. Всех нас озирает свыше Небесный Полководец, и ни малейшее наше дело не ускользает от Его взора» [22, с. 368].

Духовные стремления писателя были близки определенному кругу понятий. Он всё более проникается учением Церкви. И приходит к выводу, его ужаснувшему: просвещенное русское общество, формально православное, истинного Православия не знает – как не знал его он сам совсем недавно. «Церковь наша должна святиться в нас, а не в словах наших. Мы должны быть церковью наша и нами же должны возвестить ее правду. Они говорят, что церковь наша безжизненна. – Они сказали ложь, потому что церковь наша есть жизнь» [22, с. 245].

Православной Церкви посвящены, быть может, лучшие и вдохновеннейшие строки «Выбранных мест...», и каждое суждение писателя становится драгоценным для нас. В главах «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» и «О том же» затронута проблема влияния Православной Церкви на судьбу России, на судьбу общества и на судьбу человека в частности. Важным моментом является последовательность взглядов Н.В. Гоголя в отношении оценки роли Православной Церкви. Он отмечает позитивный след нравственного наследия Церкви и спасительного влияния ее на Россию.

Значительная часть книги посвящена проблеме, которая не могла не тревожить Гоголя как художника (главы: «О том, что такое слово», «Чтение русских поэтов перед публикою», Об «Одиссее», переводимой Жуковским», «О лиризме наших поэтов», «Споры», «Карамзин», «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», «Исторический живописец Иванов», «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»). Он размышляет о литературе, искусстве, и эти размышления можно назвать апологией искусства. Главную опасность для этой категории он видит в праздном слове: «Опасно шутить писателю со словом. Слово гнило да не исходит из уст ваших!» [22, с. 232]. Н.В. Гоголь приводит мысль о необходимости тщательного продумывания и обработки произведений, ввиду общественного значения каждого слова писателя. В этом опирается он не только на учение Евангелия (Мф. 12,36–37), но и на собственный мучительный опыт. Гоголь в искусстве видит теперь также служение Христу. В «Выбранных местах...» автор формулирует важнейшую свою идею, в которой отпечатлелось гоголевское видение искусства (хотя

конкретно он сопрягает её с размышлением о театре): человеку необходима «незримая ступень к христианству» и таковою может стать именно искусство. Должно стать, иначе ему не избежать праздных мыслей и речей [30, с. 162].

Важное место в «Выбранных местах...» занимают такие главы, как «Нужно любить Россию» и «Нужно проездится по России». Н.В. Гоголь указал на два условия, без которых даже самые лучшие преобразования в России невозможны. Первое – нужно любить Россию. Что значит любить? Писатель дает пояснение: «Тому, кто пожелает истинно честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства, – нужно иметь много любви к человеку вообще и сделаться истинным христианином, во всем смысле этого слова» [22, с. 300]. Второе условие – ничего не должно делаться без благословения Церкви. Основная идея книги состоит в необходимости преодоления трагической разобщенности большинства людей с Церковью, о необходимости внесения ее уставов и законов, исполненных глубочайшего смысла, во все области жизни: частную, общественную, государственную.

Гражданское служение обществу и Отечеству – одна из основных идей книги. В своем произведении Н.В. Гоголь выступает в роли гражданина, стремящегося к наилучшему устройству страны, установлению единственно правильной иерархии должностей, при которой каждый добросовестно выполняет свой долг («Занимающему важное место», «Что такое губернаторша», «Русский помещик», «Чей удел на земле выше», «Женщина в свете», «Карамзин» и др.). Какими должны быть государственные чиновники, как должны исполнять обязанности автор говорит в главе «Что такое губернаторша»: «попросите его (губернатора) прежде всего обратить внимание на то, чтобы советники губернского правления были честные люди. Это главное. Как только будут честны советники, тот же час будут честны капитан-исправники, заседатели, словом – все станет честно... Губернатор – отец истинный всем своим подчинённым; все чиновники его дети; союз любви связывает самые высокие общественные ступени с самыми низкими» [22, с. 313].

Венцом книги является глава «Светлое Воскресение», напоминающая каждому о вечности жизни, о бессмертной душе. Читатель, по замыслу Н.В. Гоголя, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» словно проходит путь христианина во время Великого поста – от смерти к Воскресению, через скорби и болезни к радости вечной.

Подводя итог, нужно отметить, что Н.В. Гоголь в своей книге обращается к «друзьям своим», т. е. ко всем русским людям: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом». В этих словах содержится весь смысл его жизни, стремление помочь исправить душу человека и именно совершенствование каждого из нас приведет к всеобщему духовному возрождению. Спасение души

возможно только в Православной Церкви, а спасение России Гоголь видит в соборности. Проблематика книги «Выбранные места из переписки с друзьями» затрагивает такие вопросы, как любовь писателя к России и пути её спасения, роль Православной Церкви в судьбе России, нравственное самосовершенствование человека, роль литературы, искусства, эстетики в жизни общества, гражданское служение обществу и Отечеству, роль женщины в семье и обществе.

Список основных источников

1. Бухарев, Ф. Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году / Ф. Бухарев. – Спб.: Типография Морского министерства, 1860. – 260 с.
2. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений в 14 т. / Н.В. Гоголь / редкол. Н.Л. Мещеряков (гл.ред.) [и др.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 8: Статьи / под ред. Н.Ф. Бельчикова, Б.В. Томашевского. – 816 с.
3. Дунаев, М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература XVII-XX вв. / М.М. Дунаев. – М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2003. – 1056 с

ДУХОЎНАСЦЬ ЯК АСНОВА МАСТАЦКАЙ КАНЦЭПЦЫ ГІСТОРЫІ В. ІПАТАВАЙ

А.У. Сузько

УА МДПУ ім. І.П. Шамякіна

Клопат пра сваю радзіму, малства за яе матэрыяльны і духоўны дабрабыт заўсёды былі і застаюцца вызначальнымі ідэйна-мастацкімі імператывамі для любога пісьменніка. Грамадзянскасць гучання літаратурнага твора і на сённяшні момант не страчвае сваёй актуальнасці.

Відаць, таму В. Іпатава, пісьменніца, што ўсю сваю творчасць прысвяціла асэнсаванню гістарычнага шляху Беларусі, вяртанню суайчыннікам страчаных ці забытых культурных і духоўных каштоўнасцей, апелюе ў сваім чарговым творы, аповесці “Апошнія ахвяры свяшчэннага дуба”, да праблемы гістарычнай памяці, аднаўлення гістарычнай справядлівасці. Яна стварыла мастацкае палатно, што па сутнасці ўяўляе сабой своеасаблівае ўшанаванне святых пакутнікаў “беларускага паходжання”. Штуршком для напісання твора сталі для пісьменніцы скупыя звесткі, запазычаныя з розных гістарычных крыніц, а таксама пралагавай аповесці “Мучэння святых наваяўленых мучанікаў родам з Літвы Іаана, Антонія і Яўстафія”, якая захавалася толькі ў сербскай рэдакцыі XIV стагоддзя [1, с. 181].

Цікавасць пісьменніцы да постацяў святых Іаана, Антонія і Яўстафія (свецкія імёны Круглец, Няжыла, Кумец) невыпадковая. Сярод уласна беларускіх падзвіжнікаў хрысціянства найбольш вядомыя імёны Еўфрасінні Полацкай, Кірылы Тураўскага, Клімента Смаляціча і інш. Як заўважаем, спіс не ўражвае шматлікасцю постацяў, але значнасць іх укладу ў агульнахрысціянскую духоўную спадчыну невымерная. Відавочна, В. Іпатавай кіравала жаданне папоўніць культурную скарбніцу беларускага

народа і паказаць выключны маральна-духоўны яго патэнцыял. Мошчы вышэй згаданых пакутнікаў з'яўляюцца агульнай праваслаўнай святыняй, аднак беларусы ў гэтай сітуацыі аказаліся чарговы раз абрабаванымі, бо літоўскі народ прылічвае іх да сваіх нацыянальных рэліквій.

Як сапраўдная патрыётка сваёй Радзімы В. Іпатава не магла не думаць пра нябесных ахоўнікаў, святых, духоўная падтрымка якіх неабходна любому народу ў самыя пераломныя і адказныя моманты гісторыі і сучаснасці. Письменніца ў прадмове да аповесці “Апошнія ахвяры свяшчэннага дуба” прызнавалася: “У гэтай аповесці мне хацелася звярнуцца да тых старонак беларускай гісторыі, якія складаюць яе духоўную славу і якія павінны быць адноўленыя, каб над нашай краінай прасціралася ахоўная моц пакутнікаў, якіх ушанавалі яшчэ ў XIV стагоддзі і якія, як вечная загадка для атэістаў, засталіся нятленнымі ў свеце, дзе рассыпаюцца камяні і царствы...” [2, с. 5].

Такім чынам, ідэйным каркасам аповесці В. Іпатавай сталі дакументальныя звесткі пра трох віленскіх пакутнікаў, якія яна ўзбагаціла змястоўным, па-мастацку пераканальным творчым вымыслам.

Прычынай страшнага пакарання прыхільнікаў хрысціянства, паводле “Памяці святых наваяўленых пакутнікаў Антонія, Іаана, Яўстафія”, стала іх публічная адмова есці мяса ў пост і галіць бараду [3, с. 140–143]. В. Іпатава, выкарыстоўваючы традыцыі старажытных жыццёў і хаджэнняў, спрабуе ўзнавіць гісторыю свецкага жыцця, пакутаў і смерці беларускіх святых.

Праз усе творы В. Іпатавай праходзіць думка пра вечнасць духоўных каштоўнасцей, сцвярджаецца іх прыярытэт для самасцвярджэння народа, нацыі, краіны. Згадаем Жывену з рамана “Залатая жрыца Ашвінаў”, што дбала найперш пра захаванне жывой, цнатлівай душы, насуперак неспрыяльным і жорсткім жыццёвым абставінам; Ляздзейку з “Вешчуна Гедзіміна”, які, з'яўляючыся напачатку княскім вешчуном, а пасля і вярхоўным жрацом, марыць пра свабоду, чалавечую і творчую, усведамляючы, што ў барацьбе за ўладу людзі забыліся пра святое, страцілі чалавечнасць, абмянялі вечнае на мітуслівае, імгненнае.

У творы В. Іпатавай відавочныя сувязі з нацыянальнай і еўрапейскай мастацка-гістарычнай традыцыяй. Так, аповесць “Апошнія ахвяры свяшчэннага дуба” мае пэўныя ідэйна-мастацкія паралелі з раманам польскага пісьменніка Г. Сянкевіча “Куды ідзеш?”, дзе ён паказвае першых хрысціян як ахвяр прыдворных інтрыг, барацьбы за ўладу і сферы ўплыву. Толькі, у адрозненне ад паталагічна жорсткага тырана Нерона, князь Альгерд у творы В. Іпатавай сам з'яўляецца ахвярай палітычнай сітуацыі ў краіне.

У той жа час В. Іпатава адлюстроўвае беларускую мінуўшчыну ў рамантычным ключы, характэрным для творчага метаду У. Караткевіча. Героі В. Іпатавай апантаныя ідэяй духоўнага і маральна-этычнага

абнаўлення свету, усеагульнага быцця на аснове прынцыпаў добра, праўды, справядлівасці, любові. Згадаем, як Круглец (Іаан) разважае: “Свет, хаця і стаіць ён сёння на патрэбе для самога сябе, не павінен быць такім. А калі дапаможаш іншаму – атрымаеш такую радасць, якой ня ведаеш, калі зрабіў нешта толькі для сябе...” [2, с. 22]. Паводле законаў рамантычнага пісьма, побач з ідэальным светам існуе свет цемры, зла. Яго ўвасабленнямі на старонках аповесці з’яўляюцца жрацы (Мікша, Бурыла, Нара, Дзівейна), якія з дапамогай маны і злачынстваў імкнуцца ўтрымаць у сваіх руках вярхоўную ўладу, прымушаюць Альгерда пакараць смерцю Кумца, Кругляца і Няжылу. Горкую праўду пра непазбежнасць крызісу язычніцтва В. Іпатава ўкладвае ў вусны сумленнага і шчырага служкі культу Лойкі, які непакоіцца за “жрэцтва, якое пакуль што вяло народ па духоўнай сьцяжыне, але непазбежна павінна было страціць уладу і магутнасць, таму што даўно страціла глыбінную чысціню сапраўдных ведаў і сувязі з Небам” [2, с. 186–187]. Так, аўтар вырашае праблему ўзаемаадносін народа і ўлады, свецкай і духоўнай, і, разам з тым, злучае далёкую гісторыю і сучаснасць.

Невыпадкова В. Іпатава абрала для свайго аповеду пераломны момант гісторыі Вялікага княства Літоўскага як у плане светапоглядным, так і ў плане гістарычным. Яе зацікавіў момант супрацьстаяння дзвюх моцных светапоглядных сістэм: язычніцтва і хрысціянства. Пісьменніца паказвае ўсю складанасць пераходу да новай формы свядомасці, складанасць разбурэння псіхалагічных стэрэатыпаў і кансерватыўнасці мыслення. Ды і сама пісьменніца, відаць, разумее каштоўнасць духоўнага вопыту і язычніцтва, і хрысціянства. Недарэмна яна так падрабязна апісвае сцэну спрэчак паміж вязнем Кумцом і жрацом Лойкам:

“ – ... Чарната апаноўвае свет. Мы ідзём не шляхам праўды, дабрыні і спагады, а нянавісці, хцівасці і зайздрасці. Людзям няма выратавання, апроч як прыняць закон ахвярнасці, што даў нам праз Хрыста Ўсявышні. Усяго дзесяць законаў! Яны такія простыя – і такія неверагодна цяжкія! А што прапануе сёння язычніцтва?

– Ты кажаш – сёння. Так, сёння і язычніцтва ўжо не дасканалае. Але і ў ім жыве спагада, і галоўнае – у ім радасць жыцця, паўната чалавечага існавання і пакланенне прыгажосці прыроды!” [2, с. 186].

Менавіта Лойка зразумеў тую ісціну, што язычніцтва зжыло сябе, і ў гэтым яго найвялікшая драма. Бо менавіта Кумцу, а не яму, пасрэдніку паміж людзьмі і багамі, адкрылася боская таямніца; не яму была дадзена магчымасць дакрануцца да Дрэва Жыцця, прычым, не язычніцкага дуба, а срэбнай яблыні з залатымі яблыкамі, сімвала боскай літасці, мудрасці, райскага дрэва. Так, В. Іпатава паказвае цягу чалавека да новых духоўных гарызонтаў. Сапраўды, язычніцтва ўжо не задавальняла духоўныя патрэбы чалавецтва. Відаць, недарэмна твор пачынаецца апісаннем ахвярапрынашэння маладой і прыгожай дзяўчыны Векшы. Кроў, што

лілася ракой, абурыла пакуль яшчэ толькі аднаго чалавека, Кумца, які не можа і не жадае змірыцца з такой жорсткасцю і несправядлівасцю. Адказы на пытанні, што нараджаюцца ў яго душы, ён знаходзіць у хрысціянскім храме.

Увогуле, хрысціянства высока ацэньвае ачышчальную сілу пакут – не як самамэты, але як самай моцнай зброі ў вайне са злом свету. Толькі “прымаючы свой крыж”, чалавек, паводле хрысціянскага разумення, здолее перамагчы зло ў самім сабе і вакол сябе.

Відаць, таму так катэгарычна і прынцыпова абараняе сваю веру Кумец, адмаўляецца ад уцёкаў з вязніцы, можна прымае смерць. Духоўная перамога застаецца за героем: “Тут, у цямніцы, да мяне прыходзіў Усявышні... Я бачыў яго як ззянне. І гэта... дало мне такое святло! Такую радасць і такую моц!” [2, с. 113]; “А ці стане святло да мяне прыходзіць там? Там, дзе тлум, пагоня за багаццем, за ласкаю князя... дзе няма калі думаць аб тым, навошта дадзенае нам жыццё? Думаю, яно мяне пакіне. Там я стану ранейшым – трохі веры, трохі ўцехаў. І ўсё як ва ўсіх” [2, с. 113]. Праз пакуты да Кумца прыходзіць ачышчэнне, усведамленне значнасці сваёй ахвяры, а значыць, жыццё яго набывае сэнс.

Па-рознаму прыходзяць героі В. Іпатавай да Бога, яго мудрасці, да веры ў дабро і чалавечнасць. Так, да прадстаўніка тагачаснай “залатой моладзі” Кругляца, абласканага ўладай, каханнем, багаццем, боская мудрасць прыходзіць як азарэнне: “Сталася гэта ў час падарожжа ў Цар-горад, дзе сустрэлі і пранізалі душу хлопца-язычніка вочы мазаічнага Хрыста на сцяне велічнага храма святой Сафіі. Былі ў гэтых вачах тужлівасць, але адначасна і непарушны спакой, і спагада, і разуменне... Было тое, чаго не давалі навукі ва ўніверсітэце, на што не маглі знайсці адказу жрацы ў капішчах, хаця яны ведалі хаду зорак і прадказвалі зацьменні і мор” [2, с. 16]. Шчырыя, праніклівыя вочы Хрыста адказалі на ўсе пытанні, якія даўно не давалі спакою герою.

Адзін момант змяніў жыццё Кругляца цалкам, ён зразумеў каштоўнасць чалавечага жыцця і тую простую ісціну, што адзіным законам чалавечага існавання павінна быць любоў да бліжняга, да ўсяго свету: “... Ён адчуў, што ўсю ягоную істоту напаўняе нейкае новае для яго пачуццё – магутнае, як марская хваля, з тых, што нядаўна ўзносілі і кідалі іхні карабель на Понцкім моры. І гэтае пачуццё было любоўю” [2, с. 17].

В. Іпатава выдатна валодае прыёмамі псіхалагічнага пісьма. Так, пакуты сумлення Кругляца, усведамленне ім сваёй былой жорсткасці ў дачыненні да простых людзей яна параўноўвае з тым цяжарам, што цягне “няшчаснага, што ў латах трапіў пад лёд, у бездань...” [2, с. 22].

Раскаянне дапамагае герою ачысціцца і зразумець сваю абранасць. Невыпадкова ён не застаецца ў Нямеччыне, а вяртаецца на радзіму, каб праўдзіва расказаць пра тое, што з імі было і аддаць сябе пад ахоўніцтва таго бога, які ахвяруе сабой дзеля іншых. Вось і яму трэба ахвяраваць сабою дзеля

таго, каб сведчыць ісціну – тую, якую, па ўсім бачна, перажылі Кумец і Няжыла, і якую цяпер нанова перажыў ён сам” [2, с. 183].

Няжылу дзеля таго, каб зразумець ілюзорнасць прыдворнага жыцця, яго жорсткасць і хлуслінасць, давлялося прайсці праз адрачэнне ад хрысціянства. Аднак толькі праз адрачэнне адбылося яго вяртанне да Бога. Ён па-іншаму стаў глядзець на гэты свет і людзей. Таму заканамерным быў яго адкрыты пратэст супраць жыццёвай несправядлівасці. В. Іпатава паказвае своеасаблівы пераход героя з жорсткага і бесчалавечнага свету ў іншы, лагодны і пяшчотны: “...Яго ахутала залатое, мяккае святло, закалыхала, суцішыла боль і ўдары. Ён раставаў у гэтым неспазнаным святле і пачуцці ўсеабдымнасці і шчасця” [2, с. 197].

Такім чынам, В. Іпатава ў сваёй аповесці “Апошнія ахвяры свяшчэннага дуба” паказала працэс духоўнага сталення чалавека, сцвердзіла неабходнасць пакаяння і духоўнага ачышчэння для ўсяго чалавецтва.

Спіс асноўных крыніц

1. Лойка, А.А. Старабеларуская літаратура: падручнік / А.А. Лойка. – Мінск: Вышэйшая школа, 2001. – 319 с.
2. Іпатава, В. Апошнія ахвяры свяшчэннага дуба: аповесць / В. Іпатава. – Мінск: Кнігазбор, 2006. – 216 с.
3. Памяць святых наваўленых пакутнікаў Антонія, Іаана, Яўстафія (пераклаў А. Мельнікаў) // Кніга жыццй і хаджэнняў: пер. са старажытнарус., старабел. і польск. / уклад., прадм. і каментарыі А. Мельнікава. – Мінск: Маст. літ., 1994. – С. 140–143.

ЗМЯСТОЎНЫЯ ДАМІНАНТЫ ГРАМАДЗЯНСКА-ПАТРЫЯТЫЧНАГА ВЫХАВАННЯ: ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ АСПЕКТ

М.М. Шчэрбін

УА МДПУ ім. І.П. Шамякіна

Мадэрнізацыя грамадзянска-патрыятычнага выхавання праз удасканаленне яго зместу як адна з перспектыўных задач павышэння выхаваўчых функцый адукацыі з’яўляецца важным накірункам навуковага пошуку сучаснай педагагічнай тэорыі і практыкі.

Ужо старажытныя крыніцы – летапісы, хронікі, жыцці – змяшчаюць каштоўныя ідэі аб тым, якім павінен быць патрыёт і грамадзянін сваёй краіны. Вызначэнне якасных характарыстык зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання ажыццяўлялася або напрамую праз усхваленне запатрабаваных рыс і якасцей асобы, або ускосна – праз ганьбаванне заганаў і недахопаў.

Старажытныя асветнікі, адстойваючы ідэі адзінства, міру, добрабычлівасці ў адносінах паміж людзьмі, вызначалі іх у якасці падмурку выхавання чалавека, адданага сваёй Радзіме (Е. Полацкая, К. Тураўскі). Асуджэнне міжусобіц і неабходнасць клопату аб сваёй Айчыне з’яўліліся лейтматывам першых летапісных крыніц “Аповесці

мінулых гадоў” і “Слова пра паход Ігаравы”, што вылучалі такія адносіны важнай састаўляючай зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання маладога пакалення [15].

Грамадзянска-патрыятычнае выхаванне ў якасці аднаго з вядучых у сістэме станаўлення асобы разглядалі беларускія асветнікі-гуманісты, звяртаючы ўвагу на неабходнасць рэфармавання яго зместу.

М. Гусоўскі важнымі састаўляючымі зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання адзначаў беражлівасць, вернасць, павагу ў адносінах сваёй Бацькаўшчыны і яе каштоўнасцей, сцвярджаў неабходнасць асабістай адказнасці чалавека за лёс сваёй Радзімы [14]. Чырвонай ніткай праз усю спадчыну Ф. Скарыны праходзіць ідэя служэння на карысць свайго народа і краіны, увасобленая ў хрысціянскай самаадданасці, чалавекалюбстве, імкненні да справядлівасці як змястоўнага канцэпту грамадзянска-патрыятычнага выхавання [9]. С. Будны быў перакананы ў надзвычайнай ролі ў выхаванні прыхільнасці сваёй Радзіме, “богабязнасці, справядлівасці і міласэрнасці” ў якасці падмурку выхавання патрыёта і грамадзяніна [14, с. 220]. В. Цяпінскі выступаў за падтрымку роднай мовы, гісторыі і культуры, адзначаў іх выключнае значэнне ў выхаванні “зычлівасці” да сваёй Айчыны [14, с. 233].

Летапісныя крыніцы XV–XVI стст. (“Летапісец Вялікіх князёў літоўскіх”, “Беларуска-літоўскі летапіс 1446 г.”, “Хроніка Быхаўца”) на дзяржаўным узроўні сцвярджалі неабходнасць падтрымання цэласнасці і суверэнітэту краіны, вызначаючы гэтыя грамадзянска-патрыятычныя рысы ў якасці важнага кампанента зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання [14, 28, 31].

Прагрэсіўныя погляды аб неабходнасці грамадзянска-прававога выхавання “добранадзежных сыноў Айчыны” былі выказаны Л. Сапегам, А. Воланам, М. Літвіным. Мысліцелі XVI ст. побач з любоўю і вернасцю чалавека да Радзімы вызначалі грамадзянскую адказнасць перад іншымі людзьмі, грамадствам, дзяржавай як аснову паводзін патрыёта і грамадзяніна. Згодна з перакананнямі асветнікаў добрае грамадства тое, дзе “...права ў роўнай ступені служыла ўсім”, а добрага грамадзяніна, адпаведна, лепшым чынам характарызуе “...абарона законаў і звычаяў свайго народа” [14, с. 278].

Запатрабаванасць грамадзянска-патрыятычнага выхавання як важнага сродку адстойвання самастойнасці беларускіх зямель у XVII – пач. XVIII ст. абумовіла ўвагу да пераасэнсавання яго зместу сярод прадстаўнікоў палемічнай літаратуры – А. Філіповіча, М. Смятрыцкага, Л. Карповіча, З. Капысценскага. Побач з хрысціянскімі дабрачыннасцямі, на думку мысліцеляў, для патрыёта і грамадзяніна сваёй Радзімы, павінна быць уласціва імкненне да дасягнення “грамадскага шчасця”, згоды і дабрабыту, нягледзчы на светапоглядныя або рэлігійныя перакананні [2], [14], [20].

Вядомыя беларускія этнографы XIX–XX стст. Я.Ф. Карскі, А. К. Сержпутоўскі, П.М. Шпілеўскі з далучэннем да сваёй мовы, культуры, гісторыі звязвалі развіццё цікавасці да мінулага, гонару за свай народ, умацаванне нацыянальнай свядомасці беларусаў у якасці ключавых падстаў зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання [19, 28]. Этнаграфічныя работы, накіраваныя на папулярызацыю беларускага фальклору, з’яўляюцца значнымі крыніцамі грамадзянска-патрыятычнага выхавання на традыцыйных каштоўнасцях беларускай культуры як важнага складальніка яго зместу.

Грамадзянска-патрыятычную праблематыку закраналі ў сваёй творчасці беларускія пісьменнікі В. Дунін-Марцінкевіч, Ф. Багушэвіч, Я. Лучына, якія любоў да роднага краю, яе прыроды, людзей лічылі падмуркам развіцця чалавека-патрыёта і чалавека-грамадзяніна.

Педагогі і грамадскія дзеячы А. Я. Багдановіч, Ф.А. Кудрынскі, К. І. Ціхаміраў адзначалі каштоўнасць для гарманічнага развіцця выхаванцаў фарміраванне такіх грамадзянска-патрыятычных якасцей як любоў і прыхільнасць да каштоўнасцей сваёй Радзімы [1, 2].

Прыярытэт грамадзянска-патрыятычнага выхавання ў савецкай навуцы і практыцы ў кантэксце працоўнага, ваенна-патрыятычнага, інтэрнацыянальнага і іншых відаў выхавання з’яўляўся адной з асаблівасцей развіцця савецкай школы, што прадвызначыла ўвагу да рэфармавання зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання (Н. К. Крупская, С. А. Казлова, Р. І. Жукоўская, Н. Ф. Вінаградава).

Актывізацыя даследаванняў па грамадзянска-патрыятычнай тэматыцы ў другой палове XX ст. абумовіла з’яўленне навуковых прац, прысвечаных розным аспектам тэорыі і практыкі выхавання моладзі. Шэраг гісторыка-педагагічных даследаванняў закранаюць праблемы фарміравання цэласнай асобы выхаванца ў кантэксце сістэматызацыі педагагічнай спадчыны беларускіх зямель (Э. К. Дарашэвіч, М. С. Мяцельскі, С. А. Умрэйка [1]), вырашэння актуальных праблем выхавання (А. А. Грымаць, Ф. В. Кадол, Р. С. Піонава [10, 17]), метадалагічнага і метадычнага бакоў адукацыі (А. П. Сманцэр, В. П. Таранцей, В. У. Чэчат) [27].

Да пытанняў гістарычнага асэнсавання філасофіі культуры і адукацыі звярталіся А. С. Майхровіч, С. А. Падокшын, У. М. Конан [19] і інш., нацыянальна-культурныя аспекты станаўлення асобы ў сувязі з этнагістарычнымі працэсамі, рэлігійнымі асаблівасцямі развіцця беларускіх зямель разглядалі Л. В. Вансовіч, Н. А. Кутузава, С. У. Марозава, А. П. Мельнікаў, В. У. Старасценка [6], [20], [22], [24], [28].

Вывучэнню педагагічнага патэнцыялу творчай спадчыны беларускіх асветнікаў, гуманістаў, рэфарматараў прысвечаны работы У. А. Арлова, Г. Я. Галенчанка, В. А. Чамярыцкага, В. Ф. Шалькевіча, якія закраналі

разнастайныя магчымасці актуалізацыі выхаваўчых традыцый мінулага ў фарміраванні патрыётаў і грамадзян [9, 31, 33].

Гістарыяграфія даследаванняў праблемы змястоўнага напаўнення грамадзянска-патрыятычнага выхавання на сучасным этапе ўключае навуковыя работы разнастайнай скіраванасці:

З сацыяльна-філасофскага аспекту зместу грамадзянска-патрыятычнага выхавання ўласцівы:

- сацыякультурныя і аксіялагічныя падставы развіцця (Е. В. Беляева, Т. А. Гутарчык, А. М. Пракофьева, М. Ю. Узгорак) [11], [29];

- гістарыка-культурная дэтэрмінацыя (І. А. Барсук, А. Л. Барчук) [3];

- нацыянальна-культурная абумоўленасць (А. І. Ляўко, В. В. Мартынава, А. С. Майхровіч, С. А. Подокшын) [19], [21], [23].

З псіхалага-педагагічнага аспекту змест грамадзянска-патрыятычнага выхавання разглядаецца на падставе:

- псіхалага-педагагічных умоў фарміравання (Ф.В. Кадол, Л. А. Казінец, Е. Ю. Крыкала, Н. М. Снапко,) [2], [17], [18];

- аналізу эфектыўнасці і спосабаў павышэння выніковасці (К. В. Гаўрылавец, С. Н. Захарава, У. Т. Кабуш, І. Ф. Харламаў) [8], [12], [16], [30];

- спосабаў, форм, метадаў працэсуальнай арганізацыі (В.У. Буткевіч, І. А. Калеснікава, А. У. Талкачова, В. П. Петухоў) [5], [27];

- этнакультурнай асновы і рэгіянальных асаблівасцей (Г. П. Арлова, В. С. Болбас, Е. Ф. Івашкевіч, С. В. Снапкоўская, Ю. В. Чарняўская) [2], [4], [13], [25], [32].

З этнагістарычнага аспекту змястоўнае напаўнення грамадзянска-патрыятычнага выхавання дэтэрмінавана:

- гісторыка-культурнымі ўмовамі існавання народу (І. У. Вішнеўская, Л. М. Лыч, А. П. Мельнікаў, В. У. Старасценка) [7], [24], [28].

- тэндэнцыямі і асаблівасцямі развіцця сістэмы адукацыі (С. М. Вансовіч, В. Н. Лухверчык, С. В. Снапкоўская) [2], [6];

- спецыфічнай этнаканфесійнай сітуацыі (В. В. Грыгор'ева, Н. А. Кутузава, В. І. Навіцкі, Е. Н. Філатава) [20], [27];

Такім чынам, эвалюцыя вызначэння змястоўных дамінант грамадзянска-патрыятычнага выхавання дазволіць тэарэтычна абгрунтаваць магчымасці сучаснага выкарыстання айчыннага гісторыка-педагагічнага вопыту па выхаванні патрыётаў і грамадзян сваёй Айчыны, будзе садзейнічаць гістарычнасці і нацыянальна-культурнай пераемнасці ў арганізацыі выхаваўчага працэсу.

Спіс асноўных крыніц

1. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост. Э. К. Дорошевич, М.С. Мятельский, П.С. Солнцев. – М.: Педагогика, 1986. – 468 с.

2. Асвета і педагагічная думка Беларусі: Са старажытнасці да пачатку ХХ ст. / Пад рэд. С.В. Снапкоўскай (адк. рэд.), Г.Р. Сянькевіч [і інш]. – Мінск: Нац. інстытут адукацыі, 1995. – 205 с.

3. Болбас, В.С. Этычная педагогіка беларусаў / В.С. Болбас. – Мінск: Бел. навука, 2004. – 175 с.
4. Борчук, А.Л. Историко-теоретический анализ проблемы формирования патриотизма и гражданственности / А.Л. Борчук // Пазашкольнае выхаванне. – 2003. – № 3. – С. 28 – 29.
5. Буткевич, В.В. Становление основ гражданского воспитания в истории педагогической мысли Беларуси / В.В. Буткевич, О.В. Толкачева // Межд. конкурс педагогов: сб. материалов 5-го подсеминара / под общ. ред. проф. М.М. Сидоренко. – Артек, 2001. – С. 5–10.
6. Вансович, Л.В. Белорусоведение: учебное пособие / Л.В. Вансович. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 224 с.
7. Вішнеўская, Л.В. Грамадзянская актыўнасць як састаўляючая грамадзянскага выхавання. / Л.В. Вішнеўская. – Мінск., 2006. – 80 с.
8. Гавриловец, К.В. Научение человека жить счастливо как стратегическая цель воспитания/ К. В. Гавриловец // Праблемы выхавання. – 2011. – № 3. – С. 5–7.
9. Галенчанка, Г.Я. Эпоха Скарыны. Тэарытычныя і гістарычныя праблемы Рэнесанса на Беларусі / Г.Я. Галенчанка // Наш Радавод: матэрыялы міжнар. навук. канф. “Гістарычная памяць народаў ВКЛ і Беларусі XIII – XX стст. / пад рэд. Д. У. Карава. – Гродна, 1996. – Кн. 7. С. 184–186.
10. Грымаць, А.А. Нацыянальная самасвядомасць і праблемы сацыялізацыі моладзі / А. А. Грымаць // Нацыянальная самасвядомасць і выхаванне моладзі: зб. навук. Прац / Нац. ін-т адукацыі; навук. рэд.: А. С. Лапцёнак, В. А. Салееў (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: НІА, 1996. – 119 с.
11. Гутарчык, Т.А. Патрыятычнае і грамадзянскае выхаванне / Т.А. Гутарчык // Народная асвета. – 2002. – № 8. – С. 71–72.
12. Захарова, С.Н. Гражданином быть обязан: Основы гражданского образования: метод. пособие / С.Н. Захарова. – Минск: Ред. науч.-метод. журн. «Пачатковая школа», 2003. – 96 с.
13. Ивашкевич, Е.Ф. Формирование гражданского достоинства учащихся 8 – 11 классов при изучении истории и культуры белорусского народа: авт. дис. ... канд. пед. наук: 13. 00. 01. / Е.Ф. Ивашкевич; Витебск. гос. ун-т. – Витебск, 1998. – 20 с.
14. История общественной и философской мысли в Беларуси: раннее и развитое Возрождение: хрестоматия: пособие / авт.-сост. В.В. Старостенко. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 332 с.:ил.
15. История общественной и философской мысли в Беларуси: эпоха Средневековья: хрестоматия: пособие / авт.-сост. В.В. Старостенко. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – 396 с.:ил.
16. Кабуш, У.Т. Патрыятызм – інтэграваная якасць асобы школьніка / У.Т. Кабуш // Народная асвета. – 2003. – № 12. – С. 46–47.
17. Кадол, Ф.В. Воспитание чести и достоинства старшеклассников / Ф.В. Кадол. – Минск, 1998. – 208 с.
18. Козинец, Л.А. Теория и практика гражданского воспитания учащихся / Л.А. Козинец, Е.Ю. Крикало. – Мозырь: Содействие, 2006. – 144 с.
19. Конан, В.М. Становление и развитие философской мысли в X – XVII вв. / В.М. Конан, А.С. Майхрович, С.А. Подокшин // Очерки истории науки и культуры Беларуси IX – начала XX в. / П.Т. Петриков [и др.]. – Минск: Навука і тэхніка, 1996. – С. 98 – 116.
20. Кутузова, Н.А. Нация, религия и государственность в полемической литературе Беларуси конца XVI – первой половины XVII в. / Н.А. Кутузова. – Минск, 1998. – 93 с.

21. Левко, А.И. Модель воспитания гражданственности и патриотизма в современных условиях / А.И. Левко, Л.А. Худенко // Столичное образование. – 2002. – № 10. – С. 4–9.
22. Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі / С.В. Марозава; пад навук. рэд. У.М. Конана. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 352 с.
23. Мартынова, В.В. Гражданин: Progr.-метод. реком. по орг. работы с уч-ся / В.В. Мартынова. – Минск: Народная асвета, 1995. – 45 с.
24. Мельников, А.П. Национальный менталитет белорусов / А.П. Мельников. – 2-е изд. – Минск: Право и экономика, 2005. – 112 с.
25. Народная педагогіка: вучэбна-метадычны дапаможнік / Г. П. Арлова [і інш.]; УА “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. П. М. Машэрава”. – Віцебск: ВДУ ім. П.М. Машэрава, 2006. – 168 с.
26. Петухоў, У. М. Цывілізацыйны падыход да грамадзянскага выхавання / У. М. Петухоў // Адукацыя і выхаванне. – 1994. – № 2. – С. 88–95.
27. Сманцер, А.П. Гуманизация педагогического процесса в современной школе: история и современность: учебно-методическое пособие / А.П. Сманцер. – Минск: БГУ, 2010. – 112 с.
28. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.). / В.В. Старостенко. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2001. – 200 с.
29. Узгорок, М.Ю. Аксиологические основания патриотизма (на материале белорусской духовной культуры): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / М.Ю. Узгорок. – Гродно, 2011. – 20 с.
30. Харламов, И.Ф. Основные вопросы организации воспитательной работы в школе / И.Ф. Харамов. – Минск, 1967. – 175 с.
31. Чамярыцкі, В.А. Беларускія этапысы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў / В.А. Чамярыцкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 192 с.
32. Чернявская, Ю. В. Народная культура и национальные традиции: Пособ. для учителей / Ю.В. Чернявская. – Минск: Беларусь, 2000. – 199 с.
33. Шалькевіч, В.Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / В.Ф. Шалькевіч. – Мінск: Маладзёжнае навуковае супольніцтва, 2002. – 248 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барсуک Елена Евгеньевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и МПИ УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Гавриков Андрей Валерьевич	студент УО ГГУ им. Ф. Скорины
Гавриловец Людмила Владимировна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и МПИ УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Герцик Александр Викторович	кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Ерошевич Александр Владимирович	кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии БГЭУ
Жук Сергей Александрович	студент УО БрГУ им. А.С. Пушкина
Исмайлова Людмила Васильевна	кандидат педагогических наук, доцент, декан филологического факультета УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Касюк Елена Федоровна	магистр исторических наук, научный сотрудник Института истории НАН Республики Беларусь
Колбасина Ирина Николаевна	старший преподаватель кафедры истории и МПИ УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Боханко Александр Николаевич	студент УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Костишина Ольга Владимировна	студент УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Крючек Петр Степанович	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии УО БГТУ

Курьян Зинаида Семеновна	старший преподаватель кафедры истории и МПИ УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Литвинчук Юлия Сергеевна	аспирант Института истории НАН Республики Беларусь
Лобан Марина Геннадьевна	старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Лобан Татьяна Валентиновна	аспирант УО ГГУ им. Ф. Скорины
Мижевич Ольга Михайловна	кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков УО БТЭУПК
Неверова Зоя Александровна	кандидат исторических наук, доцент УО БТЭУПК
Одиноченко Виктор Александрович	кандидат философских наук, доцент кафедры философии УО ГГУ им. Ф. Скорины
Рублевская Екатерина Ивановна	кандидат медицинских наук, директор УО «Мозырский государственный медицинский колледж»
Телепень Сергей Валерьевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и МПИ УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Сидоренко Виталина Николаевна	старший преподаватель кафедры истории Беларуси УО ГГУ им. Ф. Скорины
Тавтын Янина Сергеевна	студент УО ГГУ им. Ф. Скорины
Синицкая Илона Николаевна	студент УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Старовойтов Михаил Иванович	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси УО ГГУ им. Ф. Скорины

Стрелец Михаил Васильевич	доктор исторических наук, профессор, УО БрГТУ
Обуховская Оксана Анатольевна	доцент, УО БрГТУ
Судибор Ирина Леонидовна	старший преподаватель кафедры белорусской и русской филологии УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Шиленок Елена Николаевна	студент УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Сузько Елена Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Валетов Валентин Васильевич	доктор биологических наук, профессор, заслуженный работник образования, ректор УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Сыманович Татьяна Николаевна	кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и МПИ УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Черепко Станислав Александрович	кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории УО ГГУ им. Ф. Скорины
Шарков Анатолий Васильевич	доктор исторических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии МВД Республики Беларусь
Щербин Марина Михайловна	ассистент кафедры истории и МПИ УО МГПУ им. И.П. Шамякина
Юрис Татьяна Анатольевна	кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков УО БТЭУПК
Юрис Сергей Анатольевич	кандидат исторических наук, доцент, декан факультета довузовской подготовки УО ГГТУ им. П.О. Сухого

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЛЕССКОГО РЕГИОНА

Гавриков А.В. Революционеры справа (агония боевых дружин Союза русского народа)	3
Гавриловец Л.В. Белорусско-польское культурное сотрудничество в конце XX – начале XXI в.	7
Ерашэвіч А.У. Публічныя фінансы Мазырскага паведа ў 70–80 гг. XVIII ст. (паводле матэрыялаў інструкцый паслам шляхецкіх сеймікаў)	11
Касюк А.Ф. Барыскавічы-1 – славянскае паселішча на Мазыршчыне	16
Колбасина И.Н., Боханко А.Н. Коллективизация в регионе Мозырско-Припятского Полесья	21
Костишина О.В. Белорусско-польское культурное сотрудничество на современном этапе	27
Крючек П.С. Белорусское Полесье в этнографических работах М.В. Довнар-Запольского	31
Курьян З.С. Семейное воспитание на Туровщине в XIX веке	35
Литвинчук Ю.С. Обзор материалов Минской губернской комиссии в Мозырском уезде (1832–1851 гг.)	38
Сидоренко В.Н., Тавтын Я.С. Нефть и нефтедобыча в творчестве белорусских художников	42
Старовойтов М.И. Население Полесской области перед Великой Отечественной войной (этносоциокультурный облик)	46
Стрелец М.В., Обуховская О.А. Евреи в Турове, как модель изучения истории евреев Беларуси	53
Шарков А.В. Жить и помнить о защитниках Отечества	57
Юрис Т.А. Тенденции и проблемы развития отечественной сферы культуры	61
Юрыс С.А. Горад Мазыр у сярэдзіне 1920-х гадоў	66

Секция 2
**ХРИСТИАНСТВО КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ**

Барсук Е.Е. О. Левицкий о религиозной борьбе в западнорусской церкви в конце XVI – середине XVII вв.	70
Неверова З.А. Протестантская церковь в 1920–30-е гг. в Гомельском и Мозырском округе (по материалам архивов и печати)	74
Одиноченко В.А. Принятие христианства на Руси: проблема культурной ориентации	79
Синицкая И.Н. Церковь и общество в современной Беларуси и Польше: сохранение и развитие этнической и религиозной самобытности	84
Валетов В.В., Сыманович Т.Н. Идеал нравственности в педагогическом наследии Древней Руси	88
Чаропка С.А. Кіеўская мітраполія ў познім сярэднявеччы: цэнтрабежныя тэндэнцыі і барацьба за адзінства	91

Секция 3
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Герцык А.В. “Каліноўшчына” ў ранняй прозе У. Караткевіча і Л. Рублеўскай	96
Жук С.А. Олимпиада по истории в школе: мультимедийный тур	101
Исмайлова Л.В. Готовность будущего учителя к воспитательной деятельности	105
Кошман П.Р. Мастацкая канструкцыя нацыянальнага вобраза свету ў аповесці Ф.Сіўко “Удог”	109
Лобан М.Г., Лобан Т.В. Кто они такие – русские? (Взгляд сквозь время в книге В. Познера “Прощание с иллюзиями”)	111
Мижевич О.М. Антиномичность городской культуры и ее влияние на духовный мир человека	116
Рублевская Е.И., Телепень С.В. К вопросу о преподавании латинского языка в условиях образовательной ситуации Белорусского Полесья	120
Судибор И.Л., Шиленок М.Н. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: проблематика и идейная направленность книги	124
Сузько А.У. Духоўнасць як аснова мастацкай канцэпцыі гісторыі В. Іпатавай	128
Шчэрбін М.М. Змястоўныя дамінанты грамадзянска-патрыятычнага выхавання: гістарыяграфічны аспект	132

Научное издание

МОЗЫРЩИНА: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ВРЕМЯ
Материалы Международной
научно-практической конференции
Мозырь, 26–27 мая 2016 г.

Корректор *Л. В. Журавская*
Оригинал-макет *Е. В. Лис*

Подписано в печать 25.05.2016. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 8,31. Уч.-изд. л. 9,2.
Тираж 60 экз. Заказ 21.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Мозырский государственный педагогический
университет имени И. П. Шамякина».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий N 1/306 от 22 апреля 2014 г.
Ул. Студенческая, 28, 247760, Мозырь, Гомельская обл.
Тел. (0236) 32-46-29